

ТЕОДИЦЕЯ*

Роман

1. Колл-центр

«Вас приветствует единый Колл-центр Церкви религиозного сознания. Звонок бесплатный. Если вы уже являетесь членом ЦРС, наберите в тональном режиме цифру 1. Если вы хотели бы присоединиться к ЦРС — цифру 2. Если вы хотите получить консультацию по вопросам религиозно-философских доктрин, богослужебной литературы, других деноминаций — цифру 3. Ваш звонок очень важен для нас».

Нажавшие «3» несколько секунд слушали отрывок какого-то электронного хора, затем женский голос на полтона ниже, доверительней, чем у сирены, звавшей выбрать одно из трех, приглашал продолжить путь по религиозному лабиринту.

«Если у вас возникли вопросы по действующим канонам, обрядам, сакральной или богослужебной литературе одного из следующих культов, наберите цифры: христианство — 01, ислам — 02, иудаизм — 03, буддизм — 04, тенгрианство — 05, зороастризм — 06, индуизм — 07, шаманизм — 08, конфуцианство — 09, анимизм и язычество — 10, или дождитесь ответа оператора. Вам обязательно ответят».

Культы ветвились на конфессии. Христиане: православные, католики, монофизиты, несториане, протестанты. Далее. Протестанты: баптисты, кальвинисты, методисты, менониты... Вторые производные от протестантов: свидетели Иеговы, адвентисты Седьмого дня, квакеры.

В религиозном лабиринте Колл-центра сидели консультанты по всем церквам, сектам, исповеданиям, зарегистрированным на 16 сентября 2021 года.

Зейдиты, друзья, езиды, алавиты, исмаилиты, мормоны, сикхи, джайнисты, синтоисты...

В перечислении наборы религиозных опций кажутся громоздкими, но... Среднее время обработки запроса, соединения со специалистом: *менее 50 секунд!* Раньше, до того, как Колл-центр вместе с телефонными номерами 8-800-xxx-xx-xx был выкуплен Церковью религиозного сознания, клиентов с порога, без конфессиональных развилочек, засыпали вопросами: *У вас проблемы с уточнением понятия Благодать?.. Троица? Нажмите... Вы испытываете трудности при исповеди, причащении? Других таинстввах? — Нажмите... Желаете уточнить определение греха?..*

А как подметил супервайзер Колл-центра Лев Фомич Веденский: «Толковать свидетелю Иеговы о Троице все равно что саентологу — о Таинствах!» Бесплезно то есть.

Классификация — общеплезный, технологичный прием, хотя некоторые номинации, из молодых-азартных, грозили начать новый век религиозных войн, прямо как во времена Лютера: только чтоб не считаться ответвлением *тех, погрязших*

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Автор двенадцати книг, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

* Журнальный вариант.

во грехе, не соседствовать с этими самозванцами... или теми исчадиями ада... Эдакая «детская болезнь левизны» в клерикализме. Заинтересованные люди в правительствах делали вид, что принимали эти угрозы всерьез. Оставляя их подростковую запальчивость за рамками работы, Колл-центр ссылался на доклад Комиссии Свенсона—Гелашвили—Цветанова, Резолюцию ООН от 2 октября 2021 года, в приложении к которой все конфессиональные юниты не только перечислены до последней секты, зарегистрированной на 16 сентября 2021 года, но и разложены на манер Карла Линнея по классам и семействам. Выражаясь подобающе, библейски: *по роду и подобию их*.

Не обошлось без прикладной мудрости 1990-х годов: Политкорректности. Помимо генеалогического древа, официальное хождение имел Регистр деноминаций: все организации, структуры, претендующие на религиозное происхождение, переписаны в порядке английского алфавита. Одни хитрюги успели за три дня до Всемирной Переписи зарегистрироваться, попав на первую строчку: *Аадиантытики*. И деланно возмущались обвинениями, что затеяли это ради перепродажи бренда и домена *aadianytick.com* какой-то калифорнийской секте. Прохиндеям пришлось-таки судиться с храмом Визионеров последнего дня по катехизису (*совпадения до степени смешения, плагиат*), а список догматов, как выяснилось, они вообще скачали у методистов-реформатов Новой Конгрегации. И даже эти маркитанты голого маркетинга набрали-таки 397 000 членов в США, Канаде, Бенилюксе благодаря первому месту в Регистре деноминаций, а значит, в справочниках, телефонных книгах.

Некоторым деноминациям помогали правительства, готовые вложить в пиар, археологию любые суммы, чтоб подтвердить исторические приоритеты, доказать, что их страна приняла христианство еще в 238 году до нашей эры. Термин «*пиархеология*» грозит перейти из памфлетов в реальные учебные планы университетов: наука раскапывать то, что для престижа государства нужнее.

Но все ж *Двенадцатидневная война 2020 года* убедила: смешение и хаос несут больше угроз, чем строгая классификация, даже прищемляющая каких-либо неофитов. И Устав ООН, порой смотревшийся дряхлее Ветхого Завета, высмеиваемые Комиссии ООН, бессильные резолюции оказались все ж единственным путем, шансом на спасение рода человеческого. Даже мелькала идея придания самой ООН черт некоей Всемирной церкви, а шести первым ее Генеральным секретарям до Курта Вальдхайма или даже до Кофи Анана включительно — звания новосвятых. А зданию на Ист-Ривер (Нью-Йорк) — статуса Центрального храма.

Политическая энергия вождей и наций, что век билась, «как между двух берегов», меж двух социально-классовых систем, после обрушения в 1991-м одного берега, потом размывания другого попала, продолжая лексикон речника, на пороги и водопады начала 2020-х, когда медиаакликуши уже анонсировали «*новый век религиозных войн*». И все восемь миллиардов, кроме разве каких дикарей, джунглевых счастливых, так и не узнавших о начавшейся, но замершей в дебюте Атомной войне, все дружно молились о спасении. Разноязыко, разнобогово, равноусердно.

Три ядерных удара, четвертый, перехваченный, прямо по-голливудски, в последнюю минуту, реально ожидавшиеся еще сотни, то есть «Конец света», официальный Армагеддон, вновь распахнули врата храмов. Статистические сводки, опросы общественного мнения показывали рост посещаемости церковных служб (в среднем по Европе — 14,3 %, в России 14,7 %), убыль атеистов (–8,4 %), агностиков (–2,7 %). Индекс подачи милостыни на улицах вырос на 5,9 %, объем продаж религиозной атрибутики на 24,8 %... Количество рок- и поп-песен со словосочетанием «*emptysky*» или «*emptyspace*» в припевах, сократилось в четыре с половиной раза (в натуральном исчислении: на 1 700 штук в год).

После пароксизмов-кризисов пошли поиски новых критериев объединений, обобщений. Как и тысячу лет назад, то были религиозно-философские нюансы, правда, теперь «разминированные» научным анализом, телеболтовней, вселенскими сам-

митами, соборами, ассамблеями, экуменизмом. Обезвреженные классификаторством, отвлекающими прениями по вопросам процедуры, формата, включения/невключения в регистр Свенсона—Гелашвили—Цветанова (да хранит их каждый из Господов!).

Эти глобальные сдвиги применительно к отдельно взятому «маленькому человеку» Гере Петровичу Ламину, сидевшему в религиозном лабиринте Колл-центра в ячейке под шифром: 8-800-NNN-NN-NN2(гудок)*3*001#021*3785 — весьма положительно сказались на статусе, зарплате, квартальных бонусах, в общем — на *бытии* (библейзмы стали его профессиональным жаргоном).

Многошаговое ветвление — не блажь московского руководства или даже Конгрегационного конгресса ЦРС в городе Пасадена (штат Калифорния, USA). Всякий представляющий принципы работы многоканальных колл-центров поймет главную задачу. Входящий поток звонков (в идеале — непрерывно растущий) надо как можно скорее распасовать специалистам, освобождая каналы для новых обращений. Гера Петрович Ламин (филфак МГУ, 2009), старший эксперт Фонда «Открытое сообщество» (2009—2010), эксперт Фонда Карнаби (2010), менеджер Клиентского центра Пи-Лайн (2010—2011), менеджер..., менеджер..., безработный... — стал специалистом по Теодицее.

Томимые духовной жаждою припадали к нему в случае непринадлежности к ЦРС (нажатие «*3»), далее: признания христианской ориентации (код 01). Потом специальные вопросы гнали их по развилкам и поворотам двухтысячелетней доктрины. «*Верите ли вы в Предистинацию (Божественное предопределение)? Если да, наберите цифры... Верите ли вы в объективную реальность Зла? В существование ангелов, демонов (для звонков из сельских районов: чертей)?*»

Огромный зал был поделен на прозрачные кабинки: 27 рабочих мест. Консультанты, в документах ЦРС называемые «братья-миссионеры», были вооружены гарнитурой «хэндс фри». Похожая на половинку нимба сверкающая дуга, впивавшаяся в уши, от правого наушника — еще четверть: дуга микрофона. Итого: $\frac{3}{4}$ нимба над миссионерской главой. Свободные руки парили на манер Святославо-Рихтеровых над клавиатурой, набирая почти аккордами ключевые слова, извлекая из поисковиков справки, цитаты, цифры. Задача: определить, какой именно вопрос, дефект веры клиент ощущает как свою проблему. Кто-то не верил в церковь как условие спасения, однако хотел разобраться с Благодатью. Кто-то отвергал Таинства, нуждаясь лишь в укреплении веры в вечность души. Или, наоборот, принимая церковную иерархию, Крещение, никак не мог поверить в объективное существование дьявола, Ада, без чего и сама Церковь проваливалась в Пустоту.

В общем, следовало уяснить, так сказать, «тарифный план» данного клиента и вести консультацию соответственно.

Хотя католики, православные с гордой вершины своего 2000-летия и даже баптисты-методисты припечатывали цээрэсовцев: «Религиозный модерн, новодел!», московский директор Стелл Хизинг держал ставку на добрый старый Человеческий диалог, Доверительную беседу.

К тому же траекторию этого on-line богоискательства миссионер ЦРС прочерчивал сам, вне зависимости от хитростей строителей интернет-лабиринтов, рекламной корысти сеятелей ссылок и баннеров.

Кроме двадцати семи стеклянных выгородок, были и полновесные кабинеты: супервайзера Колл-центра, начальника секьюрити-отдела и шестерых миссионеров, консультировавших, приводивших к вере по скайпу, — получали они в полтора раза больше простых миссионеров, а дополнительных трат: только белые сорочки, свежестью не более двух дней (это строго). Узкие темно-синие галстучки с вышитым вензелем ЦРС выдавались бесплатно.

Важный момент: работники Колл-центра обязательно — прихожане ЦРС. Так что Аркадий Незванов, бывший аспирант Санкт-Петербургского педагогического университета, почти не обманывал своего друга Сергея Вашенина, приглашая приехать в Москву на собеседование.

— Да если и завлекут! Меня в том году приняли, и че? Эта ЦРС — типа профсоюза. Проповеди, правда, по воскресеньям, начало в десять утра. Неудобно, старик, согласен, но проблемы бывают, только если пропустишь четыре раза подряд. Читает прелат-директор, мужик прикольный. По-русски — почти как мы, славист из Гарварда, потому что прислали. Всегда что-нибудь из Чехова вплетает. Ты набери в поисковике: Стелл Хизинг, автор монографии о постановках «Трех сестер» в США. Это и к собеседованию полезно, он будет польщен. Кстати, воскресная проповедь, два часа — это считая и вопросы-ответы, слайд-шоу, нарезку трансляций из Пасадены. Бывает не скучно... Вопросы-ответы? А с этим у нас серьезно. Лучше пару воскресников пропустить, чем пять раз просидеть молча. Миссионеру бывают о-го-го какие вопросы. Их ретранслируем Хизингу, он дает установки. Все увязано... Есть еще гритти-час, это типа производственного совещания, темы те же, но уже строго в рабочее время... Молодежи больше половины, две чиксы классные. К одной, сразу предупреждаю, не вздумай подкатывать. Хотя... можешь попробовать — так пошлет, мне даже интересно будет... Правда, наш непосредственный начальник, супервайзер Веденский — иезуитище конкретный. Зато, старик, работа — практически по нашей специальности. Религиозные звонки — не сто процентов. У нас же как? Прознали, что по качеству консультаций мы супер, и бесплатны, и не посылаем на три буквы. И пошли нас вместо психоаналитиков, семейных психологов юзать. Сына от дурной компании отвадить, по философии, истории к экзамену проконсультировать... А начальство: о'кей, число обращений — главный показатель! Тут, кроме психологов, все наш брат филолог. Текстология, ссылки-сноски, цитаты... Только богословы сюда работать чего-то не идут. Мы, получается, типа штрейкбрехеры...

Говорил это Аркадий Незванов совершенно открыто, со своего скайп-миссионерского места и даже не был бы против, если б у супервайзера Веденского достало бы времени снять с (виртуальной) полки запись этого трепа, просмотреть. Пропаганда, привлечение людей, продвижение идей. А вольности речи — одно из достижений ЦРС, религия разума. Ну, может, Хизинг на «штрейкбрехеров» чуть поморщился бы, а Веденский на «конкретного иезуита»...

В день служебного повышения, перевода в скайп-миссионеры Гера Петрович Ламин собрал в коробку свой офисный скарб (календарь-ежедневник, кружка, две рамки с фотографиями, авторучка, блокнот) и переселился из стекляшки за тяжелую дверь. Рядом, через диванчик и кадку с искусственной пальмой — такая же, но с золотистой табличкой «Лев Фомич Веденский». Пунктик корпоративного стиля, которому в Пасадене наверняка было обоснование. Какие-нибудь маркетинговые, бихейвористские исследования и... оригинальное решение: таблички на дверях кабинетов Колл-центра и ЦРС все по размерам демократично одинаковы. По фактуре наоборот: аристократично вызолочены. По содержанию: никаких должностей, только фамилия-имя-отчество (некоторые уволенные свинчивали на память). Например, соседом Веденского был начальник секьюрити-отдела, отвечавший за безопасность сотрудников, техники, финансовых средств, взаимодействие с полицией... важный человек, а на двери только: «Павел Иванович Измайлов».

Кабинеты скайп-миссионеров были с книжными стеллажами от пола до потолка, так что духовно заинтересованный клиент оказывался еще и заинтригованным, когда его собеседник, легко оттолкнувшись, катился в кресле метра два, разворачи-

вался к стеллажу, шевеля губами, всматривался, вставал, иногда восходил на трехступенчатую лесенку-подставку, снимал с полки том... возвращался в фокус веб-камеры к почтительно ожидавшему собеседнику, открывал книгу и:

— Итак, Иосиф Флавий «Иудейские древности», том второй, страница 42...

Такое почтение к «бумажному носителю», личному разговору — результат многих событий. Электронные сети, сайты-библиотеки, все более быстрые, все более бесплатные, дошедшие уже до отрицательных тарифов (проще говоря, платили «веб-мани» за просмотры), оставались незаменимыми, базовыми средствами, но все же подмочили свою репутацию.

Потоки фальшивок, участие в войне на «информационном фланге» еще можно было извинить. Но, кроме лояльного участия, было еще и вполне конкретное провоцирование. Всякая армия имеет авангард, «застрельщиков», но... где бойцы-авангардисты превращаются в провокаторов? Граница неявная. И все ж, по мнению многих, «электронно-серверная империя» Бена эль-Лауберга преступила ее в числе первых. Их ближневосточную фэйк-атаку теперь смачно называют «электронный выстрел Гаврилы Принципа». Надеюсь, возможно, лишить Бена прибылей, душевного равновесия (ха-ха-ха!), уважения в мире, семье, ночного сна... напоминанием о 249 460 жертв, хотя точная цифра погибших в «Двенадцатидневной войне» — предмет новой войны, уже информационной.

И теперь, когда все признали, что по известной русской поговорке «Худой мир лучше хорошей гибридной ссоры», вырос спрос на доверительное общение, зачитывание бумажных книг, буквально вождение пальцем по строке. Кстати, классный прием миссионера Лизы Сумароковой: в ее кабинете веб-камера приподнята на штанге, давая вид сверху, на тонкий наманикюренный пальчик, бегущий по строке Кумранского свитка нового, эхмовского издания. Ламин, когда в григги-час крутили примеры наиболее успешных скайп-проповедей, тайно любовался этим пальчиком.

Не было никаких письменных установок, унижающих вольный дух собраний братьев-миссионеров относительно порядка рассаживания, однако исторически сложилось так, что шестеро скайп-миссионеров усаживались в кресла первого ряда. И в эту пятницу Гера Петрович Ламин впервые полноправно сел рядом с Лизой Сумароковой. Хотел до начала докладов завести разговор, но миссионерка упреждающе погрозила наманикюренным пальчиком, тем самым, пробежавшим уже ...надцать километров вдоль строк Писаний и Толкований:

— А я знаю, почему вас взяли в скайперы!

Поворачивала голову, кивала Лиза всегда нарочито резким движением, так что ее агатовая, антрацитовая... в общем, ярко-черная, блестящая челка и боковые пряди, вскидываясь, хлестали по щекам и серым глазам. Похоже на пантеру, нахлестывающую себя хвостом перед броском...

Насчет своего продвижения в скайпер-миссионеры Гера Петрович сам точно не знал. Если и догадывался, все равно цеплялся, перебирая другие варианты... Кстати, служебный взлет и самой Лизы тоже оставлял простор для версий, самых... вплоть до скабрезных. Цветущая девица чуть за двадцать пять — в роли проповедника, толкователя? Утешителя? Теоретически да — мостик к молодежному сегменту. А может, и... президента США во время осмотра работы Колл-центра подвели именно к ее кабинке, ее микрофон-наушники он взял, торжественно ответив на два звонка, *случайно выбранных из потока...* Телекамеры информационных каналов крутили-водили прицелами объективов, как прожекторы ПВО в войну, и, отклонившись на градусов тридцать от псевдовальяжного президента, нет-нет да захватывали в перекрестья взмывающую агатовую челку, серые глаза чуть навывкате, носик и вздернутые грудки миссионера...

— И почему же, Лиза? По-вашему?

— Свою тетушку Серафиму, VIP-колдунью, будете должны перетащить сюда. Типа цэрээсную Матронушку здесь воздвигнуть.

— Что ж, спасибо, Лизавета... Патрикеевна.

— За что же, бедный Гера Петрович? — показала, что додуманым лисьим отчетством польщена, интонацией доиграв сказочно-басенную интриганку и хитрюгу.

— Что предупредили. Пока намеков не было. Но буду начеку. — Отвечал он бодрячком, но после этого даже эсэмэска «Зачислено 26 775 руб. Зарплата», нарочно оставленная им на экране, чуть потускнела, словно села батарейка мобильного. Платили в ЦРС, как на западных фирмах, по понедельно, задержек не случалось, но... Тетку? Сюда? Денежная эсэмэс-строчка, бежавшая и по мозговым извилинам, совсем полиняла. Как? Чем ее заманишь? К тому ж племянник я двоюродный.

«Затоптанная радость, прорастающая тоска» — примерно так специалисты по визуализации эмоций назвали бы состояние, мимическую рябь на лице Геры Петровича в момент, когда супервайзер Веденский, сидевший ровно под портретом основателя ЦРС, преподобного Джекоба Меддока, переходил ко второму пункту повестки.

— Теперь, уважаемые братья, слушаем друг друга, поделимся мыслями о работе московского отделения нашей Церкви.

Полуоборот влево, Лев Фомич покосился на Стелла Хизинга. Московский и восточноевропейский прелат-директор кивнул. Долгие речи давались Льву Фомичу с заметными физическими трудностями. Дыхательные проблемы, сухой кашель. Одышка? Астма? Что похуже? Собеседники видели: оставались еще пункты разговора, но... супервайзер доставал из кармана спрей-баллончик, вонзал белый хоботок повыше языка и пшик-пшик-пшик.

— Мы знаем, многие положения нашего Катехизиса воспринимаются российскими абонентами колл-центра как... непривычные. Порой даже смешные. За второе полугодие зафиксированы три новых анекдота про нашу Церковь...Далее. 47 % обратившихся к нам в прошлом году использовали Колл-центр как психотерапевтическую консультацию, привлеченные высоким качеством и бесплатностью нашей службы. Халява... *Hal-lyav-ya!* Старательно «по-иностранному» выломав язык, он пояснил Хизингу. Прекрасно зная русский, тот отставал по сленгу, жаргонизмам.

— Так в чем вы видите главные функции миссионеров нашего центра? — Веденский надеялся, что серьезные размышления сотрудников дадут ему отдышаться минуту, но бойкий мерзавец с третьего ряда через мгновение потянул руку и, радостно подрагивая, привстал.

— Слушаю, уважаемый брат Сергей.

— Главная функция миссионера — разъяснять абонентам положения Катехизиса, квартальных бюллетеней ЦРС, указывать на особый их исторический контекст, чтоб... короче, не смеялись. Пояснять, что тезаурус, набор идиом обусловлен общей культурой места зарождения ЦРС, Пасадена, штат Калифорния, родины преподобного Джекоба Меддока...

Сопроводив порцию давно выверенной *инфы* Сергей Викторович Метрохин оглянул ряды собрания. Аккуратно одетый, как все миссионеры, но при том еще красивый мужчина около тридцати пяти. Прямой пробор, правильный профиль, бритые и высокий воротничок героя оперетт...

— Правильно, брат Сергей, но не полно. Наша миссия — еще и обратная связь. Пасадена ждет нашего слова. Мы, носители русского языка, культуры, должны не просто транслировать идеи ЦРС, но и внимательно суммировать реакцию соотечественников, передавать ее. В этом оправдание нашего существования и щедрых зарплат...

Но в России, что в еле живых НИИ, что в богатых филиалах международных фирм, карьеристы, стукачи, тянутели рук, вроде Метрохина, всегда уравновешены остряками, ехидами, «ВРИО оппозиционеров», ради красного словца не жалевшими и карьер. Один из таковых, Аркадий Незванов, сидел слева от Лизы и совершенно завладел ее вниманием, рассказывая, что из Германии до Москвы дошла новая ролевая игра «в сектантского проповедника».

Якобы вчера в секс-шопе на улице Красина, рядом с Тишинкой, он самолично видел за шпалерами черных трусов, кожаных жилеток, хлыстов, рядом с костюмом «медсестры», фартучком школьницы, комбинезоном «немецкого сантехника» — новый комплект:

— Черные брюки, синий узкий галстук, рубашка, типа военная, с накладными карманчиками на груди. И на левом карманчике латинскими буквами вышито имя. Как у саентологов: «Dennis», «Vera», «Mark». Или, как в Армии спасения, со званием: «Sergant», «Capitan».

— И все?

— А че ты хотела, Лиз? Сутаны? Шапки кардинальской? Это ж будет другая игра. А тут — реальная жизненная ситуация и... полет фантазии! Прикинь, звонок в дверь. Открываешь, стоит такой... С цветными буклетиками, журнальчиками. Их правда, в Секс-шопе на Красина не было, но можно набрать отдельно, хотя б у нас на стенде ЦРС. В общем, стоит, улыбается: «У вас найдется пять минут поговорить о нашем Благом Создателе»? Ты, типа домохозяйка, впускаешь его, как «немецко-го сантехника», он заходит и... начинает тебя соблазнять.

Забывтый новоиспеченный скайп-миссионер Гера Ламин видел только спину, трясущиеся плечики Лизы Сумароковой...

Супервайзер Лев Веденский пытался в пределах отпущенных порций дыхания донести до инертной, легкомысленной миссионерской массы уникальные возможности, что представляла ЦРС.

— ...Организационная прочность структуры Церкви религиозного сознания сочетается с огромной свободой, допускаемой вариативностью переводов вероучительной и богослужебной литературы, — пшик-пшик. — В отличие от других централизованно управляемых церквей, ЦРС представляет собой как бы холдинг со свободными горизонтальными связями. Надеюсь, эта условная аналогия понятна? Вы же все... — набрав сил и воздуха, — после 2021 года были свидетелями религиозного прилива! Неужели мы допустим, чтобы все опять... как всегда у нас... Что, уважаемый брат Сергей Викторович?

— Я правильно вас понял, что Пасадена дает нам свой логотип, катехизис, догматы, эмблематику... как бы во франшизу?

«Далеко, мерзавец, пойдет», — устало подумал Веденский, пшикнув еще три раза.

Более чуткие собеседники по частоте и числу спреевых «пшиков» уясняли степень (не)нужности своих речей и сворачивались так, чтоб с ответом Лев Фомич мог уложиться в два слова:

— ... верно, Лев Фомич? — Верно.

Вчера в коридоре со Стеллом Хизингом разговор случился еще короче:

— О. К., Fomich? — О. К. Stell!

И сколько не тянули «миссионеры» Колл-центра головы из своих стеклянных клетушек — больше ничего о своих перспективах из обмена окоями вызнать не удавалось. Впрочем, можно успокоиться и на том. Московский Колл-центр на хорошем счету: 373 068 обращений, результат отмечен в третьем квартальном Bulletin, Бюллетень ЦРС. Сокращения штатов не предвидится. Ближайшее индексирование сэ-лэри — в июне.

2. Не давите гадину

Поверхностные (или завистливые) комментаторы объясняли крупный успех ЦРС в России удачным сочетанием факторов. Во-первых, очередное окончание «холодной войны». Новому окончанию «холодной войны» бренд пока не подобрали, прагматически повторяя: «Не сглазить бы! Да, худой мир лучше хорошей гибридной...»

Во-вторых, новый президент США, впервые за последние 17 лет посетивший Москву, был прихожанином ЦРС, и в трехдневную программу его пребывания, конечно, втиснули двухчасовой визит в Московское отделение и Колл-центр, медиамолебен, беседу с адептами и прелатами, съехавшимися по такому случаю со всего СНГ, стран Балтии, из Финляндии, Польши, Словакии...

Еще Джекоб Меддок со товарищи, составляя в глухие, темные 1980-е годы катехизис Церкви религиозного сознания, так упредительно-мудро исключали конфликтные пункты, что любой вчитавшийся должен был вздохнуть: «Ээ-х! Живи отцы-основатели ЦРС во времена апостольские — не было бы ни религиозных войн, ни застенков инквизиций, ни костров на площадях! А эти... Джордано Бруно и Ян Гус, скорее всего, умерли бы своей смертью. Хотя и безвестными».

Седьмая и девятая поправки к Катехизису ЦРС в русском переводе звучали так: «Религиозная свобода — мать всех человеческих свобод... Религиозная толерантность — основа национальной, социальной толерантности, фундамент разумного планетарного общежития». Но в идеях разрядки религиозной напряженности преподобный Джекоб Меддок с первыми учениками пошли даже дальше своих предтеч, таких приверженцев веротерпимости, как Гольбах, Руссо, Вольтер. Последний, например, борясь с религиозным фанатизмом, в конце каждого письма любому корреспонденту по любому поводу делал внизу, на манер нынешнего спама, свою знаменитую приписку: «*Раздавите гадину! (Ecrasez l'infâme)*», имея в виду, как известно, католическую церковь.

Так вот, в электронных письмах, рассылках ЦРС, после рекламы новых изданий религиозной литературы, сообщений о концертах, медиамолебнах, номеров контактных телефонов, в левом нижнем углу всегда стоит приписка мелким шрифтом: «*Не давите гадину!*»

Принципиальная толерантность, незамеченность в агрессивном прозелитизме (погоне за чужой паствой) вознаграждались тем, что священники, пресвитеры большинства деноминаций не запрещали настрого своим прихожанам обращаться в Колл-центр.

Располагался он на одиннадцатом этаже гигантского стеклянного бизнес-улья «Аделина». Всяк проходящий Цветным бульваром при впадении его в Трубную площадь, если только не мешали задрать голову падающая кепка, папаха, берет или широкие поля шляпы (допустим, проходящий — хасид), мог разглядеть работу, устройство колл-центра почти «в разрезе».

Выше, на двенадцатом этаже «Аделины» располагалась сама Церковь религиозного сознания. Оттуда на грипти-часы и воскресные проповеди спускался к своим миссионерам директор-прелат Стелл Хизинг.

Из значительных соседей можно упомянуть: девятый этаж — рейтинговое агентство, десятый — Инвестиционный Фокус-банк. А выше одиннадцатого-двенадцатого цээрэсовских этажей сидели какие-то стартаперы, мегаколлекторы... и PAN-DEM, межконтинентальная корпорация совсем уже непонятного направления деятельности — ее менеджеры, хотя особо и не прятались, ходили вместе со всеми обедать в ресторан на первом этаже, болтали в лифтах, уличной курилке, но так и не могли точно объяснить соседям фактуру своего бизнеса.

О соседях ЦРС по бизнес-центру «Аделина» достаточно. Упоминания стоит лишь конструкционная особенность здания: гигантская, сплошь стеклянная башня.

Начиная примерно с 2000-х годов в Москве построили десятка два подобных бизнес-центров: принципиально прозрачные стены, прозреваемый насквозь пример Открытости. Если совсем уж злопамятствовать: эпохе Гласности на смену (или в подкрепление) с началом третьего десятилетия XXI века пришла Прозрачность.

Но не будем далее плести нити аллегорий-аналогий на поругание или, наоборот, к вящей славе Церкви религиозного сознания из-за их стеклянного офиса. Вообще никакого подтекста, только стоимость аренды. К тому ж до 2019 года ЦРС размещалась на Якиманке в самом обычном московском бизнес-центре: монструозное здание с беседками типа парковых на крыше, башенками, колоннадками и прочей кирпичной банальщиной.

После выпытываний супервайзера, чем еще миссионеры могут послужить ЦРС, краткое слово взял директор-прелат Стелл Хизинг.

— Друзья! После гритти-часа не расходитесь. Фотограф сделает несколько общих снимков. Конгрегационный совет решил поместить репортаж о нашем Колл-центре в квартальном Бюлетине ЦРС. Поздравляю всех!..

Расставить 38 человек под портретом отца-основателя, преподобного Джекоба Меддока, да чтоб, как на картине Репина про заседание Государственного совета никто никого не заслонял, задача нелегкая. По американским демократическим играм начальники рассыпались в рядах сотрудников почти случайным образом. По нашему «демократическому централизму» собраны группой, ровно в центре второго ряда. Остановившись на формате отечественном, фотограф «накернил», обозначил центр Стеллом Хизингом. Пятидесятилетний славист, чеховофил и ман, редковолосый блондин выше среднего роста с несмываемой уже улыбкой, в футболке Гарвардского университета. Справа шеф-секьюрити Павел Измайлов: атлетичный, под два метра, чуть старше шестидесяти, галстук, строгий костюм, короткая седая стрижка, тяжеленные нижняя челюсть и верхние веки, в общем — «бывший силовик». Слева супервайзер Веденский в серой кофте, около пятидесяти, общая пухлость или одутловатость, волосы, усики — цвета прошлогодней травы. Яркая, впечатлившая CNN брюнетка Лиза Сумарокова, улыбчивый шатен-живчик, поблескивающие глаза — Аркадий Незванов, неопределенного затридцатилетнего возраста Гера Ламин, прической напоминавший одуванчик в желтой фазе. Вторая, по мнению многих, колл-центровская красавица Светлана Кудрявцева...

После десятка общих кадров фотограф, желая, наверно, оправдать свое командирование аж из Гамбурга, потребовал такой композиции: в центре по-прежнему руководство, наверху под самым портретом преподобного Джекоба, на высоких стульях (притащили из бара, с первого этажа бизнес-центра) — шестерка скайперов. Их белые рубашки, длинные узкие темно-синие галстуки подали идею: двое центральных вертикальны, а крайние наклоняются к ним, так что векторы галстуков стоят не забором, а сходясь, указуют на портрет преподобного. Или же (все относительно), наоборот — посылаемыми лучами расходятся от него.

— Вуд би беттер: дарк юниформ, вайт тайс. Ай кэн вэйт.

Конечно, белые галстуки-лучи на темном фоне были бы лучше, символичнее, но другой униформы нет — объяснили немчуре.

— Аркадий, а какой третий был анекдот про ЦРС, что Веденский докладывал? — спросила Сумарокова, оттирая плечом настырную Кудрявцеву. И Незванов подтвердил их с Лизой полное взаимопонимание, не уточняя: «А какие первые два?» — траванул:

— ЦРС проводит теледебаты. Тема «Когда нужно молиться?» И наш прелат спрашивает какого-то мужика: «А вот вы молитесь перед едой?» А тот: «Зачем? У меня жена нормально готовит»...

И на десятом-двадцатом композиционном кадре... то ли модели устали, то ли Кудрявцева увернулась от привалившейся по инструкции фотографа Сумароковой или даже подтолкнула, но Лиза, ойкнув, полетела вниз и основательно бы расшиблась — реакция и мощные руки шефа-секьюрити Павла Измайлова спасли. После секунд нечаянной поддержки (немец продолжал тарахтеть фотокамерой и успел дважды вякнуть «Гут! Гут!» кадрам Сумароковой на руках Измайлова) тот аккуратно поставил миссионерку и скомандовал фотографу: «Шабаш... Капут, натюрлих». Стелл Хизинг кивком утвердил окончание затянувшейся фотосессии, миссионеры пошли по местам, Гена Кортес, уборщик бизнес-центра, уносил стулья к лифту. Только Аркадий успел обменяться визитками и парой фраз с фотографом...

Орудие/оружие миссионера — скорость мысли, но еще голос, тембр. Ведь кругом XXI век и любой пользователь может сам прекрасно извлечь из Интернета нужные факты, цитаты, пройти по цепочке ссылок...

Здесь из проблемы кибернетической, технологической змеем-искусителем выползал вопрос почти религиозный. К Гере Петровичу Ламину сей «искуситель» подполз примерно через год работы, словно дождавшись, когда чувство благодарности бывшего многолетнего безработного прошло острую фазу.

Колл-центр принял его, дал достойный круг знакомых: кандидаты филологии, истории, психологи, хорошо оплачиваемое место в кабинке перед компьютером с тремя четвертями нимба: наушники, микрофон.

И когда через месяц после повышения его первый раз вызвал к себе супервайзер Веденский, Гера Ламин посыпал:

— ЦРС хоть и стремится охватить поток запросов по всем мировым религиям, однако ж имеет конкретное конфессиональное происхождение: протестантская ветвь. Шестое отпочкование, если вторым считать отделение в конце XVI века пресвитерианства-кальвинизма от общей протестантской линии. Основа всей протопетви: отказ от епископата, священников как назначенных посредников меж человеком и Богом, демократическая выборность пресвитеров (старейшин).

И, — продолжал Ламин, — строго применяя сей принцип, мы, работники Колл-центра не дрейфует ли к таковым назначенным посредникам? А информацию, сведения, которых жаждут обратившиеся, мы берем в тех же книгах, Интернете. Так, может, более честно, демократично по-нашему, по-пресвитериански будет сказать позвонившему: веди свой собственный поиск. Свое паломничество по сайтам и порталам...

Ламин хотел добавить еще пару сравнений, но супервайзер Веденский, вызвавший его совсем не для выслушивания подобных размышлений, достав из кармана баллончик, устало определил:

— Не утруждайтесь далее. Ваше, Гера Петрович, беспокойство — хороший признак. Совесть, работа мысли... Но мы не посредники. Мы лишь помощники человеку, пустившемуся на поиски. Где он может встретить и настоящих посредников. Навязчивых, нетерпимых, агрессивных... Уфф — пшик-пшик-пшик.

И отдышавшись, супервайзер очень кратко объяснил, зачем его вызвал и с чем было связано его недавнее повышение... Увы! Лиза Сумарокова была права! Он, Гера — просто тетушкин племянник. Колл-центру нужна Серафима Борисовна Калугина. Было и еще немножко странное поручение.

— Тетушка ваша, кажется, хочет продать картину. Банкир один подарил, исцеленный. Такая продажа — дело опасное, когда связей в этом мире нет. Очень не хотелось, чтоб *потенциального* Колл-центровского сотрудника, союзника хоть как-то обидели — кинули. На этот случай можно порекомендовать экспертов абсолютно надежных. Марк Эльчин, галерист, и Герард Брунин — люди верхнего московского уровня. Тетушке можно просто показать их буклеты. Конечно, выбирает пусть сама, главное — беречься от случайных, проходимцев.... Уфф!

3. Визионерша

— Серафима Борисовна, это давление, — робко, полувопросительно сказал молодой врач.

Сухоощаая дама лет шестидесяти с янтарными слезящимися глазами не возразила, только грустно усмехнулась:

— Давление — чего?!

— То есть, Серафима Борисовна, кровь, артериальное. Сосуды... Да и нижнее, диастолическое, у вас тоже...

Вся усвоенная книжная мудрость, полувековой ток и биение собственной духовной жизни не позволяли Серафиме смотреть на кровь, сосуды, сердце — как на элементы внутрителесной... гидравлики. Хотя и на этих наивно-нахальных уличных сектантских приставках с буклетиками, запрещающими переливание крови, «ибо в ней душа», она смотрела с тем же ласковым недоверием: Что ж, выходит, гипертония — повышенное давление души?

Обитая нежно-розовым бархатом стена ее гостиной, висевшая посередине картина «Феодосийский залив после бури» Айвазовского, подлинник 1859 года, вдруг поплыла, пошла водной рябью и представилась ей кирпичной стеною школьной котельной с приваленной горой старых кроватных спинок, ржавых автомобильных жестянок, дырявых тазов и кастрюль, битых, ломанных, как после гестаповских пыток, велосипедов. Выше горы на стене были надписи учительским мелом: «4-б класс, 5-б класс, 6-б класс».

Да, годы. Зарубки, приметы времени. В их зауральском городке счастливые пионеры, отпущенные с третьего урока, еще собирали металлолом, но Стройтрансколл уже переставала его вывозить, присылать грузовики с грузчиками.

Шестой класс. Она — долговязый вождь небольшого, сборного с трех дворов отряда. Все младше ее на год-два, а Нюрка аж на четыре: огромная разница, принята на правах двоюродной сестры командирши. Войнушки, прятки, помощь Симиному классу в сборе макулатуры, металлолома, секреты и планы, планы. И вдруг в конце шестого — резкая дрожь, такая же водная рябь по стене школьной котельной, по шеренге разрисованных гаражных ворот, месте их сбора, «штаба».

Взросление школьника — оно как старение пенсионера, только гораздо тревожней. Ведь тут впереди — Жизнь, которая может проскочить и мимо, особенно когда вдруг поняла, что ты дурнушка. А там ... которая уж точно мимо не пройдет.

Выбежав со своей дворовой армией к площади перед булочной, где поставили новые газировочные автоматы, Серафима вдруг оглянулась и страшно застеснялась. Увидела, как ужасно постарела ее армия, стала негодной для прятков, войнушек. Как становятся негодными, уходят на пенсию офицеры из настоящей армии.

Дядя Витя открыл своим тайным ключом дверцу автомата, за которую и на мгновение заглянуть-то было счастьем — сродни сеансу кинофильма, позвал командира: «Сима! Идите все, сейчас налью». Раньше если и застеснялась бы она перед дядей Витей, то лишь из-за своих «чик» (хитро подобранных медных кругляшей из цеха Сашкиного отца, скормленных доверчивому автомату как настоящие «3 коп»), но в тот раз — из-за своей шумной армии, собственных голых расцарапанных коленок, ситцевых цветочков затрепанного платяца. Памятная зарубка. Блуждая по древу детства-отрочества, легко отыскать и проставить дату: «5 июня 1972 г.», благодаря соседней, более глубокой, к тому ж задокументированной. В том году на следующий день, 6 июня умерла бабушка Витольда Казимировна. Несколько лет она приезжала к ним из своего Гомеля, но именно в тот раз (период тревоги, возрастных прояснений) Серафима вдруг поняла, что приезжала баба Вита — к ней. Что и в прошлые года «наша полячка» (словцо взамен более крепких от зятя, Симиного отца) пускалась в тяжелую дорогу только ради нее, Серафимы.

Починка автомата, испорченного, возможно, ее фальшивомонетчиками, затягивалась. Дверцу Витя (какой «дядя» — только три года как после армии!) все не закрывал. В приборном нутре, сложном, таинственном, как космическая станция, среди кроссворда трубок, проводов и гаек он все подтягивал фланцы баллонов, матерно бормоча: «Давление...»

— Давление... чего? — очнулась Серафима Борисовна.

Врача уже не было. Маша, помощница по дому, сказала, что доктор минут двадцать как ушел, бумажки, рецепты оставил на камине, денег не взял.

— А сколько ты предлагала?

— Пять, потом семь тысяч.

— О, моя экономка — большая транжира!

Маша, улыбаясь, щелкала пультом, перебирая каналы, но не решалась включать звук пока Серафима не очнется полностью. Мало-мальски пригодными для глухонемого просмотра ей показались новости и телеканал «Animal planet». Там корреспондент вместе с людьми в разной униформе (военные и, кажется, пожарные) бегал вокруг огромного самолета. Захвачен террористами или просто поломался? — Маша пыталась угадать по выпученным глазам парня с микрофоном. Сходить за очками для бегущей строки было лень, ей передалось хозяйкино оцепенение: а что удивительного, при Серафимином-то Даре внушения?

На «Animal planet» пятеро волков, сведя взгляды в одну точку, тянули что-то.

«Молятся прямо! Еще бы поднялись на задние лапы и сложили бы передние», — показалось Серафиме. Маша, заметив пробуждение ее внимания, включила звук и пошла за бумажками. Вытье и вправду походило на какую-то молитву, мусульманскую или тибетскую...

Рецепты Маша принесла, по-прежнему улыбаясь этой, в общем-то, старой, но удачной шутке про экономку-транжиру, чмокнула Серафиму в лоб («не горячий»): «А еще звонил племянничек ваш Гера Петрович». Плюхнулась в кресло и выбросив вперед, как на дуэли, руку с пультом, сменила волчий молебен на самолет-аэробус, который и вправду оказался захвачен.

— Знаешь, Маш, скоро пульта телевизионные будут делать в виде револьверов.

«Ну слава богу, точно очнулась. Пророчествует», — подумала Маша.

— А револьверы-то зачем?

— Для соответствия, снятия неврозов. И целиться легче. Ты сейчас вскинула руку, прям как прицелилась. Бах! — и нету волчков, нету сереньких!

— Я счас и эти новости застрелю, достали уже, захватывать!... Оп, а этого козла уж точно! — (После «Новостей» ей попался лопающийся от самодовольства ведущий ток-шоу)... А я, кажется, знаю, зачем вам Герка звонил. Си-им! Я же тут у вас за семь лет тоже набралась... духа пророческого. На двести миллианг, да... Да? Да, Сим?

Дар Серафимы открыли, признали еще в 1980-х. В эпоху строгого материализма статьи о «чудесных исцелениях, предсказаниях» были редки, потому и гремели на всю страну. Странички «Комсомольской правды», обрастая слухами, расходились в бесчисленных полуслепых ротапринтных копиях.

В одной рассказывалось, как Серафима Калугина излечила своим истекающим из пальцев биоэнергетическим полем стопроцентно зафиксированные всеми ведущими онкологами Четвертого Главного управления Минздрава («Кремлевская ЦКБ») и Академии медицинских наук злокачественные опухоли последних стадий. Еще она перезапустила два безнадежно остановившихся сердца, полностью изгладил следы инсультного мозгового погрома у народной артистки СССР. В числе исцеленных были еще жена министра энергетики, мать главного журналиста-международника... а прилагавшиеся к статье слухи дополняли: «и лично Леонида Ильича Брежнева» — он тогда как раз чуть ожил в теленовостях.

А как иначе было объяснить ту революцию, тот всесоюзный нонсенс, когда какой-то «зауральской девчонке» выделили свой биоэнергетический институт! По правде говоря, то была лаборатория, только потом ставшая филиалом института, но даже это перечеркивало напрочь сложившийся полувековой номенклатурный порядок прохождения кадров, утверждения тем диссертаций, научных теорий. Даже филиал мог получить лишь остепененный, заматерелый зубр, никак не раньше сорока лет. Знакомые с законами «застоя» поймут, почему слухи об исцелениях столь будоражили страну. Почему убогое газетное фото перефотографировали, спорили, всматриваясь в исхудалое, если не изможденное лицо?

Ведь Серафима не только опухоли, инфаркты, инсульты — она побеждала еще и «бюрократию», советскую медицинскую науку. Шире: «советскую науку» вообще. Еще шире: материализм и прочий железобетон в книжных переплетах. Приземленные обыватели завистливо формулировали: «Оно конечно! Ты сперва вылечи генсека, а потом можешь хоть по воде ходить безнаказанно! Хоть в вино ее превращать! Разрешат, в порядке исключения... учитывая особую... Типа *Талон на временное освобождение от действия Законов диалектического материализма!*» Но были и те, что яростно болели за вызывающую индивидуалку, за пробившееся исключение — они ругали, уничижительно припечатывали всех возражавших, сомневавшихся академиком, директоров НИИ.

Подтверждая именно эти Следствия из Теоремы Преодоления, словно не удовлетворяясь своей всесоюзной знахарской славой, Серафима позволила себе еще и начать предсказывать будущее. Здесь уже подрывая здание академии, неизвестно каких конкретно наук, может, и — вообще всех. Само упоминание в советской газете *еще малоизученных сфер, биоинформационных полей* и... после всех предваряющих околонуточных экивоков *«заглядывания таки в будущее»* — это... с чем сравнить? Ну, как будто все граждане СССР залпом выпили по бутылке шампанского. Головокружительно, в общем...

С открытием цензурных шлюзов выяснилось, что Серафима с точностью до месяца предсказывала Чернобыль, падение Берлинской стены, покушение на папу римского. Из благополучного: орбитальную станцию «Мир», успех пары Родина — Зайцев (кстати, ее хороших знакомых)...

В общем, многие успели ее полюбить. Жалели и особенно негодовали на тех замшелых догматиков, что смотрели на науку как на свою деляночку и, борясь с «шарлатанной самозванкой», писали что Серафима Калугина — психически не совсем здорова. Сочувствовали: нескладно-долговязая, тоненькая, на некоторых фотографиях совсем изможденная. Ловили застойных завистников на противоречиях, пробивавшихся даже в самые выверенные критические статьи «Правды», «Известий»: если уж она и «расплачивается душевным здоровьем» — так, значит, есть, за что (расплачиваться)!

Вот что значит устойчивая репутация! — где-то с конца 1980-х приходившим за исцелением она вдруг что-то предсказывала, а пытающих о будущем, наоборот, лечила — и все были довольны. Особенно Аркадий Манский, хозяин Стройинвестбанка, избывший через ее пламенные пальцы совершенно неоперабельную опухоль, а сверх того, получивший верный эскиз всех финансовых событий 1998 года...

Знаете, сейчас можно что угодно болтать о тех советских министрах, наивных народных артистах... но вот новорусский банкир! Причем *после* курса лечения взял и подарил ей, с роскошеством обставил, украсил Айвазовским четырехкомнатную квартиру на Остоженке да еще назначил поквартальную ренту: значит, *реально* чувствовал себя исцеленным, обогащенным.

Но все ж Серафима Калугина жалела о годах противостояния «академбюрократам», редких статей «Комсомолочки». Ведь в (с)мутные годы за непрошеными

материальными благами потянулись такие дикие, совершенно неожиданные угрозы, настойчивые предложения от политических партий, невнятных бизнесменов и «бизнес-структур», сект и отдельных персонажей, типов, о существовании которых она раньше и не ведала. Громкие репортажи об *экстрасенсной ясновидящей*. Повалило. Но что были за статьи! Кроме дежурной чернухи, Серафима вдруг различила в них еще и подстрекательство, почти «инструктивность». Как-то прогремели возмущенные репортажи: «До чего дошло! Беспредел и бездействие властей! Знаменитый экстрасенс Серафима Калугина получает письма с угрозами!» Потом публиковали опровержения: писем-то не было. А потом и вправду ей пришли эти угрозы. Точно так же и со скандальным нападением на выставку ее картин: сначала сенсационные сводки, потом опровержения, а потом и настоящее нападение. Так и на саму Серафиму... Как-то она спросила одного богача, хозяина много чего, в том числе пары из той газетной своры: «Зачем это?» И услышала поразительный ответ: он, хозяин, при всем уважении к Серафиме, должен распорядиться поощрить своих резвых журналистов. Значит, улавливают, что носится в воздухе. Угадывают, как и... «как и вы» (это, непроизнесенное, в свою очередь угадала Серафима).

Лет двадцать назад лилась эта чернуха, тогда и пестрых газет было больше, и голодных репортеров. Один вцепился в журналистское расследование. Якобы некий маньяк подбросил ему сообщение, что собирается убить кого-нибудь из знаменитых экстрасенсов: или Джуноу, или Серафиму Калугину. Несмотря на несколько черт сходства внешних биографий, Серафима никогда не встречалась со старшей, более знаменитой Джуной. Но он, журналист-расследователь, заводил их под общий кричащий заголовок, лез с вопросами, как бы пробуя предотвратить грозящее преступление: А вы никого не подозреваете? Не угадываете личность угрожавшего и его мотивы?

Когда получить интервью не удавалось, то заполнял страницы пестрых газет-журналов слухами и версиями, порой тесня даже гороскопы и «Звездно-кулинарные рецепты». Опытные редакторы в таких случаях просто к очередному сенсационному заголовку прибавляли в конце вопросительный знак: *«Джуна сказала, что видела во сне своего убийцу?.. Маньяк вчера позвонил Серафиме?»*

По сути, тот журналист на девять лет предвосхитил знаменитое телешоу «Битва экстрасенсов» и весьма разбогател бы — догадайся он запатентовать идею. И не отправься в многолетний тур по больницам, врачам, знахарям: однажды вечером на Каширском шоссе его машину остановили неизвестные, вытащили, ограбили, жутко избивали. Пестробумажный шлейф (газеты его пула, от «Оракула», «Тайн вселенной» до «Мира новостей») почти две недели перебрасывались версиями: *«Поклонники Джуны имитировали ограбление репортера? Тайный фанат Серафимы имитировал изнасилование отважного журналиста?»*... Но потом подробности не на шутку развернувшегося Всероссийского конкурса кулебяк, «испеченных вместе со звездами», съели почти все газетные площади.

Проект Веденского по привлечению в ЦРС Серафимы мог обернуться успехом всероссийского масштаба, даже всеэснгэвского: волны ее известности, слухов о ней, обегая границы СССР, несколько раз и перехлестывали. Спасла онкологически зависимую племянницу чехословацкого генсека. Что-то хорошее о Серафиме сказала сама Ванга.

Читавший, как и все рассказы *той* «Комсомолки», Веденский в «феномене Серафимы» тоже поражался ее самостоянию. Стоять вот так одинокой лермонтовской соной против всех обкомов, академий. Точней, не «против», не диссидентка, слава богу, какая, а *напротив*. Отдельно, несмешанно, неслиянно. Будто она с КПСС подписала на равных какой-то тайный Пакт. Точно так же потом и с православной церковью.

«Ну вылечила бы какого-нибудь там... митрополита! — переживали, „болели за нее“ поклонницы. — Ведь верующая, каких поискать! В каждом интервью упоминает Бога, Пречистые Божия мать. В кабинете, за креслом, во всех телепередачах: иконостас почти до потолка!» Но опять молчание, словно тоже подписан какой-то секретный Пакт. «Эх, Серафима! Такой огромный потенциал, не тронут, не использован ни одной деноминацией. И в такое время! В... *ее* время!» — поражался нерадению коллег, конкурентов Лев Фомич Веденский...

А сейчас, как подтвердили собранные сведения, Серафима Борисовна стоит на жизненно-финансовом распутье. Главный спонсор, банкир Манский год как убит, квартира с помощницей, сложившийся уклад жизни требуют поддержания. Недавно Калугина выясняла возможность продажи своего Айвазовского. Но... авторитетные эксперты Марк Эльчин, галерист, и Герард Брунин огорошили: «Феодосийский залив после бури» (Айвазовский, 1859) — подделка. В таких Серафиминых обстоятельствах Колл-центр, 55 тысяч рублей в неделю должны стать спасением.

А уж о духовных нуждах нынешнего времени, запросах населения Веденский мог судить лучше всех. День и ночь (Колл-центр работал в дежурном режиме, три миссионера) собирались звонки, интернет-обращения. Сортируясь, классифицируясь, запросы ложились на собственный сервер ЦРС... Только рассортированные вопросы и представляли статистический интерес, не оседали хаотичной массой, становились ценнейшим источником для аналитиков, политологов. Один «клик», микросекундный выдох поисковой программы, и готова справка: «*Сколько человек (с разбиением на пол, возраст, профессию) желали в феврале 2022 года уточнить определение Греха*»; «*Что признали бы за Сверхъестественное событие, Чудо: студенты вузов города Томска... таксисты Московской области... лесбиянки Твери... любители рыбной ловли Ставропольского края... судебные приставы Уральского федерального округа*».

Огромная часть запросов была далека от религиозной тематики. На том собрании, где Аркаша Незванов развлекал миссионера Сумарокову рассказом о новой ролевой игре «*В сектантского проповедника*», супервайзер Веденский как раз выдал свежую статистику:

— 47 % обратившихся в прошлом году использовали Колл-центр как психотерапевтическую консультацию, привлеченные бесплатно — 0,1 % — малая, но важная доля: звонки с угрозой суицида. Миссионеры обрабатывали эти вызовы, переводя разговор в долгое путешествие по россыпям богословия. На стене Колл-центра в рамках: «*Благодарность*» от мэрии, «*Благодарственное письмо*» — замминистра здравоохранения.

Не забыл Веденский 8,4 % пытавшихся использовать Колл-центр для решения социальных проблем: работа врачей районных поликлиник, поборы в школах, взятки в вузах, сбой коммунальных служб. Ангельски терпеливые миссионеры вежливо подводили разговор к завершению в случае отсутствия в данном запросе какой-либо религиозной компоненты. Но особо хитрые граждане умели вывернуть линии претензий, например: лишение пяти микрорайонов дешевой химчистки — «*истинный сатанизм*». Только подпавший под гипноз тоталитарно-деструктивных культов префект, мог позволить снять маршрут автобуса № 728...

Итого в активе миссионеров Колл-центра набиралось выполнение дополнительных социально значимых функций вплоть до «*Горячей линии*» мэрии и «*Телефона доверия*»...

Еще вариант: использование миссионерок Колл-центра как «*секс по телефону*». Но число невелико: *разговор записывается, номер определяется...* Правда, бо-

гословски подкованные скабрезники пытались выйти на интересующие темы — издалека, чуть не с Лота и его дочерей.

Скопились огромные файлы запросов из бывшесоветских стран, по цепочке диспор вытягивалось и дальше зарубежье. Так что расчет Веденского, что нынче Серафимин дар будет востребован, имел основания. Религиозный импульс послекризисного мира до сих пор «не окормлен». Люди просто потеряли доверие, а то и возненавидели материализм, «рациональный взгляд на мир», едва его не погубивший. Но что далее?

С объемами накопленной Веденским информации не могла сравниться ни одна частная, научная госорганизация, ни даже все они, вместе взятые. Тут Лев Фомич чувствовал себя Ротшильдом, Кощеем, единственно что... «чахнуть» в его планы не входило.

— Теть Сим! Пусть я по-прежнему наивный... обдуванчик, как меня называла. И даже если я там за дурачка, а они пытаются загрести твой дар моими руками, ты ведь сможешь разглядеть это в один миг! И перенаправить ситуацию «ко благу всех живущих»... Вафф! А это у тебя, теть Сим, на чем? На калгане?

Во всяком случае, силки наивной лести, расставляемые племянником, Серафима разглядела в один миг. Фразой «ко благу всех живущих» она когда-то заканчивала свои импровизированные проповеди. Запомнил же, мерзавчик.

— Это на алтайском красном корне. Михей в том году привозил.

— И уж точно, ни России, ни... православию они не враги. Супервайзер Веденский — это ж явно предки священники, может, пять поколений! Церковная была фамилия, явно — Введенский. Как Покровский, Успенский, Рождественский. И Лев Фомич, кстати, в Духовной академии три года учился...

— Сам ушел, иль выгнали за что?

— Не знаю, теть Сим. Никто не знает. А паству они если и перехватывают, то скорей у иеговистов, саентологов, мунистов всяких. Или осуждаешь, что церковь — международная, богатая? Да, у них сеть гостиниц, «Приют мечты» называется. Круизных паромов — линии. Вроде часть роттердамского порта им принадлежит, терминалы всякие. И акции портфелями по миру, в России тоже, комплексы жилые. И что? Веденский сейчас пользуется спокойно их дотациями, а потом раз, и...

— Что раз и?

— Не знаю, но чувствую. Фамильное, может, чутье, — с заискивающей хитринкой. — Лев Фомич, наверно, самый умный, кого я встречал. Умный и двойной.

И дождавшись хоть какого-то интереса, полувопросительного вместо усталого взгляда, Гера продолжал:

— Как с американцами дела ведет, как нас собирает, воспитывает. Как говорит, даже как кашляет... Мое чутье — это ладно. Но что зла, вреда никакого — точно. А польза очень даже может. Я даже загордился, как узнал, что такому... ты так нужна. Помнишь, ты рассказывала, как баба Вита, Витольда Казимировна специально из Гомеля приезжала, тебя маленькую в костел водила.

— Вспомнил, обдуванчик, подхалимчик мой! — погладила по желтым волосам, когда-то — «вихрам». — Только какой костел! Возила она меня в Курган, там жил ее знакомый, Юлиуш Константинович Войцеховский, ссыльный.

— Так, может, теть Сим, ты у нас католичка? — продолжал игру племянник.

— Что ты, Гер! Юлиуш Константинович и не служил давно, бухгалтером работал. А костелов в нашей области до самого Челябинска ни одного и не было. Да и в Челябинске не было, а ближайший, кажется, в Свердловске, а то в Перми, другая планета. Вот и все католичество! А бабушка Витольда, она первая сказала, что какой-то Божий дар почувствовала во мне. Первая и до самого конца школы — единственная. Отец бабушку не любил, но все ж держал линию: «гоноровую». Дру-

зьям своим, шоферам Строймехколонны объявлял: «Месяц к нам ни ногой! Их светлость пани теща Витольда приехала! У нее от вашего уральского мата мигрень сделается». И издевался самолично.

А мать тихая, робкая, мне Нюра твоя всегда ее напоминала. Только недавно я вдруг сообразила: отцу чем-то даже нравились эти приезды, поединки. Пить переставал, материться, для тещи специальное словечко выдумал: «пшиздэц». Весь подбирался. Один раз с завгаром договорился, путевку оформил и на своем зилке нас с нею до самого Кургана довез, километров сто двадцать было... Ой — быстро схватила платок, прижала к глазам. — Ой, Маш, будь ласка, принеси еще графинчик михеевской и грибочков!

Маша — *экономка*, разбалованная, почти родня, сидевшая уставив кулак в щеку, неспешно поднялась, недовольно покосилась на Геру, пошла в кухню.

— Вот, Герочка, целая жизнь прошла, а как мы в Курган ехали, помню, как вчера. Десять лет мне было. Жара. Отцу остановиться пришлось, так он даже когда скаты менял — не матерился. Чай кипятили. «Пани Витольда, вы тушенки похавать не изволите?»

Маша принесла графин, салатницу, грибы, разлила сама (маленький укол Гере: и эту мужскую обязанность ему не доверит). Помянули Витольду Казимировну, родителей Серафимы, Герину маму Нюру.

— Сим, а что, Витольда Казимировна из каких-то графских польских кровей? — Маша это уже не раз спрашивала, ответ помнила, но «семейный разговор» пускать мимо не хотела.

— Нет, наверное. Она и полячкой была наполовину, и по паспорту — белоруска. Учительница... — И словно дорешав в себе какую-то задачу, уравнение, резюмировала: — Нет, точно, отец в конце жизни ее полюбил. Он же представлял, каково ей со всеми болезнями каждое лето приезжать из Гомеля, со мной возиться. К Юлиушу Константиновичу в Курган возить. Так в один приезд у нас и умерла, в 1972 году. Шестого июня.

— А может, тетя Сим, они тебя и крестили? На дому? Так бывает. Юлиуш Константинович, он чем вообще, занимался с тобой?

— Книжки читал. Рассказывал много, рисовать научил. Я на одной выставке корреспонденту так и ответила: «Мой учитель — Юлиуш Войцеховский, картина „Краков 1939 года“, самая главная в моей жизни, посвящена ему». Именно тогда, в Кургане я... *видеть* начала. И поняла, как это страшно...

Маша и Гера знали ее значение слова *видеть*. Серафима не любила слов: экстрасенс, ясновидящая, контактер... Но как-то дар называть было надо. Меньше отторжения вызывали слова: визионер (как Эммануил Сведенборг), духовидец, но... Серафиму они очень сместили в женском роде (попробуйте, произнесите). Обычно она ограничивалась самым простым: я — *вижу*, я *могу видеть*. Один известный журналист в своей телепередаче весьма насмешливо переспросил: «Ну а мы, что — не видим, что ли?» Серафима Борисовна тогда оглянулась на него, удивленно, как только что разбуженная: «Ты? Конечно, нет. Ты — щуришься! И щупаешь».

— А почему ты сказала: видеть — страшно, Сим?

— Когда я быстро рисовать научилась, они, Витольда Казимировна, Юлиуш Константинович, очень удивлялись, радовались. А однажды пан Войцеховский сам потом говорил, не зная почему, вдруг попросил нарисовать ему Краков. Они с бабушкой Витой там родились, жили до войны. А я, пигалица, тоже не зная зачем, переспросила: «А точнее? Вам какой Краков нарисовать?»

— А такой, — засмеялся Юлиуш Константинович, — какой он сейчас, сию минуту!

Я схватила карандаш, тюбики. Наверно, язык высунула, двенадцать же лет девчонке! Рисую. Смотрю на них — весело болтают по-польски, вспоминают что-то. По-

том ко мне стали заглядывать, притихли. Я дорисовываю, смотрю на них и замечаю, как они испуганы.

— Что это, Серафимочка?

— Ваша улица, Юлиуш Константинович.

— А-а как? Откуда ты узнала? Почему?... Пани Витольда, вы Серафиме показывали какие-нибудь фотографии Кракова?

— Только эту. — Она достала старую почтовую открытку, всегда ее с собой носила.

Пан Войцеховский за голову держится, ходит по комнате:

— Может, журналы? В библиотеке?

— Я хожу с ней в библиотеку, никогда там польских журналов не было.

— А как ты, Серафимочка, Краков увидела?

— Не знаю, я только вас, Юлиуш Константинович, видела, вы же его сейчас вспоминали.

— А это, Серафимочка, что?

— Луна. Только она у меня совсем не получилась.

— Луна?

— Вы же сказали: как в сию минуту! Там сейчас рассвет ранний, но луну еще видно. Но не получилось, она бледненькая должна быть.

А они с бабушкой Витой все смотрят, сердешные, на меня, друг на друга, сами все бледненькие. Пан Войцеховский вытащил часы на цепочке, что-то считает, шепчет: «Матка Боска! Точно рассвет, полпятого утра». И пока они так испуганно молчали, я решила им подарок сделать. Сижу, другую картину рисую. Я когда *вижу* — очень быстро рисую. Тогда этого не знала, не сравнивала. Час прошел, может, два, они все сидят, изредка шепчут, крестятся. Теперь я решила сразу же все им объяснить:

— Ту, где рассвет, не надо, уберите! Вам же другой Краков нравится, какой он до войны был. Вот смотрите. Дом с магазином и почтой, сейчас там — площадка рынка. А эти дома стояли у вокзала раньше. А это... а это... А тут я пририсовала, как с бабушкой Витольдой вместе идете, но это я придумала, чтоб вам приятнее было, хоть вы тогда не знакомы были...

И так им все щебечу, экскурсовод эдакий, самозванный, и только потом оборачиваюсь от картины на них. До сих пор помню, как мне страшно стало — из-за их лиц. Ужас. Крестятся, бормочут «Матка Боска». Такой ужас на лицах я видела в жизни только два раза. И сама струхнула! Вот, значит, что такое «зеркальные эмоции».

Заметно было, как утомило Серафиму курганское воспоминание.

— Да, «развеселила» их своей картинкой... Бабушка Витольда приезжала к нам и на следующий год, у нас и умерла. Теперь я знаю отчего — хотя и болезней у нее, бедняжки, много было.

И Серафима, встав, размашисто перекрестилась справа налево, православно, тоже, получается *зеркально* тому, как крестились в Кургане насмерть перепуганные добрые католики Юлиуш Константинович и Витольда Казимировна.

Присев, она долго молчала, потом вдруг спросила:

— А что, Гера, когда американский президент к вам приезжал, ты стоял близко?

— Метрах в... семи. Я ж рассказывал, тетя Сим! Мы сидели по своим кабинкам. Должны были отвечать: звонков тогда как раз повалило! Цунами. Транслировали в режиме реального времени.

— Помню-помню. Рекламу вам устроил на весь мир! Мы с Машей потом по всем новостям пересматривали, так тебя не углядели... Президент еще сам отвечал на звонок. Взял наушники у какой-то вашей девчонки. Мы еще тогда подумали — верно, Маш? — как та пигалица может Слову божьему учить! Такая красивенькая, накрашенная, пучеглазая немного. Ей бы в телеконкурсах глазками-коленками сверкать, лет двадцать небось...

— Оставляй старца и учаше кто млад, — процитировал кого-то Гера, как с амвона. О давнем пиетете Серафимы пред любой фразой на церковно-славянском знал не как все, из газет, где она фотографировалась среди икон, а на правах «вхожего в дом», особенно в детстве-юности. Пока жива была его мать, двоюродная Сими́на сестрица Ньюра.

— И она не такая уж молодая. Лиза Сумарокова. Выглядит, может, как тинейджерка, губы, да... Но ей двадцать пять скоро.

— Двадцать пять, — вздохнула Серафима, и о своем перезрелом племянничке тоже, — Маш, голуба, порежь-ка еще балычка. И будь ласка, плов заberi, подогрей чуток, остыл тут за разговорами. А она-то, твоя Лизáнька Сумарокова, вижу, ой как тебе нравится! Прямо женился, сей бы миг!

— Ну что ты, тетя Сим, — алая ушами-щеками, пробормотал Гера, — она такая...

— Какая?

— Дерзкая, азартная... и горячка очень. А я...

— Ладно, Гера, давай теперя за то, чтобы на работе все у тебя заладилось. — Упомянутая Серафимой 40-градусная настойка была «на алтайском красном корне, привезенном Михеем»). — Я не говорила, но пока ты по своим фундам-фирмам мотался да потом без работы сидел, мне же Ньюра почти каждую неделю ночами виделась. С тобой, но чаще будто с грудным еще, спеленутым. Большущая такая толпа на путях, рельсах, прямо море людское, вокзальное, а она сквозь продирается, сама такая... малютка, пичужка божия и тебя, обдуванчика, несет. И дым почти всегда какой-то носится над толпой. А я повыше стою, на вагоне плоском, где песок возят... и всем сотням, всем надо на эти вагоны попасть. Лезут, оттирают. А она все протискивается, меня глазами ищет — как встретимся, так я и проснусь.

По тону, по мелькнувшей слезе, по всему Гера понял, что Серафима исполнит его просьбу, придет к ним, поговорит с Веденским. И буклет тех галеристов, Марка Эльчина и Герарда Брунина, взяла глянуть. А как там дальше? Он едва представлял, что именно нужно их мрачному супервайзеру, но как было повторено: ты приведи, дальше не твоя забота. А может, просто наделают фоток, наснимают сюжетов, вывесят на сайте, и будет ему «зачет». Достаточно, чтоб оправдать повышение?

4. Олигархия и другие

— Миссионер Сумарокова!

— Да, Лев Фомич!

— Что у нас на сегодня с этой... женой этого, с...

— С Анной Петровной Лейх. Пока пауза.

— Сколько пауза?

— М-м... сейчас, — заглянула в планшет. — Шесть дней... Вы же говорили, самим звонить, навязываться не следует.

— Говорил. Но это общее стратегическое правило. А если уж такая... клиентка вдруг прервала общение, вы должны были мне сообщить. Что у нее было в прошлый раз?

— То же, что и в позапрошлый. Ощущает свою полную, абсолютную зависимость от... В общем, некто сидит на островке, типа атолла, посреди Тихого океана. И он оттуда может заставить ее даже руку, ногу опустить, поднять. Пощечину самой себе влепить. А уж засмеяться вдруг, зарыдать при всех — легко. Стихи ей разные диктует... Человек ли он, колдун, гипнотизер? Может, ангел там, охранительный. Или, наоборот, искусительный, она, короче, не знает. Это я и должна ей помочь выяснить.

— Сумарокова, ну что за безобразные ухмылки! Вы же у нас — скайп-миссионер! И над кем смеетесь! Что может увидеть клиент, доверивший вам, нам свои сокровенные духовные проблемы! Фу! Да, наверно, если вас вернуть в кабинку — такую ухмылку кандидат почувствует и по телефону!

— Во-первых, Лев Фомич, у меня всегда есть книга под рукой, раскрыть, уткнуть-ся. Если что, я всегда успеваю. А во-вторых... во-вторых, меня просто сам случай рассмешил. Меня, может, сейчас, тоже этот ее, тихоокеанский, с атолла, ухмыльнул! И моего сочувствия к доверившейся это никак не отменяет! И Анна Петровна, между прочим, в этом уверена. Хотите, заберите, передайте ее Кудрявцевой или Ламину — посмотрите, что получится!

— Ладно-ладно, Сумарокова. Но если эта... Анна Лейх не проявится еще два дня, сообщи мне обязательно! Да, напомни-ка, с чего у нее это все началось?

— Аллергия на причастие была. — И перехватив полезшие на лоб брови супервайзера Веденского, миссионер Сумарокова пояснила: — Аллергическая реакция. Зуд там, жжение, краснота... И крайний конфликт с окружением мужа: бизнес-партнеры, жены. Третировала всех подряд.

— Да-да-да. Теперь вспомнил.

— Илья Евсеевич Лейх очень ее... ценит. Носится с ней, как незнамо с кем. А тот тихоокеанский колдун...

— Все-все. Иди. — И хорошо известный всему Колл-центру знак, достал спрей-баллончик, пшикнул три раза: утомила, значит, крайне. — Ступай. И запомни, Сумарокова, два дня.

Закончив отчет добрыми, энергичными пожеланиями добра и процветания Конгрегационному совету и лично преподобному Сайрусу Меддоку, он хотел уже выключить ноутбук, но все ж пересилил навалившуюся усталость. Поднявшись, дошел до полки, сняв бутылку, долил коньяка в остывший кофе. Три быстрых глотка, потом два в оттяжку, и он снова прилип к экрану, набрав свой буквенно-цифровой *Сим-сим-открой-дверь!* — к архивным кладовым. Илья Евсеевич Лейх, президент совета директоров «Нефтеоилпетролеуминвеста», восстановил два храма и построил третий в новом пригороде Салехарда, получил орден и грамоту от патриарха. С женой Анной Петровной действительно «носится». С колокольни своих сорока девяти лет он прекрасно разглядел: лицо императорского фарфора, зеленые глаза, брови соболиные. И обильные золото-платиновые волны по плечам. Он и сам носился бы... Помечтать больше минуты Павел Фомич себе не позволил, вернувшись к делам записал в файл «N. B.» пометку: «Миссионер Сумарокова путает *причастие с причастием*. На ближайшем гритти-часе напомнить ей. Не упрекая, лучше даже в шуточной форме: „Причастие! Еще скажите, Сумарокова, деепричастие!“»

И вернулся к архивному файлу. Так, венчались Анна Петровна с Лейхом в ноябре 2019-го, шафером у него был... венцы держали... ох ты боже ж ты мой!

Запись велась в дуплексе, можно было, поделив экран, видеть и Анну Петровну, хватающуюся за подлокотники какого-то роскошного кресла (только что не трона), резко поднимающуюся и вновь плюхающуюся, красивые, соболиные страдальчески заломленные брови... и рядом, в правом окне, нашу миссионерку Лизу Сумарокову. Правду сказала, прикрываться книгой она всегда успевала: проматывая длинные беседы, супервайзер Веденский видел ее вытаращенные, усиленно моргающие серые глазищи поверх распахнутых книг.

А вот Анна-то Петровна!... Вот это да! И так никогда особо к сеансу не одевалась, то халатик, то пеньюар... А на какой-то там сороковой с чем-то минуте она и вовсе скинула кружевную лялочку с левого плеча... и, продолжая сбивчиво говорить, правой рукой то поглаживала, то щипала темно-розовый сосок, тоскливо глядя в веб-камеру. Этот ее тихоокеанский колдун с атолла, похоже, еще и развратник

отменный. Хорошо, еще предупреждение о ведении записи разговоров, видеоконференций, получение «согласия на обработку, хранение информации» — все разработано тщательно. Юристы работают, проигранных процессов у Колл-центра пока не было. Но почему про эту скайп-эротику она не рассказала? Чтоб постеснялась? Сумарокова?! Ни в жизнь не поверю...

И Веденский еще раз пересмотрел сорок третью—пятьдесят седьмую минуты сеанса. Отдадим должное серьезности супервайзера: изучал он реакцию своего миссионера. Сумарокова проявила весьма похвальную выдержку, словно пред ней какая-нибудь старушка жалуется на плохую компанию ее внука (обычная тема обращений) и просит совета, какой молитвой отвадить. Слушала, тараща серые глазища, лишь на сорок девятой минуте схватила книжку, прикрылась. Боже, «Иудейские древности. Иосиф Флавий»! Что она там могла подходящего ситуации зачитать? Это юмор ее такой? Но, увы, есть предел и у возможностей телеслежки: что именно чувствовала, замышляла Сумарокова, наблюдая красавицу олигархиню, разобрать было нельзя — вся мимика укрыта Иосифом Флавием...

Но недаром супервайзер Веденский за четкую, неумолимую работу ума имел кличку Иезуит, известную даже и в Пасадене. Значит, так... 1) Непрерывная запись всех сеансов — изначальное, всем известное условие. 2) Карьеристка Сумарокова точно знает, что за свое поведение, выдержку, проявленную в конце четвертого сеанса бесед с Анной Лейх, она получила бы небольшое поощрение («молоко за вредность» — ха-ха-ха!). 3) Но не сообщила. 4) Сумарокова могла предположить, или хотя бы не исключить, что у супервайзера не хватит времени, терпения досмотреть сеансы ее работы до сорок третьей минуты. 5) И она оставила этот... случай Лейх — «про запас». 6) Если я никак не проявлю осведомленности, то она может считать эту «инфу», компромат на Анну Лейх своей личной собственностью. 7) И в подходящий момент использовать. 8) Шантаж? Контрсоблазнение?

И Веденский поставил в ежедневник еще одно *N. V.*: «Сеансы Сумароковой просматривать — *все!* Через неделю, возможно, обратиться к Измайлову: сопровождение второй степени». Прыткая провинциалочка!

Семья неполная. Мать: Сумарокова Вера Михайловна, учитель литературы восьмилетней школы поселка Торфобрикет Костромской области. (Круто!) Примечание: Вера Михайловна окончила 25 лет назад этот же самый факультет, даже руководитель дипломной работы у них один, Ядринцев Михаил Степанович, темы дипломов, соответственно, недалеко ушли. Что-то там из поэзии Серебряного века... Диннастия, х-хы! А Ядринцев этот (внимание!) «через два рукопожатия» или даже одно знает с нашим чеховоманом (Хизингом) и в период реформирования Колл-центра умудрился рекомендовать на собеседование аж двух своих выпускниц (еще Светлану Кудряцеву) а те, в свою очередь, умудрились пройти конкурс (1:5).

Внешняя привлекательность (в ЦРС записываемая как «Коэффициент Мэлори») имела значение с прицелом на скайп-миссионерство — так кто ж тут оказался больший поклонник женской красоты: тот университетский Ядринцев или Хизинг?

Все относящееся к Стеллу Хизингу супервайзер Веденский, словно готовясь к дальнему, но вполне вероятному поединку, держал на отдельной полочке внимания.

Мать, отпуская красавицу Лизу в Москву на первый курс, твердила: «Ты только найди себе хорошую, достойную пару и сразу выходи замуж, чтоб мне хоть помереть спокойно». И когда дела пошли совсем по-другому (то, что в досье, собранном шефом-секрети Измайловым, помечено: «краткий период: содержанка»), Вера Михайловна, почувствовав, собрала все силы, сбережения, заткнула свой «букет» (болезней), словно в ведро, и приехала.

Маневр смелый, полная отвага, ибо родственников в столице — ни души, абсолютно. Но поражалась дочь — такие «финты» ей удавались. Даже странно, при столь

внезапных взрывных способностях мать так и не вышла замуж. А еще ведь и при красоте! Из Коэффициента Мэлори (у Лизы Сумароковой равен 96) «вкладчиком» 70 % можно было признать ее маму. От неизвестного отца достались: быстрый, подвижный ум, большие серые глаза навывкате, черные вскинутые дуги бровей (у матери и костромских теток бледно-голубенькие, а брови подрамыты).

Отец, незамужество остались необсуждаемыми темами. Скорее, конечно, полный негодяй, но, может, ведь и какая-то тяжелая, неупоминаемая трагедия. Молчание, и... целая вселенная — поле для фантазий. Отчество «Михайловна», как бывает в таких случаях, дала свое.

Ладно, замуж не вышла, но «финт» по возвращению дочери на праведный путь удался. Два раза ночевала у малознакомой институтской подруги, в Хлебниково, Савеловского направления. Потом каким-то чудом прибилась к уборщице храма Иконы Казанской Божией Матери в Подмоскovie. Просто попутчица в электричке храм тот, настоятеля отца Владимира похвалила. Пришла, молилась, помогала мыть полы, окна, попросилась ночевать, так и прибилась на почти две недели. Удаются у нас пока еще такие «финты», ну и слава богу! Разыскала дочь, заставила восстановиться в университете (училась-то почти отлично). И еще раз повезло: Лизкин «папик» оказался не каким-то бандитом, крутым бизнесменом, а весьма нервным господином, мнительным, ипохондриком. Наверно, всю твердость, решимость забирало его рекламное агентство, так что угроз и грубостей костромской учительницы его первому, паникерскому «я» хватило: оставил (или отставил) Лизу.

Очередной фокус краткой московской гастрели Веры Михайловны: старый ее университетский преподаватель, по старым же, литературоведческим(!) связям вышел на Хизинга. Далее собеседование, конкурс — уже личный дочкин успех. Колл-центр, выкупленный ЦРС, переформатировался, Лиза перешла на вечернее и вскоре получила работу по общемосковским меркам весьма завидную. Престижность центра получила и совершенно внезапное подтверждение: среди миссионеров оказалась Светлана Кудрявцева, наверно, самая мажорная девушка на их факультете, дочь банкира.

Новая нагрузка отвлекала Лизу от прежних «полусветских» потягушечек. Мать взяла с нее самые страшные клятвы, грозила, что так и не уедет домой, будет жить у церкви, потом на вокзалах, что при ее болезнях смертельно. Видно, помогло и еще что-то. Ведь сколько клятв дается-принимается, и все справочные файлы Веденского не вместят, а *эта*, Лизина, была выдержана в основных параметрах.

Зато потом при дочкиных побывках в поселке разговор у них складывался кратчайший, но примечательный, со стороны послушать — так просто фантастический:

Мать (вставая, крестясь на икону Казанской): О, я тебя отмолила!

Дочь (закатывая глаза, отстраняя мобильник): О, я тебя умоляю!

И так несколько раз за вечер: Я тебя отмолила. — Я тебя умоляю.

После бесед с супервайзером Веденским Сумарокову обычно тянуло чуть-чуть «разжать клещи на висках», и лучшим релаксантом был ее воздыхатель Аркадий Незванов, для краткости Аркан. Сегодня у него на руках была и особая приманка: после фотосессии для квартального Бюллетеня ЦРС успел законтачить с немцем-фотографом и получил, говорит, пять кадров с памятным ее падением в руки шеф-секьюрити Измайлова. В паседенский Бюлетин они, конечно, не попадут. Эксклюзив. Что называется, заарканил — тут не обойдется без обжиманий и чмоки-чмоки, снимки того стоят.

И не обошлось... Скачав их на свой телефон, она еще минут пять пересматривала.

— Нет, смотри, Аркан, вот здесь же видно: Светка толкает меня!

— Лиз, еще раз — и я подтвержу, что она здесь ударяет тебя ножом.

— Мне лжесвидетели не нужны.

Их и всего Колл-центра общий приятель, клининг-менеджер, уборщик Гена по кличке Кортес давал им карточку прохода в свою «кондейку», склад ведер, щеток, стоянку машин-пылесосов. Комната хозяйственного хлама имела важный плюс — отсутствие камеры слежения. Психологическая отдушина, *джаст релакс...* А незвановское «Лиз, еще раз» — означало лишь поцелуй с объятием и легким запусканием рук — тут Аркадий был словно возвращаем в школу, в свои скромные восьмой-девятый классы...

— Лиз, но честно, тут же видно: когда ты в композиции того немчуры со стула грохачешься — Кудрявцева просто отклонилась назад. Но Измайлов-то молодец! Смотри, успел, схватил, а на лице мимики — ну абсолютно ни малейшей! Брови, все на месте. Неожиданно ведь было.

— Да! Об его морду ножи точить можно.

Но Аркадия не обманывала эта нарочитая грубость. Вздохнул, пока Сумарокова туда-сюда гоняла на экранчике удачную подборку.

— А знаешь, Кудрявцевой с ее пинаповской красотой, пухлыми губками, щечками перекраситься в блондинку — стала бы на Мэрилин Монро похожей, да, Аркан?

Незванов ухмыльнулся: столь великодушные оценки Лиза Сумарокова не выставляет просто так. Жди выпада... Пожалуй, да, стала б тогда Светлана Монро, блондинкой и уже полным антиподом своей врагини, брюнетки Сумароковой. Плитка на первом этаже бизнес-центра в клетку, вот и выпускай на поединок черную и белую королев. Другие «анти» давно наготове: томность — против резкости, богатые родители-москвичи — против костромской учительницы, двухкомнатная квартира на проспекте Мира в подарок к окончанию еще четвертого курса — против снимаемой однушки на Алтуфьевской.

Странная изначная оппозиция возникла даже на линии родительской обеспокоенности интимной жизнью дочерей.

Парадокс, но в семействе банкира Кудрявцева как раз были бы не против, если б дочь завела какой-нибудь роман, даже с сожителем. Более современные, более столичные взгляды внушали и совсем другой набор страхов, нежели те, что подняли, бросили в дорогу больную учительницу поселка Торфобрикет Костромской области.

Отсутствие у дочери кавалеров, бой-френда в школе, потом на первом, втором, четвертом курсах университета сначала удивляло, потом беспокоило родителей не меньше, чем саму Светлану. Четыре неуклюжих сводничества с сыновьями друзей. Мальчики уклонялись. Пятая попытка «в своем кругу», опасались родители, могла сделать их предметом сплетен, насмешек. И ведь объективно симпатична... Поздний ребенок, понятные мысли о внуках. Но не менее тяжело вдруг оказаться не в тренде. Дочери их знакомых выходят замуж, давно живут в гражданских, пробных браках. Варламовы при их миллионах весь прошлый месяц упоенно протягивали смартфоны, показывая фото: какое кольцо их Татьяна подарил любовник, человек «вполне нашего круга». Отвечать на банальное «Ну а как ваша красавица?» становилось все неприятнее. Тяжко выпасть из тренда.

Но после того, как Лиза вывесила на своей страничке добытые Аркадием фотографии, где немецкий фотомастер поймал момент, где Измайлов поймал падающую ее, а сама она поймала пятьдесят девять «лайков» в первый же день... причем почти треть — от коллег по Колл-центру... Через неделю после этого на страничке Кудрявцевой появилась галерея снимков неожиданно смелых, немного даже откровенных, два — в обнимку с загорелым красавцем, подпись: «Со знаменитым теннисным тренером Виктором Нейманом».

— У нее все пять курсов ни-ко-го не было! Не только родители, все поражались, но это уж судьба. Знаешь, Аркан... одни вечно не знают, куда пихнуть мобильник, другие — куда спрятать злость и обиду на жизнь. Мы же с ней как полюса магнита. Даже не знаю, что сильнее: я притягиваю или она отталкивает? Вот и твой питерский Сирожа — все туда же.

Аркадий подтверждающее вздохнул. Питерский дружок Сергей Вашенин, недавно рекомендованный им в Колл-центр, несмотря на всю благодарность трудоустроенного экс-аспиранта, несмотря на предупреждение Аркадия, еще в самом первом телефонном трепе: «Тут две классные чиксы, смотри, к одной не подкатывайся», выбрал все-таки именно Сумарокову. Еще один вздыхатель, в отличие от Аркадия — безнадежный, тема шуточек.

— Я-то хоть и язвлю, но в душе-то мягкая, правда, Аркан? А у этой пухлячки полдюйма подкожного жира и далее — камень, да еще неотесанный... Да. А тренер-то Виктор на ее страничке, знаешь? — «знаменитый» не теннисом, а другим. Угадай рифму с двух раз!

— Неужели?

— Что, Питер поотстал? Теннисный тренер: лучшая «гигиеническая прелюдия к браку». Богатые тоже плачут, но о другом и нанимают таких с целью... Упредить возможные дочкины сексы, прежде всего — романтически-лузерский! А то завалится на порог такой олух, типа твоего Сирожи. Да еще со всхлипом: «Знаете, у нас со Светой, кажется, будет...» Вот по контракту с ее предками тренер и готовил Кудрявцеву в грамотные, легко не ведущиеся женщины. Эти снимки на ее страничке — двухгодичной давности! На окончание «теннисного курса».

— Складно-гладко, но откуда ты... — протянул Аркадий.

— ...Остались общие знакомые. Мы ж имели счастье учиться на одном факультете. Но она на два года старше.

5. Экс-зэк

— Аа-бед! — Поверх жужжания абонентских жалоб и вопросов в наушниках донеслось зычное «ключевое слово» шефа секьюрити-отдела Павла Ивановича Измайлова. И словно специально для тех сотрудников, кто случайно посчитал эту команду армейской ностальгией шефа, последовало громовое продолжение-опровержение: — Второй отряд! Выходи строиться на обед!

Конечно, никаких правил в Колл-центре ходить/не ходить обедать не существовало, ни строчки, ни буквы, демократия. Разделение на две смены — это было обычное для непрерывных производств дело. Первая смена: перерыв 13-00—13-30, вторая: 13-30—14-00. А еще часть сотрудников, не все двадцать семь, разумеется, человека три-четыре поменно дежурили и ночью, принимая обращения неспящих или дошедшие из других часовых поясов. И еще одно: секьюрити-шеф Павел Измайлов действительно отсидел, четыре с половиной года общего режима.

Этот выбор Стелла Хизинга, восточноевропейского прелат-директора, начальствовавшего над Московским и еще четырьмя отделениями ЦРС, Колл-центром, издательством и другими подразделениями был не так уж парадоксален. Отдаленно дилемма походила на выбор российских бизнесменов «лихих 90-х»: крыша бандитская или ментовская? В те годы мистер Хизинг приезжал в Россию по славистским связям и чеховским делам.

«Империя ЦРС» была масштабным предприятием, напрямую касавшимся и менталитета граждан, и само собой было понятно, что кого ни выбери он в шеф-секьюрити — все равно тот будет в контакте с ФСБ. В принципе охрана сотрудников-миссионеров, техники, финансов, поддержание порядка на съездах, выездных меро-

приятнях и предполагала постоянный рабочий контакт с правоохранителями. И из всех вариантов, «подвернувшихся, случайно рекомендованных» кандидатур Стелл Хизинг выбрал не просто «бывшего мента», а «бывшего мента и бывшего ээка». Из русских газет, литературы тех лет знал, что почти всякая «посадка» мента, тем более подполковника — в определенной степени его «подстава», «сдача» коллегами, значит, его эмоциональная связь с «кураторами» будет в этом случае менее сильной, не такой однозначной. Про себя он это назвал: «поймать двоякодышащую рыбу». С вероятностью, что в какой-то важный момент она окажется пускай и не «антирыбой», но во всяком случае — «не только рыбой».

Впрочем, то были теории американца, человека книжного, теоретического, хотя насчет «свои сдали» он, похоже, угадал. Павел Измайлов служил во внутренних войсках, охранял какие-то объекты, и что-то там вышло с результатами министерских проверок, должностными инструкциями, так хитро составленными, что их и нельзя было точно выполнить, не остановив работу тех объектов. А еще подрабатывали, охраняя бизнесменов... Далее — «избирательное предательство» — об этом он рассказывать не любил, при том, что с удовольствием повествовал о своей тюремно-лагерной карьере.

Рослый здоровяк шестидесяти четырех лет, седой упрямо торчащий ежик, шрамы (в основном на руках, костяшках пальцев). Неотвдимый, неопускаемый взгляд, столь же уверенная рубка фраз, приправленных казарменным юмором, лагерной философией (*Кто меня посадит — я сам себе тюрьма...*) — в общем, интересное, для некоторых женщин и вовсе убойное сочетание.

Стелл Хизинг, вообще говоря — филолог, чеховед, фил, ман... автор монографии об истории постановок «Трех сестер» в США. На нынешний пост назначен с учетом и второй специализации: Максим Горький, Леонид Андреев и русские нищанцы, богоискательство начала XX века. Хизинг считал, что разглядел в Павле Измайлове проявление очень важного тезиса немецкого философа: «амор фати», Любовь к Судьбе. Как известно (Хизингу, во всяком случае, было известно) каждый, носивший красные погоны внутренних войск, попав на зону, подвергался особой опасностью. И несломленный Павел в итоге сумел полюбить свою судьбу (откуда, наверно, и эти постоянные тюремные шуточки), не скатиться к «ресентименту». Многие начинающие миссионеры Измайловым бывали шокированы, но мистер Хизинг игнорировал, как-то даже выдал жалобщику что-то вроде: «А стычать — нехорошо».

В общем, одно дело — умственный, сочиненный Заратустра, другое — бывший подполковник ВВ МВД и экз. Бравый. Хизингу казалось, английское «grave» не передавало всех оттенков образа и поведения его шефа-секьюрити. Осваивая лексические пласты страны пребывания, он, казалось, нашел подходящую популярную формулировку, идущую еще от диссидентов 1970-х: *узник совести*. Объясняя Пасадене кадровый выбор, повторил несколько раз, пробовал ввести в обращение, словно нацеплял сей устный «бэйджик» шефу-секьюрити. И не совсем понял поправку (шутку?) адресата, когда Измайлов пару раз назвал себя «узник бессовестности».

Еще меньше шансов было у Хизинга понять другую фразу Павла Ивановича. Однажды после жалоб миссионеров на посторонние шумы на линии Измайлов сам сел к пульту, надел, проверяя, наушники и услышал самый обычный залетевший вопрос:

— А это правда, это точно, что Второе Послание Коринфянам написал апостол Павел?

— А вы с какой целью интересуетесь?

Сие даже из природно русскоязычных могли оценить только те «кто в теме». И по совершенно идиотскому, невероятному совпадению попавший тогда на Измайлова, некий Вадим Перов оказался именно таковым. Давно откинулся, завязал, удачным

макаром женился. Все как у людей, да, на беду, как-то заспорили с тещей: она известные сомнения критической школы Баура в авторстве апостола Павла Послания к Ефессянам совершенно ошибочно перенесла на Второе Коринфянам. Вадим-то знал — да вот решил к вечернему продолжению спора с тещей еще и подкрепиться справкой авторитетного Колл-центра и нарвался. Ужаснулся. «Кого они там набрали?» Вспомнилось многое. Выпил, еще повспоминал, еще выпил — в общем, вечером богословского диспута не получилось.

А еще Павел Измайлов порой проявлял свое «глубоко иерархическое восприятие реальности», что выражалось в постоянном применении самых различных классификаций и рейтингов, мышлении сравнительными категориями.

Так Серафима Борисовна Калугина, ставшая сотрудником Московского ЦРС, однажды спросила его о племяннике Гере Ламине. Измайлов рубанул прямо:

— На нашей зоне *его* опустили бы... через два часа.

Но и за мимоходной блиц-оценкой стояла «иерархичность». Человек-де, не сам по себе, но всегда — на шкале, в какой-то ячее рейтинга, в этом все судьбы схожи. От генералов, воров в законе и до... Никто не избегнет ранжирования, от приложенной линейки не уйдет. И (что следовало из фразы Измайлова): другого на *их* зоне может, опустили бы и вовсе через час. А на другой зоне, ее племянника, может, не опустили бы и вовсе...

А что до его юмора («Второй отряд, строиться на обед! Приборка в бараке!»), то еще в лифтах, по дороге к столовой-кафе бизнес-центра «Аделина», располагавшейся на первом этаже, офисные сидельцы страхкомпаний, банков, агентств, особенно те, кто помоложе, начинали разминать занемевшие спины, ноги и остроумие — и, как заметил мистер Хизинг, в смене, с которой шел обедать шеф Измайлов, желающих спуститься в кафе «Аделина» всегда прибавлялось, убывало число «бутербродников», перекусывающих за столиком возле офисного кулера.

Серафима Борисовна, придя в Колл-центр ЦРС, попросила не представлять ее «ясновидающая, целительница», соблюдать линию: она *не член* ЦРС, здесь — в рамках работы для всеобщих духовно-религиозных целей. Количество обращений, как и предсказывал Веденский, выросло почти на 35 %, вопросы для Серафимы откладывались, сортировались. Некоторым отвечала и в «режиме реального времени», для чего и учредили персональную передачу на Интернет-ТВ. 87 000 просмотров в первую же неделю и устойчивый рост далее.

6. Исцеление

И в Колл-центре продолжила она свою методу: делать не то, что просят. Освоенную еще с поздних 1980-х, когда приходившим за исцелением она давала предсказания, а пытавших о будущем, наоборот, исцеляла. Так и в ЦРС, придя второй или третий раз, оставшись в кабинете с супервайзером Веденским и шеф-секьюрити Измайловым, она внезапно «вступила в свои права». Когда Павел Иванович прервав долгий разговор, начал вздымать грудь, готовясь ко всем знакомой, давно уже всем надоевшей арии «мучительно кашляющего гостя», достал свой спрей и хотел было вонзить хоботок — Серафима Борисовна вдруг привстала, мгновенным, но не резким, кошачьим движением выхватила баллончик.

У Веденского перехватило дух от дикой бессмысленности произошедшего. Удивленно замер и бывалый, тертый Измайлов.

Дальше — не легче: Серафима Калугина, продолжая вертеть в длинных своих пальцах белый баллончик, разглядывать... и вдруг еще одним кошачьим движением бросила свободную левую руку на горло супервайзера. Слово собираясь придуть

шить его или прощупать пульс на сонной артерии. Дико и представить: Лев Фомич в дорогом породистом сером костюме, абсолютно белой сорочке, галстук тоже дорогущий... а выше галстука: смуглая худощавая женская рука сжимает горло. Секунда-две-три, может, даже пять, а потом столь же внезапно фигура Серафимы сделалась заметно слабой, словно колеблемой сквозняком. Отпустив Веденского, устало присела в кресло, откуда только что взмылась. Единственное — дурацкий баллончик продолжала вертеть перед глазами, словно впервые в жизни видела что-то подобное.

— Прошло?... Грудь, горло, говорю... прошло?

Не сразу, но все же Лев Фомич положил руку на грудь, потер проверяющим движением, прислушиваясь к себе, со взглядом опытного страдальца, поднял к освобожденному горлу: п-прошло.

— Теперь совсем пройдет. Не будет кашля, спазмов больше. Совсем.

— Аа-а как? Почему? То есть... а-а что ж раньше было? Девять лет?

— А ты притворялся!

Серафима всем говорила «ты». Во всяком случае, пока ни Измайлов, ни Веденский, ни Хизинг ни одного «вы» от нее не услышали.

— Че-го?

— Ты притворялся, что астма или чахотка...

Наблюдавший эту сцену с трех шагов Павел Измайлов почувствовал некую потерю ориентации, как когда-то в лагерной драке: его сзади внезапно ударили по голове кирпичом, завернутым в бушлат. Реальность раздвоилась, он верил изумлению Веденского: ну не притворялся он! И одновременно верил Серафиме: да, Веденский притворялся...

А она, словно не наигравшись, еще зачем-то швырнула баллончик в форточку. Что еще хотела показать? А, ну да! — меткость, дворовую доблесть. Сидела метрах в пяти от окна, форточка приоткрыта на треть — попала.

Спазмы, кашель Льва Фомича, между прочим, и вправду прошли...

Стелл Хизинг смотрел на Серафиму Калугину, как он смотрел на все и всех: случай для статьи, материал для монографии, интересный пример, который должен что-то проиллюстрировать, объяснить.

А миссионерская молодежь, и так увязавшая в трактатах, таинствах, догматах, определениях сверхъестественного, от свалившегося «феномена Серафимы» пыталась закрываться шуточками. В общем, известное «молодежное бравирование». Сумарокова, опасаясь подозрений («Да ты ревнуешь к Измайлову»), злословила сдержанно, убеждала Аркадия, что Серафима — Пиковая Дама, «реинкарнация той старухи».

— Сходи, спроси у нее три карты.

— Так Пиковая запретила играть ими на деньги. — включался Незванов.

— А ты скажи, что собрался играть на раздевание... с самой Кристиной Агилера.

Насмешники, менеджеры Фокус-банка приветствовали цэрээсовцев в зеркальном холле перед кафе:

— А! духовный Доширак!

— Анкл Бенц! — Мимходом бросил Измайлов, уточняя географическую принадлежность их «фирмы», но и показывая: сегодня больше ни слова не будет. Сейчас ему было не до полудружеских пикировок: в семяющей за ним стайке сотрудников в кафе спустилась и Серафима Борисовна. Миссионеры рассаживались за столами, весело болтая. С ними, с колоритным Измайловым бывало очень прикольно — считали многие соседи, а клининг-менеджер (уборщик) Гена по кличке Кортес, прибившийся к Колл-центру, так и вовсе глядел ему в рот. В хозяйственном отделе бизнес-центра «Аделина» за Генной были закреплены 7–12 этажи (вынос мусора, уборка, вода в кулерах, замена лампочек), но почти все время он терся в Колл-центре,

развлекал, наслаждался общением. Общий любимец, типичный растафара. Мама наполовину кубинка, там до Джамайки рукой подать. И эта официальная четверть карибской крови становилась тремя четвертями на смугло-чернявом лице и абсолютными ста процентами в манерах, поведении. Из-под униформы уборщика — цветастая рубашка, бусы, накрученные в карибском стиле кудельки волос. Когда его возвращали к щеткам и урнам, он, вздохнув, заканчивал свои дивертисменты, врубал Боба Марли, так что слышно из-под наушников и дредов...

Снимая тарелки с подносов, миссионеры делились историями сегодняшних сеансов.

— ...А она, говорит, уеду за ним в Израиль. Я ей тогда: а в чем ваш вопрос?

— Ага-ага, представляю! Ска-а-ажите, па-ажалуйста, что такое гиюр и чем он отличается от педикюра? — передразнил Незванов усредненную интонацию обращавшихся дамочек.

— ...У меня от этого зануды аж наушники вспотели...

— И у меня вчера! Она себе перевязала трубы, а он перерезал вены. А что я должен ответить ей? Виновата ли жена, что отказалась иметь детей?

— Это мировое правительство! Они еще в 60-х годах привили моду: трубы перевязывать! — Очарование Гены Кортеса состояло в: 1) свободном, легком включении в разговоры/споры с кандидатами любых наук; 2) грациозном сочетании растафарской веселости с главной, сквозной его темой — мировом заговоре и всемирном правительстве.

— Ген, ну зачем им трубы...

— ... перевязывать? Да им на земле нужен только миллиард! Золотой миллиард! Джон Кеннеди попытался — и что они с ним сделали, а? Ба-бах!

Серафима Борисовна смотрела на племянника, его коллег, пританцовывавшего Кортеса совершенно забывшись. Она и всегда-то была немного «с луны», злоречивые твердили, что это игра, часть образа — глянули бы они на нее теперь! Вмиг бы признали, что на тех старых фото «Комсомольской правды» она была еще адекватна, как магазинная кассирша. Сейчас же она плыла, тихо, потерянно любуясь, дивясь повороту Судьбы...

А вот Павел Иванович Измайлов смотрел на нее предельно внимательно, не отвешивал своих обычных казарменных сентенций. Сейчас было не до того. Рядом с ним шла Серафима! Вытянутая фигура и лицо, морщинки, если приглядеться, тоже вертикальные. На два года его моложе. Старили ее в основном слезящиеся глаза, из пронзительно карих выцветшие в янтарные. И поверх полной, эталонной ее рассеянности — вспышки тревоги. Словно лунатик, приведенный на расстрел, но не выведенный из своего транса.

А у Павла Измайлова мелькало другое предощущение. Что если бы сюда, сейчас вломилась группа, человек хоть 10, как однажды на выставку ее картин — он бы схватил вот этот стул бросился на них всех и бил бы, бил и бил. И, может, даже... сохранивший часть богатых своих сил, может, даже и победил, разметал бы. Наверно, опытный психолог в этом предощущении вычленил бы не только физическую смелость Измайлова, а еще сердечную симпатию и предчувствие опасностей, грозящих Калугиной, так отважно покинувшей многолетнюю уютную домашнюю крепость.

О всемогущая беззащитность! Потерянность, с какой она смотрела поверх салата, супа, компота — на стаю щебечущих миссионеров, словно на свалившихся инопланетян. Теперь — ее коллег! И даже в таком «сомнамбулическом» состоянии ей сопутствовал некий смежный эффект, ореол ясности, сигнал: «Все ясно. Это можно не объяснять».

Даже странно: когда-то газеты столько спорили: *загадочный эффект, тайные силы, параспособности...* а здесь, в причудливом пасьянсе московской ЦРС она была самой понятной, почти «простушкой».

Измайлов видел, что Серафима, связавшаяся с ними из-за племянника, финансовых проблем, неудачи с продажей Айвазовского, теперь, четыре месяца спустя, привязана и чем-то еще. Не из-за Геры стала приезжать сюда почти каждый день. В свою передачу на интернет-канале стала вкладывать столько сердца, отвечая на вопросы зрителей прямого эфира, сбивалась на такие волнительные проповеди, что Измайлову становилось боязно за ее здоровье. Какую-то свою миссию разглядела в таком неожиданном месте.

Когда число просмотров с 87 000 в неделю перевалило за 275 000, потребовала ее переименовать. Сначала она называлась «Беседы Серафимы». Без фантазий, согласилась буквально на первое предложение Веденского. Теперь же она подобрала сама. Длинновато, но интригующе:

«Уравнение с неизвестным числом неизвестных».

У двенадцати миссионеров трансляция Серафиминых проповедей шла в фоновом режиме. Их обязанность: ведя душевспасительные беседы, параллельно следить за канвой передачи. И если пересечение тем станет интересным, высечь новые искры — переключить разговор на Серафиму. Кратко представив позвонившего, проанализировав возникший вопрос, на 30—40 секунд дать ему слово. Взвинчивая динамику передачи, они работали, по сути, как обычная редакторская группа ток-шоу.

Как-то, перебив Серафиму, вклинили просьбу слушателя: дать оценку одному очень важному иерарху, вещавшему в это время на федеральном телеканале. И она, видно боясь затерять оставленную нить предыдущего разговора, мимоходом пустила: «А! Притворившегося спящим — разбудить невозможно!» И скайп-миссионеры, телеаудитория, все забыли, о ком и вопрос-то был. Замерли, приподняв носы, потом энергично закивали, зацокали: «А верно! По определению! Разбудить — вывести из состояния сна. А притворившийся, хоть стреляй над ухом...».

От жизненных советов (непременная исходная база) Серафима переходила к сложностям души, жизни. Но как эта «песнь о сложности мира» сочеталась с предельно простым обыденным поведением, тоном речи, ее ореолом «Все же ясно» — этого Измайлов вместить не мог, сколько ни приглядывался... Но как-то ведь сочеталось! Вытягиваемые из нее предсказания («Что будет? Что делать?») резко ограничила. О будущем отвечала только: чего НЕ будет. Чего НЕ делать. Отрицательное предсказание — тоже предсказание, отрицательная программа действий (запреты вместо советов) — тоже Программа. И аудитория потихоньку привыкла, тем более подтверждалось: про что она говорила — НЕ будет — не происходило.

Веденскому поступило 6—7 предложений о включении Серафиминой передачи в программы спутниковых ТВ-пакетов. Один из переговорщиков особенно хвалил название: «Уравнение с неизвестным числом неизвестных — очень креативно». Потом добавил вопрос Веденскому показавшийся полнейшей чушью, очередным идиотизмом тэвэшников. Что в раскрутку такой передачи можно вложиться потому, что она меньше зависит от одной личности, ведущего.

— То есть?

— Ну, понимаете, если что случится, что изменится... «Беседы Серафимы» — по определению закрылись бы. А вот «Уравнение..» — оно без вашей Серафимы, конечно просядет, рухнет, процентов даже на 70. Но 30-то останутся, бренд-то уже прозвучал! И с десятью можно перезапускать. Вон на Первом, «России», НТВ, скольких незаменимых позаменяли. В заключаемом договоре надо будет предусмотреть и такой поворот

— Вы, э-э... — взгляд на визитку, — Геннадий Петрович, видно, не совсем... Вы сами смотрели нашу передачу?

— И я, и мои референты.

— И вы... Геннадий Петрович, сегодня с утра ничего не пили?

— Если имеете в виду что-то помимо чая с лимоном — ничего не пил.

— Что же вы сейчас предлагаете?

— Мы же вкладываемся в ток-шоу, Серафима Борисовна может уйти, а может, вы сами захотите... Десятки примеров: ведущий казался незыблем, как сфинкс. Знаете, который с пирамидами на заднике. А потом в чью-то бойкую карьерную голову вошла мысль, кто-то начал копать, и...

— ...до свидания, Геннадий Петрович.

Механику работы, отношений в Колл-центре кратко обрисовывает случай периода начала благотворительных кампаний ЦРС. Буквально через полчаса после вывешивания на сайте самого первого объявления (*ЦРС будет оказывать поддержку...*) пробился отклик. Включился скайп, на экране явилась в пестрых одеяниях женщина легко угадываемой национальности. Отвечала ей Сумарокова, но в фоновом режиме, картинка электронной гостьи появилась в правых нижних углах экранов Серафимы, руководства (Измайлов сразу встрепенулся, приник к компьютеру).

Абсолютно всех поразило сочетание новейших кибернетических технологий, экранов, картинки в HD-формате, и затянутого старинного певучего канона, знакомого как «Отче наш», как рок-н-рольный квадрат...

— Ой, вы простите меня, люди добрые, что я, такая молодая, к вам сейчас обращаюсь...

— ...Да не такая уж и молодая, — машинально, почти сквозь зубы пробормотала Сумарокова, и цыганка, потрясенная мгновением перебивки, спонтанным ответом, прервала свой канон. Экран погас.

За прерванный сеанс специальная компьютерная программа начислила скайп-миссионеру Сумароковой 4 красных балла, зафиксировав прерывание разговора из-за ее реплики. 4 красных бала эквивалентны легкому замечанию, одна восьмая выговора, и то лишь при утверждении компьютерного вердикта — лично супервайзером. Программа расставляла метки, красные, зеленые и синие вешки для привлечения внимания, вылавливания записи сеансов из общего гигантского Гольфстрима обращений — иначе нужна было бы еще дюжина супервайзеров.

Структура работы, стиль руководства представлен пометками в файле «Текущая деятельность» скайп-миссионера Сумароковой.

Программа: 4 красных балла. Время скайп-сеанса: 11 секунд. Прерван — обратившейся.

Супервайзер Веденский: 4 красных Утверждаю. Миссионер грубо ответила обратившейся клиентке, представителю национально-социальной группы, возможно интересной для ЦРС.

Прелат-директор Хизинг: 4 красных. Не утверждаю. Цыгане — интересная группа? Ха-ха-ха! Они в принципе не обращаемы!

38 красных баллов на двоих + выговор шефу-секьюриту

А это дело — видно по числу баллов — было более серьезное. Из помянутых Веденским на gritти-часе 47 % «посторонних» звонков, он выделил: использование миссионеров как высококачественных и бесплатных (*Hal-lyav-val!*) психоаналитиков, семейных консультантов. А еще Колл-центр использовали как телефон доверия, для жалоб на префектов. О попытках заигрывания с миссионерками (развести на телефонный секс) упоминалось, но был и огромный класс звонивших просто: «джаст хэв э чат» (потрындеть). Выбирали любимых миссионеров, попадали в «черные списки», использовали любые другие доступные телефонные номера, IP компьютеров.

Измайлов, как-то заглянув в кабинет Сумароковой, увидел на экране уже знакомую рожу какого-то старого эротомана. Поблескивая губами, глазами, он на этот раз выпрашивал:

— Елизавета, а на каком языке говорят в раю?

— Тебе... тухлявый, надо скорей адский разговорник подыскивать! — Не влезая в кадр, негромко, в расчете лишь на уши Сумароковой брякнул он.

А Елизавета успела повернуть микрофон к шефу-секьюрити и вывести на максимум приема, так что, начиная с «тухлявый», этот он-лайн ловелас все расслышал, и от себя быстро добавила:

— Да-да-да, язык общения в аду. Интересная тема. Это вам к миссионеру Кудрявцевой. Переключаю.

Зная их отношения, несколько миссионеров включили диалог в фоновом режиме. Кудрявцева обычно в таких пикировках проигрывала главной конкурентке, но сей раз прыгнула выше головы. У нее в тот момент столь же праздный, *озабоченный* собеседник просил «ответственного комментария». Как известно, в католических странах не принимают в публичные дома женщин по имени Мария, потому что это имя Пресвятой Девы. Но поскольку проституция теперь легализована, не является ли подобное отношение дискриминацией, ограничением в профессиональной деятельности?.. И прочие скабрзные умствования.

— Да, Марий в публичные дома не принимали, зато Елизавет туда отводили, даже не спрашивая! Потому что это имя — ветхозаветной блудодейной царицы Елизаветы!..

Пикировка была опять же — поймана сначала программой. Далее: «Выговор шефу-секьюрити». Далее супервайзер: «*по 22 красных балла Сумароковой, Кудрявцевой*». Далее Хизинг — «скостил» до 19-ти. Итого: 38 красных баллов на двоих.

А еще Стелл Хизинг, прелат-директор Циз Уральской России, так и не дал добро на серию публикаций о чудесном исцелении супервайзера Колл-центра Ведынского. Основание: возможные подозрения в трюкачестве, *постановочном исцелении*. Даже горы принесенных Львом Фомичем «Историй болезней», собравшихся за 10 лет, справок от российских и двух американских пульмонологов, могли быть отвергнуты конкурентами. Да и кто в них будет вчитываться на... на ток-шоу! Печати проверять? И главное: *междусобойность... свой своего, рука руку!*

А умопомрачительное объяснение чуда: «Он просто притворялся!»

Что Ведынский не притворялся Стелл Хизинг знал: сам во время их поездок в Пассадену организовывал за счет ЦРС визиты к пульмонологам Калифорнии. Кашель становился все дробней и суше, дело их Фомича шло, похоже, к раку легких...

Хизинг соглашался со своим супервайзером: ситуация «на их рынке» требовала, абоненты Колл-центра, все «целевые аудитории» ждали-жаждали — Чудес, Исцелений, сбывшихся Предсказаний!

Да, ждут! Так пусть подождут еще немного: «информационный залп» должен быть выверен, без возможной «ответки». Если уже на четвертый визит миссис Калугина так волшебю взяла за горло супервайзера, что мешает ей, через пару месяцев исцелить еще кого-нибудь. Только...

— Только запиши Фомич. Человек должен быть явная знаменитость. Никак ранее не связанный с ЦРС. Болезнь его так же должна быть знаменитой, обсуждавшейся ранее на других ток-шоу. Нельзя же, Фомич, сразу в одной телепрограмме и раскрывать тайну болезни, и сразу про Чудо исцеления. Ружье на стене должно провисеть четыре акта...

— О'кей, Стелл!

Ведынского при всей громаде благодарности за исцеление смущала Серафимина версия. «Притворялся». Вроде совсем не в точку, а ведь поймала! Не насчет болезни,

тут кой черт «притворялся»! После визита к калифорнийскому пульмонологу он и во все готовился к скорбной онкологической череде: зачитывание диагноза, операция, химия, счета, облучение, «Подписка о согласии...», еще счета, облучения...

Нет, притворялся Лев Фомич в другом: перед Хизингом, пред всей *своей Церковью* (странно как-то и звучит) Религиозного Сознания, пред коллегами по Колл-центру...

Все читали (Веденский — особенно) про то, как собаки могут унюхивать запах онкологических заболеваний на ранней стадии, как это уже всерьез используется для массовой диагностики. Вот и Серафима, наверно, учуяла притворство, общий дух Притворства. Ошиблась только в конкретном «органе».

Приехав с миссией ЦРС, Хизинг предполагал вначале, что русскому, крещеному, проучившемуся три года в Духовной академии Веденскому будет неприятно слышать об административно-маркетинговых технологиях, «целевых аудиториях», «рынке религиозных услуг» (термины, кстати, не только ЦРС, а принятые во многих нынешних деноминациях)! Хизинг даже разработал программу постепенного внедрения новых терминов и вдруг с удивлением обнаружил, что его супервайзер во все не мучается с новыми терминами, а обнаруживает большую американизированность. Так что наоборот, Хизинг мог на фоне Льва Фомича вообразить себя каким-нибудь древним седобородым Антиохийским архиепископом, а сам Веденский выходил... Роном Хаббардом, по крайней мере.

Запрет на внешнее раскручивание исцеления Фомичева не означал молчания внутрикорпоративного. Веденский славословил Серафиму. Как упоминалось, за чертой полукабинок простых миссионеров был просторный коридор, за ним долгая стена, двери кабинетов начальников чередовались с диванчиками, кадками искусственных пальм, столиками. И на ближайший к своему кабинету столик Лев Фомич торжественно вынес большую коробку с этими надоевшими всем (даже повествователю) белыми баллончиками. Теоретически, можно было подразумевать и «берите, кому надо» (спреи импортные, весьма дорогие), но так он торжественно вынес, водрузил, что в этом увидели скорее Памятник! В ряду с отброшенными костылями библейских исцеленных, отодвинутым могильным камнем, размотанными погребальными пеленами воскрешенного Лазаря...

Выждав неделю, не меньше, применение им нашел Аркаша Незванов: пшикал на зажигалку изображая Змея Горыныча.

Насчет чудес, метафизики, всего сверхнормального ЦРС занимала мудро-выжидательную позицию. Веденский прямо-таки видел сквозь тысячи километров тихий кабинет преподобного Сайруса Меддока, зятя первооснователя преподобного Джекоба Меддока, усыновленного, получившего фамилию и империю ЦРС. Стол под портретом тестя-отчима. На столе раскрытый словарь идиоматических выражений, и отчеркнутый какой-нибудь английский вариант «*незабегания поперед паровоза батьки в пекло*». ЦРС и не забегает, глупо тратить ресурсы, потенциал влияния на подобную борьбу. Похоже, и Роггер Конноли, зять Сайруса, станет третьим преподобным, продолжит линию. Усыновится, фамилию возьмет. У них там как у лучшей древнеримской династии Антонинов: успехи на весь мир, а прямых наследников сто лет нема, все через зятьев, усыновленных...

Конечно, в статье для пасаденского Бюллетеня, если и сравнивать династии калифорнийских Меддоков и римских Антонинов, то завуалированной, на более ши-

рокой исторической подкладке, кому нужна глупая лесть?...Лев Веденский «Взгляд из России»:

Итак, дремучий фанатизм показал себя. И вопреки штампу — у показавшего себя с *самой худшей стороны* оказывались еще и еще худшие стороны (прямо многогранник, бриллиант!).

Но что, кто всегда были защитой от фанатизма? (И значит, еще будут!)

Вспомним-ка средние века, казни на площадях, четвертования, колесования, сдираание кожи, вспарывание животов на глазах горожан — возможных следующих жертв. «Высокое духом средневековье» — штамп продвинутых интеллигентов (вспомнил Лев Веденский свои споры в Духовной академии, до нее и после). Только кто из вас, господа, согласится хоть пару минут понаблюдать за сжиганием на жаровне своих кишок, вытянутых так «аккуратно», чтоб обеспечить казнимому жизнь на эти минуты?

И вот — Ренессанс (Возрождение), потом Просвещение! Восемнадцатый век: казней меньше и, главное: без театра, садизма. Деятнадцатый: мешки на головы казнимым. Это же — преграда! Жалкая мешковина — стена для тех жадных средневековых взглядов!

Кто ж прекратил тот «театр», погасил костры на площадях? «Утонченно-духовно» осмеянный Вольтер, «первый спамер»! Подвижники Ренессанса, Просветители — все ныне в святцах ЦРС! К восстановлению их престижа приступили и нынешние гуманисты, европарламентарии. Начав с эпохи Ренессанса. Практические результаты: в сентябре прошлого года в Страсбурге, на сессии Европарламента принят закон, по которому «отрицание факта Ренессанса является уголовным преступлением». Несколько национальных парламентов приняли законы, подтвердившие действие страсбургского в своих странах. Подавляющим большинством голосов, в атмосфере бурного ликования: в британской палате общин депутаты даже «пустили волну», на манер футбольных болельщиков.

Вот так, Вольтер, Руссо, Гельвеций, «предтечи, учителя мудрости ЦРС» — ныне-то пошли в гору! А вы, «традиционалисты» — высмеивая прогресс, пользуясь благами смягчения нравов — хаеете тех, кто это обеспечил! Есть же меткое определение: «Традиционалист — это пессимист в отношении будущего и оптимист в отношении прошлого».

Веденский пересмотрел написанное, хмыкнул:

— Эдак стану поставщиком банальностей, как мой миссионер Метрохин. Годится разве что для зачина. Но далее — надо перейти к своему, российскому вкладу в духовную копилку ЦРС. Чего, собственно, и ждут от Колл-центра, меня, этой моей статьи...

Оторвавшись от экрана, Лев Фомич встал, подошел к окну. Высота 11-го этажа и Трубная площадь, отодвинувшая подальше дома, вкупе открывали хороший вид, панораму. Выше самых высоких деревьев Цветного и... бульваров — хаос, сошедшиеся, как на митинг, толпы крыш, купола, кресты, высунутые цветные языки рекламы, дразнилки «Sony», «Mersedes» банков...

Как и все секты-новоделы ЦРС наименования обрядов, церковных должностей выбирала крайне свободно — жаль только на самые верхушку пробился сквознячок католического влияния: прелат-директор. А хорошо бы их эклектика дала другой уклон и в номенклатуре должностей был бы: митрополит-директор! Вспомнив о данном себе слове: учиться у династии Меддоков толерантности, Веденский попробовал успокоиться, вернуться к статье. Но вскоре от компьютера его оторвало привычное-зычное: «Второй отряд! Выходи строиться на обед!... Старший по бараку (так Измайлов иногда звал супервайзера Веденского) — на выход!»

«Пойти, что ли, правда пообедать? Нет, аппетит что-то вовсе пропал».

— Ну как, Гера, Теодицея твоя? — спросил Незванов, составляя тарелки на поднос. — Вот пример тебе к размышлению. Исцелила твоя тетка супервайзера, а он и во все с катушек слетел. Сумарокову как гнобит. Как теодицируешь, оправдаешь... ся?

Ламин вздохнул, вырливая по никелированным рельсам к кассе.

7. VIP-паломничество

Поскольку вся восточноевропейская ветвь ЦРС была пока дотационной, «пастырские визиты пасаденского начальства», членов Верховного Конгрегационного совета были для всего московского офиса настоящим экзаменом, «госприемкой». И наряду с предъявлением отчетов, прокручиванием на экране «файлов-презентаций» с комментариями, показом работы Колл-центра (оцененного и самим US-президентом), гостей положено было развлекать.

В прошлом году, кроме подмосковной бани, эскорт-девиц, озер и рек лучших водок, был еще и блиц-тур в Смоленск. Сошлось так, что Роггер Конноли, зять преподающего Сайруса Меддока, слышал о каком-то красивом смоленском соборе, а Энтони Коллинз, прелат-директор Луизианы, когда-то долго целивший в астронавты, просил заехать в Гагарин, бывший Гжатск, родину Юрия Гагарина: «...только пара фото, джаст мэйк, друзьям послать...» — ну и так далее. В Москву обещали вернуться через день.

Автобус Измайлов нанял специальный, второй этаж: кресла, обзор, открытая площадка на корме. На первом: туалеты, душ, кухонька с кают-компанией, четыре капсулы-спальни с двухъярусными шконками. Отдыхать можно поочередно, для 12–16 человек — полный дорожный комфорт, членов Конгрегационного совета с сопровождающими, набралось 15, наши на креслах покимарят. В дополнение к своему сотруднику (охрана, улаживание вопросов с полицией, другими охранниками, в местах посещения) выбирая сопровождающего миссионера, Измайлов с некоторыми сомнениями все же взял Аркадия Незванова. Балагур, затейник, слишком хвастается своим Питером, тамошними громадными связями, но пить — умеет. Английский в совершенстве.

Приглядывая за грузимыми баулами, получая у Измайлова деньги на все мыслимые дорожные расходы Аркадий заверял, что...

— Все будет в лучшем из возможных видов. Эх, Павел Иванович, если бы пасаденцы решились двинуть в Питер — все было бы на порядок интереснее, и соборы, и...

— Да я б за милую душу. Из пятидневной их программы вычесть денька четыре! Публика сложная. Отправил бы их хоть твой Питер смотреть, хоть другие места, мне известные. Что б так до самого Шереметьева... Нам бы с тобой Веденский и Хизинг — проста-авились бы! Ну ладно, помечтали и хватит. Послезавтра у них прием в мэрии, начало в 19-30. Душ, переодеться, отдохнуть, на все про все... примерно так к 17-00 должны быть здесь, — кивнул на стеклянную вертушку гостиничного входа. — И постоянно будь на связи.

От музея Гагарина до Смоленска включительно Измайлов еще получал доклады, с каждым получасом все более отвязные, слышно было, что хохотал не только миссионер Незванов — пол-автобуса. Сообщения Аркаша теперь начинал: «Алло, Хьюстон! У нас проблемы!!...», и с каждым повтором дурацкая шутка имела все больший успех...

— Нне, Ив-ваныч, я серьезно. Водка кончается. Я сейчас иду закупаться.

— Аркадий, слышь!? Обязательно доедь до какого-нибудь крупного магазина, лучше сетевого! Осмотри внимательно каждую бутылку, чтоб не паленая! Потравишь

наших конгрегаторов — я тогда, тебе... десять бутылок этой водки самолично залью, и еще пять — затолкаю...

После этого связь прекратилась на мучительно долгие тринадцать часов. В принципе продержат всю делегацию в сумеречном, полубессознательном состоянии, как признавался Измайлов, было идеальным вариантом для московского отделения. И от Аркадия нельзя же было требовать стопроцентной трезвости, при его массовик-затейнических функциях. Но сопровождавший делегацию собственный измайловский «офицер по безопасности» позже оказался — не на высоте момента. Через транспортную фирму разыскали номер мобильного водителя, но не отвечал и он...

Водителю, как выяснилось, просто случайно зацепив, сломали подзарядник.

Вы представьте лучше другое: состояние Аркадия и трех добровольцев, отправившихся с ним за водкой. То была уже третья вылазка, с ними увязался и рыжий пресвитер из Канады купить что-нибудь противоаллергенное.

Квартал жилых домов, так и не выказав признаков какого-либо супермаркета, закончился, далее улица шла вдоль невразумительного бесформенного парка.

— Бирюлево, что ль? — обернулся к своим Аркадий Незванов. — А, нет, Чертаново. — Кивнул на россыпи бетонных кубиков и деталек поменьше, типа леговских. — Или это, как его, Коньково? — через три минуты.

В Колл-центре он всегда хвастал, что в Москве знает только Сретенку, где снимал квартиру, бульвар вниз к Трубной площади, месту работы, пару клубов от Цветного до Пушкинской и дорогу к Петербургскому вокзалу. Аркадий тогда интуитивно решил, что водитель въехал в Москву откуда-то с южных шоссе и сейчас, извиняясь перед иностранцами за отсутствующую архитектуру, успевал бормотать: «Следующий год, обязательно Петербург. Невский, Каменный остров, Фонтанка. Стрелка Васильевского!.. В былые дни и я пережидал, х-холодный д-дождь под колесом б-б-биржи».

Хорошо, еще местные были очень любезны, радушны. Болтали, успокоили, сказали, что парк сейчас закончится, «и после здания посольства, как повернете, направо сразу же увидите супермаркет».

Справа рябила долгая скучная ограда: каменный столбик, шеренга двадцати торчащих железных пик, следующий столбик, еще шеренга... «НЕ решетка Летнего сада» — это очень мягко выражаясь.

На очередном строю пик висела вывеска-указатель «Консульский отдел направо, 70 метров», на следующем — триколор, потом двуглавый орел и железная же табличка: «Посольство Российской Федерации».

Браво, Канада! — Только их рыжий пресвитер и врубился, заорал, тыкая: «Аркадий! Эмбаси! Посольствó!» Незванов досадливо (поход затягивался) обернулся: «Ну да, посольство! Сейчас направо, и будет магазин, о'кей? Пошли».

— Да, но почему посольство — ваше, России?!

Увы, Питер! — Аркадий и в эти минуты никакой логической ямы не заметил. Ну посольства, ну министерства, ну управления! Орлы, повсюду триколоры, таблички на дверях. Привык. Перефразируя Есенина: «Москва казенная» — но интересовал Аркадия как раз оригинал: «Москва кабацкая».

И только на кассе, только когда он выгружал тележку водки, а кассирша нежно и смущенно сказала, что не может принять его рубли, первый низковольтный разряд пробежал по «отпускаемым» нейронам-извилинам.

— Да вы сходите, обменник вон, сразу за последней кассой, где аптека. А я не могу принять, не положено, Инструкция, — почти со страданием. — Вы же еще спрашивали супрастин или димедрол для вашего товарища. Там и посмотрите. Вы тележку-то оставьте, я вас сразу, без очереди обслужу. Курс там хороший, лучше, чем в банке.

Только взглядевшись после фокусировки сознания в милое смущенное личико, синие глазки под соломенной челкой, вслушавшись в ласковое, сначала абсолютно

для него бессмысленное воркование, Аркадий наконец начал понимать, что канадец насчет посольства орал не зря... Чтоб очнуться с тележкой водки на кассе в другой стране!

И я, когда отпустило, когда только начал соображать, куда мы заехали — я что, думал тогда, что Измайлов меня убьет? Да хрен-то ему! Я тогда... так влюбился в ту кассиршу! (игриво посматривая на Сумарокову). Вспоминаю, Оксана звать... Ну знаете такие, спросят: «Вам пакет нужен?» — так что слышится: «А замуж меня возьмете»? Причем — без самоунижения... на одной чистой душевности! Еще бы раз туда заехать... Минск! — Мечтательные потягушечки уносили взятого под крылья Аркадия из круга слушателей.

Готов поспорить, такого «трипа» не было ни у кого! Ну, может, у «Роллингов», и то — лет шестьдесят назад. Чтоб очнуться с тележкой водки на кассе в другой стране!

А судьба, что по русской же поговорке «бережет дураков и пьяниц», Аркадия после того вояжа немного даже возвысила. Теоретически больше ответственности падало на сопровождавшего измайловского «офицера по безопасности». Прием, ужин в мэрии, конечно, пролетели, но... все живы-здоровы! Настроения, отзывы прекрасные. Вот и славно. ОК! Будут еще приемы, будут еще мэрии! А кто кого тогда напоил? Почему отключили мобильники? Кто наливал «измайловцу»? Кто первый сказал, что «возвращаться в Москву лучше по Минке» (Минскому шоссе)? Кто и как транспонировал этот приказ водителю? Кто сломал ему подзарядник?.. О сколько бледных, абсолютно ненужных вопросов можно еще задать!

Через неделю Аркадий Незванов стал скайп-миссионером. Из Пасадены, Торонто, Мехико ему на адрес Колл-центра приходили старомодные такие, картонные открытки. И шутки тоже старомодные, милые, иногда со старательной кириллицей: *«Поехали! Хьюстон, у нас проблемы! Посольство России в Бирюлево».*

8. Супервайзер и другие

— Ладно, прилепили мне еще в академии «иезуита», так прилепили, — холодно размышлял Лев Фомич, — проживу. Но если вдуматься, что же главное в «иезуитстве»? Хитрость? Нет!.. Коварство? О, банальные глупости!.. Главное, если мы и вправду что-то о них знаем, это — неспешность. Доловременность планов. Посланики вечности. «Фавориты Луны?» — Нет, лучше. Интриганы эонов!..

После *Исцеления* супервайзер Веденский раскладывал карты своей тягучей партии с миссионером Сумароковой, олигархиней Анной Петровной Лейх, выскочкой Хизингом, а заочно еще и с однокашниками по Духовной академии, владыкой Амвросием — будто у него на эту игру есть лет эдак 50... Эти доп. годы ему подарила конкретно щедрая Серафима. «С неба свалились»? Кто бы хоть знал, благодаря какой долгой изумительной интриге Калугина здесь оказалась! Боже, включено ведь было... более 10 фигур, и даже Айвазовский, Царствие ему Небесное! И галерист Марк Эльчин, и картинный эксперт Герард Брунин, и немножечко втемную — Измайлов, и бедный спец по Теодицее Гера Ламин, и вот... Серафима Калугина здесь, можно сказать моя сотрудница. И в третий же свой приход на работу — она выбрасывает вперед свою волшебную смуглую руку... До сих пор помню, похоже на бросок змеи. Так ведь змея и есть символ Асклепия-Эскулапа...

Тут и любой второгодник, слыхавший хоть чуток о героях на жизненных развилках, вспомнил, повторил бы: «Так, значит, для чего-то важного я рожден/спасен...» Впрочем, и до «волшебной руки» из многих тактических приемов Веденский чаще выбирал неспешное выжидание. Может, к тому подталкивал сам факт наличия таких архивных сокровищ, полное ими распоряжение, банкир банка данных...

Вот Сумарокова Елизавета Михайловна, 26 лет. Филфак МГУ «с отличием», тема дипломной работы: «Ранняя поэзия Бориса Пастернака». Место рождения: поселок Торфобриккет Кологривовского района Костромской области. Круто! Коэффициент Мэлори (внешняя привлекательность) — 96. Эго хватило! Я бы, м-м, может... Нет, 89 все же бы дал.

Внешние данные всех кандидатов в скайп-миссионеры ЦРС суммировались, анализировались: визуальный контакт налагал требования. Имаж-комиссия рассылала по континентам анонимные фото-видеофайлы, собирая независимые оценки. Работа при всем ее «планетном масштабе» совершенно малозатратная, почти бесплатная. Рассылки, «фоток», выкладки в соцсетях с любых акаунтов, с игривыми просьбами оценить лица: «самые сексапильные», «самые искренние», «кому бы из них вы доверились?»...

И «гуляки праздные» Интернета, перебирая лица, выставляя баллы, сами того не зная, влияли на кадровые движения в ЦРС! Дешевле и в миллион раз объективнее любых комиссий, жюри. Детализации опросов учитывались в дальнейших кадровых перемещениях. Так внешность Сумароковой получила наивысшие оценки в Скандинавии (понятно — яркая брюнетка), Австралии и... странах Западной Африки.

«Карьеристка», если точно воспроизвести: «высокая степень ориентации на ценности служебного роста» — эта строка лежит на электронной полочке, в файле «Миссионер Л. М. Сумарокова», необъятного сервера ЦРС. «Растињяк в юбке» — мысленно дополнял супервизер Веденский заполняя служебные характеристики.

Общаясь по обязанности, интересу с этим миссионером, Лев Фомич заносил в блокнотик тезисы: 1) «Растињяк». 2) Необходимо: подобрать интонацию для дальнейших бесед. 3) Сочувствие?.. «Мне, Лиза, тоже приходилось?»... «тайный союзник, мы им покажем?»... Нет! Атараксия! — вот ключ. Бесстрастно, как философы! 4) *Беседовать, чередуя мировоззренческие, личные темы миссионера — и контроль движения «Проекта Анна Лейх»...*

— Лиза, если конкретнее, в чем чувствует себя виноватой Анна Петровна? Что этот «колдун с атолла», управляющий всеми ее движениями может оказаться... дьяволом? И она думает, что виновата? Да ведь, Лиза, почти 24 % запросов в Колл-центр так или иначе касаются «чувства вины». И как мы обычно? — Правильно... освещая тему всесторонне, с привлечением богатств философских, религиозных исследований. 1) Философы-экзистенциалисты: Вина — категория мировоззренческая, бытийного характера, существующая даже не в душе, а в самом бытии. Экзистенциальная вина, сиречь ответственность человека... 2) По Зигмунду Фрейдю «вина» — главный рычаг управления. «Суперэго», возбуждая в «Эго» чувство вины, ведет его... Видишь, Сумарокова — Контроль, а не саморазрушение! И в условиях сложившихся меж вами доверительных отношений будет уже твоей *виной*, если ты не сумеешь...

У самой Сумароковой это чувство, «вины» — было очень большим, но... используя алгебру: «большим по модулю». То есть по абсолютному значению чувство большое (как и ее «Коэффициент Мэлори»), но по направлению вектора... Виноваты все — перед ней. И мать-одиночка, не алкоголичка, но идеалистка. Красивая (тут гены) — но не зацепившаяся, ни за Москву, ни за какого-либо опорного человека. Вынудившая Лизу стартовать из того же поселка. Из той же общаги...

— Но, Сумарокова! Даже этот ваш... Ядринцев, Михаил Степанович. Может, и он чувствовал себя виноватым, что не сумел твою мать оставить в аспирантуре, в Москве. Но ведь и помог же! Сама рассказывала: взять тебя на бюджетный, с предоставлением общежития... Сколько было тогда бюджетных мест?

— Одиннадцать. Или двенадцать.

— Вот помог же. Повлиял, «заразил»... Серебряный век, Пастернак, поэзия... Может — момент духовной... стимуляции, не осознаваемый тобой сегодня, но тем не менее. А этот Ядринцев, Михаил Степанович, он что, жив сейчас... еще?

— Жив. — ответила Сумарокова, но очень отрывисто, и Веденский держал лично-служебный баланс, перешел к инструктажу по Анне Лейх...

Себе Лев Фомич казался Кутузовым, Лао-цзы, Квинтом Фабием Кунтактором, кем там еще... но в краткие самооткровенные минуты разглядывал за этим — слабость, боязнь не просто решительных ходов — всякой определенности вообще.

Но, натура одаренная, он боролся и с этой слабостью, напоминал себе, что и самые удачники, на полмира раскинувшие сети, все равно не освобождены от необходимости фехтовальных ударов.

О возобновившихся скайп-сеансах с олигархиней он переспрашивал, нарочито интересуясь такими частностями, чтоб у Сумароковой укрепилось ощущение, что записи ее бесед он пока не пересматривал. Ведь контроль супервайзера — сугубо выборочный, обращений тысячи, какие-то конфликтные — он должен просматривать, но чаще — доверяться (до поры) кратким устным пересказам миссионера.

Через неделю «сопровождение второй степени» (просил Измайлова организовать) показало: миссионер Сумарокова с Анной Лейх встречались один раз, днем, в громадном Афимоле Москва-Сити. Место, возможно, было выбрано, как наиболее многолюдное, из мола никуда далее не отправились. Сидели в кафе, делали покупки для миссионера Сумароковой, судя по тому, что пакеты остались у нее. Лейх взяла себе только две книги в пакете, прозрачном, но названий книг разобрать не удалось. Через полтора часа они расстались, там же. Сумарокова поехала к себе в Алтуфьево.

Встреча с подопечным, за пределами Колл-центра и без уведомления начальства — это уже прямо нарушение должностной инструкции, контракта. На увольнение вчистую Сумарокова, глупышка, уже нагуляла. А вообще-то очень способная, теперь со всеми тузами на руках можно с ней и с ее Анной Лейх и продолжить партию.

За окном светофор еле-еле оберегал красным светом Трубную площадь с ее разъявками-пешеходами от хищной стаи, налетевшей с Цветного бульвара.

— Тебя, Павел, осудили неправильно. Наказать тебя надо было. Даже уволить из... войск твоих. Но посадить должны были другого. Майора того. Кажется... зятя или племянника начальника штаба.

— Зятя, — выдохнул Измайлов.

— Вот. Прожил ты четыре с половиной года за проволокой. Очень тяжело, знаю. А там, у зятя-майора детишек — м-м...

— Четверо.

— И он бы к ним не вернулся. Или бы там, за проволокой с ним сделали бы очень плохо, или он, обиженный на тестя, что не помог... но не вернулся бы, точно. Так что считай, ты свою миссию, там — уже выполнил, и годы не зачеркнуты, и жизнь.

Один жест Измайлова хорошо был известен Колл-центру. Дивились несоответствию, даже противоположности значений: сжатый кулак, поднесенный к губам, как обычно изображают игру на трубе, пионерском горне, у Измайлова означал минуту полного и тяжелого молчания.

Сейчас прижав кулак, он еще и крепко зажмурился, отвернувшись к стене, и оставался в такой не совсем вежливой позе, пока Серафима не поднялась и всегдашними своими легкими быстрыми шагами вышла из его кабинета.

А Измайлов, так и не разжимая глаз, хотя его слезы увидеть было уже некому, все сидел, сжатым кулаком отъятый от губ, отмахивал сверху вниз и чуть наискось, как иногда сопровождают ритм заслушавшиеся рок-музыкой меломаны.

Потом он встал, перестал отмечать неслышимый миру ритм, и подойдя к окну, начал считать машинки, затормозившие перед светофором, там, где Цветной бульвар

впадает в Трубную площадь. Досчитал до семнадцати и обернулся к тому месту, где перед этим сидела Серафима.

— Так, справку о погашении судимости я, можно сказать, получил. Полная, ххх-ы, реабилитация!

— Лев Фомич, помните, вы предполагали, что Анна Петровна Лейх в свой сюжет с колдуном этим на тихоокеанском атолле, дергающим ее за ниточки, включает случайные обрывки из реального мира?

— Да? Возможно. Я, Сумарокова, в ваши частности пока не вдавался, я эти недели был очень занят. — Брови. Брови — оружие бюрократа! Испытанное суровое их сведение, создав Веденскому репутацию строгого начальника, оставляло и еще пару оттенков, например, этот: «Не до вас сейчас, но так и быть, разберем твой случай...» — Но, Сумарокова, общая психологическая картина подсказывает мне, что Анна Лейх будет брать куски реальности, воспроизводя с абсолютной точностью.

— И ваше предположение, Лев Фомич, подтвердилось совершенно блестяще! Я недавно просила ее уточнить координаты этого атолла. И она, не задумываясь, сразу же продиктовала мне цифры. Уверенно, без сбоя. Вот (заглянула в планшет): 11 градусов 37 минут северной широты, 165 градусов 24 минуты восточной долготы. Уфф. Я сама-то в жизнь запомнить бы не смогла. Вчера проверила по Интернету: это координаты атолла Бикини, где американцы атомные бомбы испытывали, а всякие мировые общественности тогда протестовали. И еще случайно так совпало в новостях 1946 года, что и купальники стали называть в честь того атолла. В общем, Бикини, как подтверждает поисковик, самый известный из тихоокеанских атоллов. Координаты эти попались ей когда-то на глаза. Запомнила, как вы говорили, с абсолютной точностью.

— М-м. Сумарокова, а тебе не жаль свою подопечную? Ведь...

— ...Да-да, конечно, Лев Фомич! Очень-очень бывало мне жаль эту жену миллиардера. Богатые тоже плачут! — но о другом... Как раз завтра собиралась еще раз ее пожалеть...

— Что-что? — насторожился супервайзер.

— Я же снимаю квартиру, однушка в Алтуфьево, завтра хозяйка приходит за деньгами. На следующий месяц, спасибо, хватает. Вот расплачусь завтра вечером, сяду на пол и как стану жалеть нашу Анну Петровну!

— А, ты в этом смысле, Сумарокова. Усмехайся. Здесь, правда, под рукой «Толковой Библии» и Александра Меня нет, чтоб по твоей методе прикрыть ухмылку... А спросил я тебя, — Веденский взял на два тона построже, — спросил, жалеешь ли — потому, что миссионер не должен быть простым фиксатором жалоб! Эдак мы Сумарокова, заменим тебя звукозаписывающей приставкой. Ты должна предлагать позитивную эмоциональную программу, делиться своим опытом. Хотя... — и махнул рукой, будто говоря: «Ну какой тут опыт!»

Вздыхнул, глядя мимо Сумароковой: Эх, навязали нам пасаденские шефы эту гендерно-возрастную политику, по-советски — молодежную «квоту». Примитивный, социальный, импульс Сумароковой разочаровал супервайзера. Он готовился к какому-нибудь философскому, экзистенциальному противостоянию, уже припомнил, подбирал цитаты — а тут деньги, имущественная зависть.

— Напрасно вы, Лев Фомич. Я ей на той неделе очень полезный совет дала, и как раз из своего, представьте, опыта.

— Ну-ну, — позволил себе осьмушку улыбки Веденский.

— Прочитать стихи Бориса Пастернака. Много, сразу и подряд. А потом попросить написать, в смысле сочинить самой, ему в подражание...

— А в чем тут...

— Позитивная программа? Анну мучает вопрос: «колдун на атолле», ее 24-часово-суточный руководитель: он ангел-хранитель или, наоборот, смердящий дьявол? В первом случае, как понимаю, ей можно спать спокойно. Даже подругам похвастаться: есть мол, *свой, настоящий эксклюзивный ангел, от Бикини*, а у вас — разве что любовники...

— Сумарокова! Вот уволю, и знаешь, что будет стоять в твоей трудовой книжке? «За предельный цинизм»! Единственная на всю Москву будешь с такой записью! Ты же говорила, женщина по-настоящему несчастная. Муж, Илья Евсеевич Лейх, носится с ней «как незнамо с кем». И сам такой измученный, прямо как побитый. Сегодня утром в новостях про инновации в нефтедобывающей сфере случайно его увидел. Правда ведь, выглядит как... Ина все готов же ради ее здоровья, счастья, а она...

— ...срывается на него, на бизнес-друзей и их жен. Скандал — раз в квартал. А что вы такого Лейха в новостях утром видели, это позавчерашний был фортель. Она выхватила и проглотила его бриллиантовую запонку. Да, колдун, наверно, теперь позовет ее на свой атолл — какать. Муж, как она рассказала, подскочил, стакан водки себе налил, схватил вторую запонку. Готов был ее проглотить и запить, но она выбила. Запонку и стакан «рокс», коктейлевый такой, массивный. Ну и задело тогда чуть-чуть Илью Евсеевича по щеке, гранью.

— И что смешного? Анна Петровна — твой духовный пациент! Доухмыляешься до летального исхода.

— Ну, Лев Фомич, в той запонке, по счастью, не было режущих граней, острого, колющего в застёжке — ни миллиметра. В общем, как было написано у царя Соломона, правда на перстеньке: «*И это пройдет*». Лев Фомич, я не глумлюсь, я лишь трезво оцениваю все ее обстоятельства, окружение, темы разговоров. То есть выполняю прямую свою работу, — и Сумарокова взяла тон подтверже: — А моя позитивная психологическая программа со стихами такая: объективировать ее подсоznательные импульсы, дать им проявиться. Ведь если рука дернулась, или тик на левом глазу, или неудержимо, прямо на вечернем приеме в Кремле пи-пи захотелось, или брошку уронила — тут можно сто лет гадать, насчет плюса/минуса того ангела: добрый или демон. А вот уж как он в стихах вылезет, как себя проявит — можно будет понять определено.

— Согласен. Принимается. А почему именно Пастернак?

— Тьфу! — да просто диплом я по нему писала!

— А не боишься, что какая-нибудь чертовщина явная ползет? Сатанизм в промышленных масштабах?

— Не боюсь.

— С чего такая уверенность?

— Чувствую... Я, может, как ваша Серафима. Что, почувствовать не имею права? Да к тому же, успокойтесь, стихи ее истолковывать буду тоже я. Уже мне доверено!

И торжествующая нахалка покинула кабинет. Веденский для успокоения подошел к окну и стал по измайловскому методу считать машины на Цветном бульваре. За один зеленый миг светофора их с Трубной площади промчалось 39 штук.

Без отцовской руки Гера Ламин вырос хлипким и робким. Мечтателем, полускрывшимся от жизни. То есть скрывшимся от жизни наполовину. Или — скрывшимся полностью — от половины жизни. Второе толкование позволяет очертить эту «половину», то, чего был лишен: друзья, компании, стычки, знакомства с девочками, «походы по девушкам», драки, резкие разговоры, кулаки, спортсекции.

В университете: два-три тихони в углу. Работа в школе противопоказана: дети старше пятого класса чувствуют и лихо опускают таких учителей, а пойти в первые-четвертые классы не позволяет образование (учитель начальных классов — не фи-

олог, вообще другая специальность). И когда тетя Серафима взялась пристраивать Геру, ей посоветовали: лучший вариант — какой-нибудь тихий аналитический фонд, «потому что в коммерческих офисах тоже грызня, конкуренция, работа локтями». И когда тети-Симины знакомства дали Ламину возможность даже выбора (!), из организаций самых разных политических направлений, он выбрал Фонд «Открытое сообщество» — не из-за каких-то демократических, либеральных политсимпатий... А потому (признавался себе), что даже беглый взгляд подтверждал: в демократических тусовках — больше интеллигентов, очкариков, девушек, старых дев. Меньше брутальности, физических рисков...

Потом еще два случайных места, нудная капле годов безработицы и, наконец, сбывшаяся мечта: кабинка с наушниками, микрофоном и экраном, общение on-line. И Елизавета Сумарокова...

И вот... карьера — неожиданное слово, на четвертом десятке. Ведь если раньше на всех местах работы бывала только одна должность, увольняли с той же ступени на которую брали, значит, карьер не было, пожизненный менеджер. А теперь: миссионер, скайп-миссионер, и позавчера Веденский обещал старшего миссионера. Благодаря тетушке? — ладно, даже хорошо, что есть кого благодарить.

Позавчера Лев Фомич доверил ему организацию ток-шоу, встроенного в тетушкину программу «Уравнение с неизвестным числом неизвестных». Удачно его провести и он — старший миссионер. Правда... в старшие метит и Елизавета. Эх, как было б здорово добиться — и уступить ей! А ведь... может, это и реально, все с помощью нашей доброй феи... Но провести ток-шоу надо все равно с блеском. Только б не сбиться на вечную лузерскую дорожку. (И Ламин углубился в «Методическую инструкцию» написанную Веденским.)

Теледиспут: «Есть ли Бог?»...

Да-а, тема лобовая. Прямо как в 1920-е годы...

1) *Представить гостей-участников, договориться о формате спора. Важнейшие фрагменты выступлений, цитаты обязательно взять заранее на флэшках, отдать Петрухину для монтажа титров, иллюстраций. Эти фрагменты обязательно должны сопровождаться энергичным видеорядом, можно даже клипами.*

Что ж, очень толково, даже креативно.

Гости-участники. Есть договоренность с дьяком Антоном Валуевым и академиком Гамбурцевым. Просится приехать и выступить Никита Весков, хочет рассказать, как Бог ему помог записать пластинку, которая выходит в следующем месяце. Надо уговорить Серафиму Борисовну принять его.

И это понятно. Рейтинг тетушкиной передачи растет.

2) *Организовать живой спор. Выступления — не более минуты подряд. Давать перебивку. «Благодарим. Мы вернемся к этому чуть позже. Теперь слово...» Поддерживать динамику передачи!!*

Хм-м. Минута на «Есть ли Бог?». Успеет, наверно, только Весков. «Вот Бог помог, покупайте! Телефон оптовикам...» Надеюсь, когда слово по кругу им вернется, академик и дьяк не забудут, на чем им врубили «перебивку».

3) *Выбрать трех арбитров передачи. Обязательно из числа лиц, незаинтересованных в этом вопросе.*

Шорох... легкий сквознячок абсурда. Безумия. Вроде правильное Веденского указание... но как это? Где взять «незаинтересованных лиц»? Ну ладно — атеистов. Есть тут фанаты Докинза, называют в Колл-центр частенько. Ну ладно — неверующих! Но... «незаинтересованных!» (...)

Ламин честно пытался исполнить пункты инструкции, но как только пробовал... хотя бы вообразить, представить себе человека, «не заинтересованного в этом вопросе»... чувствовал, что сходит с ума.

9. Трудный день миссионера Сумароковой

Да, люди, бывало, приезжали в Колл-центр благодарить. Хорошая работа ведь всем видна. Шила, как говорится, в мешке... Привозили подарки, иногда деньги. Чаще, конечно, подходили к специальному терминальчику, вставляли карточки и, оглянувшись, прикрывая корпусом, так, чтобы только Всевышний мог разглядеть ПИН-код, исполняли свои арпеджио на клавишах лицевой панели.

Большие люди обычно присылали порученцев, водителей, так что самоличный приезд Ильи Евсеевича Лейха, был исключением из ряда вон. Точнее, единственным визитом такого уровня в истории Колл-центра. А подсчитывая еще точнее, применяя интегральные показатели, учитывающие меру влияния, рейтинги, места в таблице Форбса... из преступивших сей порог Лейх шел вторым. Сразу за президентом США.

Чуть загодя его секьюрити быстро и взаимоуважительно переговорили с Измайловым, прошлись по залу, комнатам.

А еще более загодя, за три часа до визита, супервайзер Веденский лихорадочно допрашивал Сумарокову, листал принесенные распечатки, но решительно не мог определиться. Ясно пока лишь, что будет не «расстрел офиса в стиле 1990-х». Благодарственный, во всяком случае, визит. Помощник Ильи Евсеевича, учитывая сменный характер работы Колл-центра, попросил обеспечить, отдельно подтвердить присутствие миссионера Сумароковой.

Выходило так, что затея с чтением Пастернака и тестирующими стихами удалась, но каким именно образом, супервайзеру было совершенно непонятно! А ведь очень не хотелось, когда приедет Лейх, тупо простоять рядом, важно кивая на манер членов когдатощного Политбюро, полагаясь лишь на эту нахалку, растиньячку.

— Сумарокова, что это? Говорила, она какую-то книжку написала.

— Это и есть. Рукопись, распечатка. Две недели она... по моему заданию, — тут Сумарокова словесно обозначила подчеркивание, курсив, жирный шрифт, — по моему заданию читала стихи Бориса Пастернака и писала свои. Так сказать «с погружением». Написала вот 23 стихотворения. Илья Евсеевич, наверно, издаст в течение месяца, вряд ли быстрее — качественная полиграфия требует много времени. Глянец, золотой обрез. Можно и суперобложку.

— Сумарокова, ты смеешься?

— Я? 23 стихотворения, может, для поэтической книги и маловато, но ведь всегда выход — фотографиями добить. Название, зато красивое. — Сумарокова элегантно протянула руку к лежащей у супервайзера стопе и отлистала назад...

— «*Кузина моя жизнь*», — протянула она, как в школе раньше требовали: «с выражением», но опять-таки непонятно — с каким? Радуетса успеху? Предвкушает награду? Издевается? Над своей чудящей олигархией или еще и над ним, супервайзером?

До назначенного времени Визита оставалось сорок минут. Лев Фомич предпринял еще усилие вчитаться, вычислить из набора этих стишков траекторию предстоящего разговора и, возможно, последующих... Если получится открыть отделение ЦРС в Ханты-Мансийске, прелат-директором ставить надо своего. На открытие можно попробовать и самого преподобного пригласить. И Хизинг будет ни при чем... Ханты-Мансийск. Эх, не замечтайся! Пока все еще... Так что же с этими пастерначками? Боже, от какой ерунды порою зависят великие шаги!

— *...И рвется приводной ремень, и долгие века длится день!* Это она чего?

— Лев Фомич! Это называется: центонная поэзия. Как и было задано, Анна оперирует пастернаковскими цитатами, обыгрывает фрагменты, создавая вокруг них поле нового, своего лирического настроения (зачитала заученными университетскими ин-

тонациями). А насчет приводного ремня, самый раз — эмоушенэл рескью, эмоциональное освобождение, что и требовалось доказать.

— Допустим, — еще минута лихорадочного листания. — А вот это?... И это?

Бред: супервайзер Колл-центра, уважаемый в Москве, хорошо известный Когнгрегационному совету, ближайший кандидат в директор-прелаты, и... сидит, читает какие-то абсурдные стихи! Барахтался в тягучем бреде, почти не веря, что это он сейчас сканирует взглядом столбцы диких словес.

И пытаюсь зацепиться хоть за какую-нибудь физическую достоверность, Веденский вслух, громко зачитал последние строфы:

Утопить вас — лучшее из действий.
Я кричу: «Считаю до пяти!»
Но говно — не тонет.
Даже в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

— Это, Сумарокова, что вообще такое? Пародия? Центонная? Но э...

Свою обязанность выдать сейчас хоть какую-то оценку ситуации этой бредово возникшей рукописи он ощущал как самую наитягостную...

— Впрочем, Елизавета, последняя строчка, кажется, удачная.

Сумарокова схватила верхнюю из стопы его книг и уже знакомым ему скайп-миссионерским маневром прикрылась. Типа чадры...

А это был, между прочим — «*Протоиерей Александр Шмеман. Дневники. 1973—1983*», издательство Русский путь, 2007 года. Умнейшая книга, кладезь! И предназначена сейчас — лишь прикрывать ухмылку этой нахалки. Второе издание, дополненное, 720 страниц.

— Ну что опять, Сумарокова? Смеешься? — устало, хотя пока только начало дня (Визит назначен на 10-30), спросил Веденский...

А еще совершенно против воли у него мелькнуло словно разрешение старой загадки: «В чем именно — выигрышность чадры?» Будто он и вправду мучился этим. Нет, ну, может, когда-то мельком и думал, а сейчас абсолютно случайно Сумарокова напомнила. Глаза у нее — да! Вытарашенные, но это на общий образ работает. А когда еще лицо скрыто чадрой или вот сейчас... томом протоиерея Александра Шмемана — поверх одни глаза остаются царить. Весьма, весьма подчеркивает... В общем, чадра или повязка доктора ей бы пошла, довела бы сероглазый эффект до убойного градуса.

— Ладно, Сумарокова. Я в стихах — не особо. В Пастернаке тоже. Но это желание утопить приятелей мужа и их жен, это как? Да еще: в чем утопить! Добрый ангел такое надиктовал?

— Лев Фомич, некогда объяснять! Ведь Илья Лейх прямо сейчас едет благодарить нас, вот, может, уже к Неглинке подъезжает. А вы вместо того, чтоб поцеловать ручки своей ми-ми-ми-миссионерке, еще допрашиваете.

И возвращая книгу Шмемана, она жеманно задержала протянутые руки, как для опереточного поцелуя.

Дичь! Дичь-Дичь! Нереальность первого мига, внезапность, дерзкое переступание сразу через пять, семь ступенек теоретически возможных отношений. Словно она вдруг, кроме ручек, протянула под столом еще и свою ножку — выбив из-под супервайзера его кресло!

Целовать ручки он, конечно, не стал, принял и аккуратно положил том «Дневников» мудрого протоиерея и, не зная, чем накрыть растекавшуюся лужу растерянности, отправил миссионершу на ее рабочее место.

Получили Веденский и Хизинг по одинаковой продолговатой бархатной коробочке. «Часы», — не разворачивая определил Лев Фомич, продолжая решать свою теорему. Почему Илья Лейх приехал лично? Ведь это человек такого уровня, что скажи он сейчас: «О, *засиделся тут с вами! Простите, мне еще надо к Суркову заехать!*» — это не выглядело бы неуместным. Может, это оказалось бы даже и неправдой, допустим, в сей конкретный день, но точно не смотрелось бы ни хвастовством, ни наивом. Потому что не в этот, так в другой день он с Сурковым точно встречался и, значит, имел право использовать такое клише, допустим, для завершения переговоров.

Немного мешала, отвлекала давешняя выходка Сумароковой. Она представилась ему сейчас куколкой, дерзко вылезшей из шкафа, из своего классификационного ящичка «Карьеристка». Перешла в наступление? Или, может, он сам виноват? Ведь до протянутых для поцелуя ручек он же отвлекся немного, хоть и секунды, но прикидывал — как Сумароковой пошла бы чадра или маска врача? Мысленно. А она, суперфизиономистка, вдруг это прочитала? Абсолютно невинное, мысленное прикладывание к ней чадры, без последующих гаремных фантазий — но вычитала. Прямо второй экстрасенс у нас в Колл-центре! И протягивание ручек — посчитала эквивалентным ответом на его микрофантазию...

Перед заходом в переговорную с ним и Хизингом Лейх спросил: «А где кабинет миссионера Сумароковой?» — и решительно туда проследовал. Непонятно, чем, как именно он «дал им понять», но начальники сообразили верно, оставшись в коридоре. Однако пробыл Илья Евсеевич там всего три минуты.

В переговорной Лейх был подольше, минут десять вежливо слушал вдохновенного Хизинга и осторожного Веденского, посмотрел экранные презентации, фотоальбомы ЦРС и в выверенный миг вскинув брови вспомнил: «О! Засиделся тут, отвлек! Вам же работать надо! А мне еще к Суркову заехать...» И обрамленный свитой исчез.

А собственно, выводы? Резюме визита? — за всем пришлось обращаться к Сумароковой. Устроилась, ловкачка...

Вошедших Хизинга с Веденским она великодушно успокоила:

— Благодарил. Меня, нас очень, очень благодарил. Теперь саморазрушительные импульсы Анны Петровны, «весь деконструктив» перенаправлены на творчество. И радовался: его, приземленного Илью Евсеевича, она оставляет! С его пошляками бизнес-друзьями, их идиотками-женами! — потом он глубоко вздохнул и пояснил: — Оставляет как необходимый объект вдохновения. Пусть критического, что ж, может, когда-нибудь заслужу и эту, как ее... оду.

— Сублимация, — вынужденно важничая произнес Веденский, но Сумарокова поставить точку ему не позволила. И как только Хизинг вышел, перешла к закреплению успеха.

— Называть можете как хотите, но должны признать: мой метод оправдал себя. Потеснил Борис Пастернак колдуна тихоокеанского. «Кузина моя жизнь» будет издана в течение месяца. На презентацию *мы с вами* — приглашены.

— А что сама Анна Петровна?

— Будет продолжать читать Пастернака. С погружением. У мужа ее позавчера поясницу напрочь скрутило, так, может, за пару месяцев или квартал напишет роман: «Доктор Люмбаго». Тут уж Илья Евсеевич изданием не отделается. Роман экранизацией пахнет.

В другое время Веденский и полюбовался бы, как распирает и заносит его миссионерку, но мелькнувшее и исчезнувшее новое Ханты-Мансийское отделение ЦРС поглощало все его мозговые процессоры. Может, для первого раза нормально?

— Хорошо, Сумарокова. А для общего успокоения на пару бесед мы, наверно, подключим и Серафиму Калугину...

Веденскому показалось, что он вдруг нечаянно наступил на хвост кобры и та взвилась столбиком прямо перед его лицом.

Сумарокова, конечно, привскочила резко, во весь рост, но более всего напугали Веденского распахнутые гневом и злостью чернеющие серые глаза!

— С какого, Лев-ффф...! Нет, с чего это вдруг сюда Калугину! Я все сама выполнила! Я справилась полностью! А теперь, когда успех — вы мне подсовываете эту... Ягу! Думаете, она вас исцелила! Да Кашпировский это полный! Ги-гипнотизерша запенсионная!

И Сумарокова, устав от своей гипервспышки или посчитав, что израсходовала, превысила лимит наглости, отпущенный после сегодняшнего триумфа с Лейхами, присела (сложила раздутый «капюшон») и спросила негромко:

— Это она вас попросила подключить ее к Анне Лейх?

— Все нет, Елизавета Михайловна! Я сам посчитал, что Анне Петровне было бы полезно, так сказать, сбавить обороты, а Серафима Борисовна это умеет. Умиротворять. Вы-то сами уверены, что справитесь с такой подопечной? Ну а как она вправду опять погрузится на месяц, писать роман «Доктор Люмбаго», и надорвется? И весь ваш триумф обернется кошмаром. И муж ее примчится сюда не подарки раздавать, а... — И не зная точно, чем пугнуть миссионерку, что конкретно творят сегодня взбешенные олигархи (все ж не 1990-е!), Веденский продолжил неуверенно: — И положат вас прямо красивым личиком в пол. И как следует надают... по попе, а то и по почкам...

Этот тупичок кабинетной, неуверенной фантазии Сумарокова почувствовала лучше самого супервайзера. Вновь набросила вуалетку вежливости и попытожила:

— Уважаемый Лев Фомич! Я вполне согласна с вашими опасениями. И когда я почувствую какое-то перенапряжение реципиента Анны Петровны Лейх, я немедленно дам вам знать. И вы... тогда, если сочтете нужным, подключите к нашему проекту... кого угодно. Но только в этом случае. И с моего ведома.

Выскочив от взбесившейся кобры, Лев Фомич почти забежал в свой кабинет, плюхнулся в кресло, схватил верхнюю в настольной стопке книгу, открыл на случайной странице и стал читать, первые пять минут не понимая ни слова. Спасительный обряд, медитация, привычка (к чтению) свыше нам дана, замена... Только сбавив обороты, он вернулся к обложке, прочел: «Краткий курс (фальсификации) истории» — и наконец вспомнил, что из этой книги он вчера делал выписки, перетаскивал абзацы в свой «Третий путь»:

Россия — как сухопутная Атлантика.

Долгое время два великих пространства были границами Европы, брали ее «в скобки» с Запада и Востока: Атлантический океан и Россия. Две великие глады моря и суши — в одном были для Европы схожи: нечто огромное, что трудно, но все же можно преодолеть на пути к заветным Индии, Китаю, Островам Пряностей (подсчитано: торговля пряностями давала 800 % дохода! Главный стимул Великих географических открытий!). Напряглись, построили аппараты, прорвавшиеся через Атлантику к Индии. А случайно встреченная Колумбом «фальшьстена», его «фальшь-Индия» оказалась весьма ценным призом.

Россия для этих устремленных тоже была Пространством, неприятным своей величиной. Европейских купцов интересовал транзит в Китай, Индию, их мореплаватели гибли в Баренцевом море в поисках знаменитого «Северо-восточного прохода» к Островам Пряностей. Архангельск, промежуточная стоянка, выкатывал свои товары, но все же... одна каравелла имбиря, корицы, мускатного ореха стоила как пять караванов наших классических «льна, пеньки...».

Для Васко да Гамы (потерял два из четырех кораблей, но на оставшихся, набитых корицей, озолотился!), для Колумба, для Баренца *каждая лишняя миля Атлантики, России была минусом, допространством на пути к цели.*

Папский посланник Антоний Поссевино, его миссия (1581–1582), зондаж возможностей объединения церковей, кончается, разумеется, неудачей, но: «Несмотря на все трудности, которые стоят на пути введения католицизма в России, для достижения этой цели не следует пренебрегать никаким средством, ибо Россия благодаря своему географическому положению предлагает несравненные возможности для распространения христианства в Азии».

Россия — средство! Пусть не Европа, не Азия, но «дорога в Азию»!

Мартин Лютер, памфлет против папы (1520): «Русские и московиты... также являются христианами, а не еретиками потому только, что не дают непрерывно спускать с себя шкуру...» Bravo, Мартин! И еще с протестантского фланга. Губерт Лангет пишет Кальвину, имея в виду Москву: «Если какое-либо царство в Европе должно возрастать, так только это» (сентябрь 1558 года).

Лейбниц: Россия должна быть культурно оценена Европой! Россия станет связующим звеном между Европой и Китаем:

«Поскольку Царь хочет деварваризировать свою страну, он найдет в ней *tabula rasa*, новую землю, которую хотят распахать... Наша обязанность и счастье состоят в том, чтобы, насколько это в нашей власти, способствовать царству Божьему, которое — у меня нет сомнений — заключается в широчайшем распространении настоящей добродетели и мудрости... Одному подобному человеку (*царю Петру*) влить усердие к славе Божьей и совершенствованию людей значит больше, чем победа в сотне сражений (...) Но Петр-то, преимущественно занимался этими „сражениями“. А Лейбниц опасался ослабления протестантской партии из-за поражения шведов (...)»

И от цитат — переход к статье для Бюллетеня ЦРС. Да, мы важны — как дорога в Китай! И прекрасно. Вот оно — подлинное смирение!

Убогая политкорректность в Регистр деноминаций Свенсона—Гелашвили записала конфуцианство как религию, чтоб «не ущемить». А это — НЕ религия!! Это учение, великое, многотрадальное, подготовившее два миллиарда учеников к принятию настоящей религии, и событие это (крещение Китая) будет вторым по важности, после Рождества Христова... ЦРС, опираясь на Россию, совершит этот великий шаг.

С таким «приданным», можно и к патриарху на разговор, Ваше, мол...

— Так, Сумарокова... — Испуганной миссионерке сразу стала ясна половина предстоящей беседы, как только шеф-секьюрити Измайлов закрыл за собой дверь и каменным гостем двинулся к ее столу. — Ты выключи, выключи свой матюгальник. Секретов особых не будет, но и, как их... душеполезных радостных вестей они, — кивнул на экран, — тоже не услышат.

— Паж-жалуйста, могу и выключить! — Пожала плечами, мобилизуя все резервы храбрости.

Измайлов медленно оглядел кабинет, рабочий стол и вдруг присел на его уголок, чуть отодвинув стопу книг, удерживая тяжелым взглядом сверху миссионера от попыток привстать.

— Ты, Сумарокова, чего это Ламина чморить взялась? Раньше еще ладно, шуточки-смешуточки, понятно. А теперь...

— Что теперь?

— Мне-то не крути. Я тебе не Хизинг, вижу прекрасно, ты... — пару секунд выбирал слово потяжелее. Не выбрал, но легче Лизе от этого не стало, — ты ведь и сама знаешь, что я тебя — наскрозь. А Ламин, конечно, парень с психикой неустойчивой...

— Хорош себе парень, тридцать пять лет!

— Не... перебивай. — Навис над ней всей сотней килограммов, ментовско-зэковским тяжелым проникающим взглядом. — Думаешь, опустишь его еще пару раз при всех — сорвется чаморный, сбежит, уволится. Как раньше, из фонда того! Кар...

— ...из Карнаби. — Шеф-секьюрити так властно щелкнул интонацией, паузой, что Сумарокова, как по обязанности, подсказала, только что по стойке «смирно» не привстала, и то из-за нависшего Измайлова.

— Вот. Все ты знаешь, досе собрала, — дополнительно уличил шеф-секьюрити, — Думаешь, значит, убежит наш Гера, а за ним и... Серафима Калугина уйдет. Ее телеканал вести — тебе, старшему скайп-миссионеру. И эту Анну Лейх дооучивать — тоже тебе. А как наш Лев Фомич поднимется в прелат-директоры, то вот и супервайзер готовый! И с американским президентом рядом уже на весь мир нарисовалась, и язычок бойкий, и соображаешь быстро. Да и Веденскому наверняка закидывала тоненького, так? И все в 26 лет! Головокружение от успеха. Да ты подумай, посмотри на себя — ну какой из тебя супервайзер! Ведь людьми руководить надо, а не только играть, интриганить. Пилотка ты... глицериновая.

Последний сленг-эпитет, означавший примерно: «податливость, ситуативное согласие на торговлю телом», происходил из очень суровых мест, но Сумароковой был знаком, тут Измайлов отвесил точно.

— Знаешь, Сумарокова, за что я тебя реально уважал? — Она вскинула взгляд, подобралась, будто сто лет ждала этого вердикта. — Что ты, приехав из таких-то..., одна, без единого родственника в Москве, с такой-то внешностью — а проституткой все ж не стала. Или, скажем... в содержанках не задержалась. Но тварь ты все равно бессердечная! Ум, красоту Бог отмерил — во как щедро! А про остальное, наверно, сама решила: обуза только... Но слушай сюда, запомни, с-с стерва. Геру Ламина — больше не задевать ни пальчиком! Не опускать словесно... «Тетушкин петушок» и все такое — вообще забудь!

По необходимости решил Измайлов на неприлично для него длинный монолог. Но расчет оправдался, бастионы Сумароковой были полуразбиты. И кивком, что он в курсе про краткий содержанский ее период, и общей внезапностью натиска. Ведь Измайлов, честно говоря, нравился ей. Даже более... Особо фантазировать себе не позволяла, но рассчитывала когда-нибудь на каком-нибудь жизненном, служебном повороте выражения к себе встречной симпатии. Сурового в его духе признания, что-то вроде: «Мы, Сумарокова, одного с тобой поля ягода... Среди этих слизняков... Я вот отсидел — вышел без единой наколки, ты тоже, прорвалась из своего Торфобрикета. Сумела». Как-то так примерно... Но Калугина, вип-ведьма старая, и здесь обошла.

— Я — не задевать вашего Геру?! Да он мне сам в прошлом месяце... в любви объяснился!

Она брезгливо пожала плечами, свела брови. Но при том дала понять (средствами выражения эмоций, тонких нюансов Бог ее не обидел), что морщится она не в смысле отрицания любви как чувства. Не такая уж «бессердечная тварь». Но ведь — дистанция! Они с этим... Герой — абсолютно на противоположных концах сеху-шкалы. На разных планетах! Где водятся одни — просто не водятся другие. Так что, наверно, даже сам факт «объяснения в любви» — знающий жизнь Измайлов, едва ли...

— Что, не верите, как ваш Герочка мог рискнуть? Так он и не рискнул. В лицо сказать, конечно, побоялся. По скайпу. Удобно, для всяких таких... — покосилась на каменный утес измайловского лика и решила, что «задевать, чморить Геру» ей запрещено даже заочно. — Удобно, сидим мы весь день в скайпах, иногда советуемся, инфой перебрасываемся. Вот он мне и выкатил. И еще, что я на... Наташу Ростову похожа! То ли из фильма, то ли на иллюстрациях. На которые он, наверно, не один раз... Молчу-молчу-молчу. И, между прочим, все это говорил — в служеб-

ное время, у меня и запись, — невинным таким тоном, — где-то осталась, не помню точно, надо будет поискать на домашнем винчестере...

— Поищи-поищи. Отправь хоть Хизингу, хоть в саму Пасадену. Что выйдет, сама знаешь. Порожняк. Выговорешник для Геры даже полезен будет, надо его потихоньку обтачивать... Ты, главное, про себя и для себя сейчас усвой. — Он придвинулся еще ближе, осторожно взял двумя пальцами ее за фирменный скайп-миссионерский галстучек с вышивкой «CRC». Тут Сумарокова и совсем рухнула: «Придушит?»

Но Измайлов вдруг защипнутым кончиком, почти нежно, провел... ей под носиком туда-сюда, вправо-влево. Наверно, так отцы вытирают сопельки своим дочкам, мелькнуло вдруг у полусироты Сумароковой вместе с навалившейся, совершенно непонятного происхождения тяжестью и слабостью. Какую-то секунду показала себе оплывающей свечкой. Что она сейчас заплачет, заснет или даже уже плачет и спит.

— Так усвой, Лизанька, про себя и для себя. С Герой ты теперь говоришь исключительно ровно, без твоего юмора и цинизма, без подначек, не выставляя его перед другими. Чтоб он не сорвался из нашего богоспасаемого Колл-центра...

Тут Сумарокова, словно из последних сил борясь с наплывающей и застывающей на руках, плечах, груди парафиновой тяжестью, оттолкнулась, немножко отъехала на кресле из-под нависавшего Измайлова и, наконец, собрав силы, приподнялась.

— Так, может, мне вашему Гере, чтоб он не сорвался отсюда, еще и — дать, раз за два или три?!

— Ну, Сумарокова! Смотри. Я сейчас тебя за язык не тянул!

Тяжелыми зэковскими интонациями заслоня надежду, что это все шутка, Измайлов словно отмерил: так, на сегодня мой «мент», «работник правоохранительных органов» выключился. Остался только...

— Ой! Это кто ж тут нашу злую и такую красивую девочку обижает! — В кабинет Сумароковой вошли Серафима Калугина и чуть сзади — Гера Ламин.

— Ах, Измайлов, громила эдакий, посмотри, что устроил! — И своими легкими шагами Серафима подошла к Лизе, выхваченным на ходу, кажется, из рукава платочком оттерла блестящие дорожки на пухлых щеках миссионера.

— А ты, Лиз, ну кого ты испугалась, глупенькая! Ай! Только представить: работать с самим Веденским — и бояться Павла Ивановича! Вот же глупенькая.

Это уже точно было — слишком! Минуту назад ей отечески вытирал носик каменный шеф-секьюрити. А еще пару часов тому — она чуть не вцепилась в горло своему супервайзеру Веденскому. А еще отмотать три часа, сюда к ней со своей далекой верхней (высокоэнергетической) электронной орбиты заскочил сам Илья Лейх и, почти приобняв ее, преданно заглядывал в глазок веб-камеры, чтобы нарисоваться им вместе — пред очами своей невероятной супруги, сочинившей за две недели «Кузину мою жизнь»... И безмерно усталая Сумарокова опустила в свое кресло, на котором обычно, ошеломляя дозвонившихся, так лихо разъезжала до книжных стеллажей и обратно.

Бог посылает нам испытания по нашим силам? Получила (огребла) их сегодня неумная Сумарокова, но ведь и телок-переросток, тетушкин петушок Гера Ламин тоже получил и, кажется, даже выдержал испытание в масштабе своих силенок. Увидеть скалоподобного Измайлова, грозно распахнувшего дверь кабинета Лизы и столь же свинцово-тяжко затворившего ее за собой. Влюбленным сердцем догадаться об угрозе, нависшей над объектом чувств. И главное же... Зная единственного человека, взглядом смирявшего шефа-секьюрити, не постесняться позвать его на помощь, хотя это и еще плюс двести баллов для будущих издевок. Ведь

действительно смешно: вот так войти вдвоем, более того — войти вторым, следом, выглядывая из-за плеча. Тетушкин петушок. Пусть.

Тяжелый для всех день закончился под приглушенное бормотание ночной смены. Пройдя через затихающий улей мимо кабинок уполовиненного миссионерского состава, вслушивающегося в вопросы и всхлипы из других часовых поясов, от бессонных москвичей, Измайлов с Серафимой вышли в лифтовый холл. Падение в бесшумной клетке до минус второго этажа, паркинг. Стон усталости издавала, кажется, каждая клеточка Серафимы, так что Измайлов, и не помышляя ни о каких ухаживаниях, «победах», осторожно усадил ее на заднее сиденье своего «гелендвагена» и лишь поглядывал в зеркало, закладывая виражи на пунктирных стежках Трубной площади...

— Странно, Серафима Борисовна, представляете, первое, что я узнал о вас, это то что у вас есть картина Айвазовского и вы планировали ее продать, но она оказалась подделкой.

— Вот как?

— Веденский поручил мне навести справки, пробить некоторых знатоков, экспертов. И выяснилось, да, собираетесь продать. А потом уже завертелось все дело с нашим приглашением.

— Да, Павел, дивно приключилось. Пристраивала всю жизнь своего племянничка, а теперь вышло, что он меня пристроил, — устало усмехнулась Серафима и, кажется, задремала.

Но когда Измайлов, в очередной раз отвлекшись от московского поздневечернего трафика, сначала потянулся к зеркалу, а потом и обернулся, то увидел, что Серафима не спит, а вглядываясь в подсвеченную высотку на Смоленской площади, что-то шепчет, считает или просто шевелит губами.

— Серафима Борисовна, а к чему вы сегодня сказали Лизке, когда слезы ей вытирали. Что дескать, глупая она, если работая с Веденским — боится меня.

— Сказала.

— Ведь не в том смысле меня она может не бояться, что Веденский ее прикроет... от меня. А я так понял, вы имели ввиду, что Веденский будет пострашней меня.

— Ага, громила, правильно понял. А ты чего? Обидки взяли, что есть и пострашней тебя?

Засмеялись в унисон.

— Нет, Серафима Борисовна, я правда так рад! Хоть вы-то меня поняли. Знаете, я ведь ко всей их религиозной банде да и... простите к экстрасенсам очень нейтрально отношусь. Думать даже об этом не хочу.

— То есть не веришь?

— Да как сказать... Ярлыков тут понаклеили. Но вот что вы меня порой просто наскрозь видите, это я чувствую, просто знаю. А экстра — это не экстра, мне как-то неважно совсем. И как про мою судимость мне же и рассказали, и сейчас, что я не страшней Веденского. Вы просто... изумительного... душевного дара женщина, а что вас экстрасенсом назвали...

— Мне это слово тоже очень не нравится.

— Эта экстра, я так понимаю, следствие, дым над огнем. А все так не любят, боются смотреть на причину, и заслоняются болтовней всякой...

Еще раз заговорить о себе, даже просто как об объекте ее духовного всевидения, было неудобно. Измайлов вспомнил о второй точке сегодняшнего сравнения.

— А Веденский-то чем таким страшен? Говорите разглядели... что он притворялся чахоточным? Так он, по-моему, и правда верил, ему и доктора диагнозы ставили. Он и мне говорил...

— А что ты о нем еще знаешь? — перебила Серафима.

— Ну... на работу они меня с Хизингом взяли, спасибо им, конечно, не знаю, кому из них больше. Колл-центр Фомич так наладил, поднял. Хизинг на него всю практику скинул, доверяет. И в Духовной академии когда-то учился, два с половиной года.

— Выгнали?

— Непонятно, но скорее да, выгнали. Митрополит один приезжал, беседовал, и про Веденского сказал: «Наполеон! Ему б не в Духовной — в Академии Генштаба учиться!» Может, имел в виду гордыню? У них там не любят этого дела. Любое дело подводят: «А, гордыня!» — и привет.

— О, приехали! Спасибо, Паша.

Встрепенулась, из «гелендвагена» вышла почти бодро, может, давая понять, что провожать до дверей квартиры не требуется.

10. Тяжелый хлеб, горькое вино

— Скажите! Спаситель воскресил Лазаря, своей волей, так?

— Как к вам можно обращаться?

— Настя, но это не важно! Вы лучше скажите, ведь и умер он, Лазарь, перед этим по Божьей воле?! И потом, после воскресения, ему ведь пришлось умирать еще раз, так?

Сбивающийся, но звонкий голосок и такой запальчивый тон, что в Колл-центре составила целая конференция. Гибкие технические возможности позволяли к разговору подключаться, если они были «on-line», на линии, и супервайзеру и даже прелат-директору Хизингу. Причем они могли выбирать: или звучать только в наушниках миссионера, давать ему советы, или включаться полностью, так, чтоб слышал и обратившийся.

Появление в Колл-центре Серафимы и сложившаяся практика подключений усложнила набор возможных форматов конференции почти до безумия, до сетевой шизофрении. Начальники общались меж собой, советуясь по сложившемуся направлению разговора, стоит ли его выносить на телепередачу Калугиной. Следили не проявляясь или вдруг подключались — вместе или порознь — к одному (миссионеру), к другой (Серафиме), к обоим сразу. «Эффект присутствия», экспромт, драматургия передачи порой зашкаливали. Варианты подключений тоже дробились на опции: видео/аудио. Видео требовало большего градуса включенности, морального напряжения, приведения себя в порядок, галстучка с вышивкой «CRC», а у супервайзера и прелат-директора был еще длинный список обязанностей, и они предпочитали оставаться закадровым «гласом с небес».

Разговор мог начать дрейфовать в сторону конфликта, угрозы миссионеру, всему Колл-центру, Церкви. В этом случае миссионер набирал комбинацию из трех клавиш, и вся видеоконференция вываливалась на компьютер шефа-секьюрити, с уведомлением на его сотовый. Он возле экрана торчать не обязан, но по сигналу «тревожной кнопки» должен был подключиться в течение 15 секунд, максимум 25. Должен был вникнуть в характер конфликта, поведения обратившегося и сделать вывод о степени серьезности. А уж все последующие действия шефа-секьюрити как раз и должны быть «off-line»: связаться, обсудить с полицией, охранять миссионера своими силами.

Вообще-то формат Измайлова назывался «пассивное подключение», но видеовыевшие его установщики компьютерной сети, тем более пользователи-миссионеры, знакомые еще и с его биографией, не рисковали произнести правильный термин.

— Настя, вы только, пожалуйста, не волнуй...

— ...ведь если Лазарю пришлось дважды... Умирать — это самое ведь тяжелое в жизни, да? И еще раз, так?

— Ох уж эти русские мальчики, — литературоведчески вздохнул Хизинг, отложив томик «Рассказы» Чехова и поворачиваясь к монитору.

— Это, между прочим, девушка позвонила, — машинально, негнуцимися губамиотреагировал супервайзер Веденский.

— Понимаете, мне пришлось видеть агонию! До самого конца. Папину... Я не могла отойти, я должна была сделать еще укол, десять миллиграмм, ровно через час после предыдущего, раньше, сказали, нельзя. А прошло только тридцать девять минут...

— Настя, я вас прекрасно понимаю, но вы...

— Ерунду вы понимаете! Я же вас сейчас про Лазаря спрашиваю. Что это значит, если заставить дважды умирать...

На экране измайловского монитора Гера Ламин протирает пальцами лоб, сбиваясь на совсем уже маловразумительные цитаты.

— Молоко давать надо за вредность, — вздохнул Измайлов, — и год за два считать. За три.

Хотя и не было никакого нажатия «тревожной кнопки», шеф-секьюрити включился. Системного администратора он недавно попросил сделать ему отдельное, дополнительное оповещение, когда религиозно-конфессионально-богословская распасовка переводила запрос на Геру Ламина. Тот для Измайлова, по сути, весь был большой «тревожной кнопкой».

Во-первых... Серафима чаще всего подключалась именно к беседам миссионера Ламина. Естественно, кому помогать, как не племяннику? Но очень уж она сердцем вошла в этот бесконечный поток. Насколько ее хватит? Закрывать, ко всем чертям, обесточить, обезинтернетить этот Колл-центр, но... он видел, что такая кошмарная «работа» ей почему-то нужна.

Это те телеэкстрасенсы могут в своих «битвах» нести околесицу, «давать установки», отыскивать потерянные часики, убежавших кошек, а она, как Измайлов невнятно для себя объяснил — она итожит свою жизнь, как бы выслуживает прощение. У кого?! В монастырях, это кажется, называется — послушание. Ее-то сюда привели не телережиссеры... жизнь. Совесть. Да, и племянничек.

Сколь ни далек был Измайлов от существа работы Колл-центра, бесед, своих охраняемых подопечных — однако постепенно въехал, что Гера-то попал на самый морально надрывный участок работы. Те-о-ди-цея, теодицея, словечко-то! Нет, в общем, слово как слово, годится и для женского имени, но стоит за ним... Измайлов еще раз раскрыл книжку из ряда бывших ранее лишь строем корешков на полках подопечных миссионеров: *Theodicea* — богооправдание греч. θεός, «бог, божество» + греч. δική, «право, справедливость») — совокупность религиозно-философских доктрин, призванных оправдать управление Вселенной добрым Божеством, несмотря на наличие зла в мире.

То есть кому-то из миссионеров выпало тарабанить догматы, уточнять списки таинств, ну в крайнем случае отбиваться от истеричек-феминисток по поводу ущемления прав женщин при назначении на церковные должности, а на кого-то, по-ди ж ты, вываливают все «зло мира».

Сегодня, когда Серафима переключив на свою программу, утешала эту... Настю (вот тоже дурица! Отец родной умер, а она взъелась за какого-то Лазаря) и пульс беседы потихоньку выравнивался, он, Измайлов, в упор видел, как Серафима в своем интернет-эфире, *оправдывая управление Вселенной добрым Божеством, несмотря на...* рвет свою душу. И почему-то именно в тот день, с «дважды умиравшим Лазарем», Измайлов вдруг прочуял, что он сможет вытащить Серафиму из этой ямы. Единственным и решающим условием было увести ее так, как она сама себе разрешит уйти. Совпасть с поворотом ее диковинного душевного маршрута.

Решит ли она, что *оправдать* такое управление Вселенной все равно невозможно, или, наоборот, что все давно уже *оправдано* — Измайлову было неважно. Главное, он вдруг почувствовал, что сможет попасть на эту ее внутреннюю карту, лодию, стать если и не вровень со всякими *теодицеями*, божественными знаками — то вполне различимым дорожным знаком, указателем, которому она может последовать. Психотерапевты, которым бесплатный Колл-центр изрядно подсократил «рынок», назвали бы это надежда на ответное чувство.

А еще жизнью немало битый Измайлов раньше многих почувствовал: некие трещины побежали по монолиту Колл-центра, Московской ЦРС. Еще полгода назад он, после своих ВВ, судимости, «ходки», считал должность шефа-секьюрити подарком Судьбы на старости лет. А если б он был краснобаем, вроде охраняемых миссионеров, то назвал бы еще торжественней: Последним Подарком Судьбы... Вот и правильно, что не краснобай, что не назвал «Последним» — теперь встретил Серафиму. А Колл-центр получается, был... Предпоследним... А более Подарков он уж точно не желал. Уяснил жизнь, измерил наконец свое «водоизмещение» и, главное, впервые, с самых курсантских лет, еще с Ростовского военного училища внутренних войск МВД СССР, впервые остался совершенно доволен. Этим «замером водоизмещения», планами на оставшиеся годы, судьбой вообще...

Измайлов вышел в зал, оглядел свой гудящий улей, миссионерские затылки и макушки в нимбах наушников и, переведя телефон на виброрежим, пошел в Комнату релаксации. Против собственных ожиданий ему понравилась эта американская, где-то в Калифорнии запатентованная прихожанином ЦРС электронная примочка.

Большая, метров 35 безоконная комната, круг мягких кресел с подголовниками, тихая, ласковая электронная музыка — это еще так-сяк, банальщина. Но сверх того для психологической поддержки вымотанных миссионеров было придумано небольшое светопредставление. Так и было написано в поясняющем буклете. Литера «д» должна была отделять фирменное запатентованное высокотехнологичное шоу «День-Ночь-Утро» от светопредставления («конца света»). Какие-то датчики вроде как разгадывали электромагнитные импульсы утомленных мозгов и выдавали на стены картины: море, холмы, клеверные поляны или плывущие абстракции, цветочные пятна. Что там они, датчики, разгадывали, недоказуемо, но общий уровень активности мозга как-то улавливали: вспышки мысли меняли картинку. Ноу-хау, наверно, состояло и в том, что никаких шлемофонов с проводами, как в репортажах из лабораторий, не было. Датчики сидели в подголовниках кресел. Поднятие, удаление затылка тоже меняло картину. Расположение кресел — как у рыцарей Круглого стола, но с противоположным знаком, смотрят не друг на друга, а на свой участок стены. Это все — «День» цветоэлектромагнитной сюиты, примерно три минуты. Потом в синхрон снижающейся активности мозговых импульсов яркость картинок, освещенность снижались, на потолке загоралась модель звездного неба, точная для данной широты. И далее после двух минут полной тишины и темноты (гасли и созвездия московского неба) — рассвет под вагнеровскую увертюру к «Лоэнгрина», там где скрипки постепенно проникают как радиация.

И готовя миссионера к возвращению в строй, экран заполнялся строками из Библии, в основном притчами Соломона, цитатами известных проповедников, половицами.

Среди выбранных изречений с поправкой на данную страну, подобно звездной карте, рассчитанной на московское небо, Измайлову запомнилось грозное: «*Не играй своим Спасением. Игнатий Брянчанинов*».

Что Комната релаксации была дорогой игрушкой, миссионеры понимали. Патентованная, разрекламированная калифорнийская «примочка» вполне могла стоить и чистые копейки, но 35 квадратных метров офисной площади, в центре Москвы —

это да. Пользовались только они, спускавшиеся с 12-го этажа работники отделения ЦРС, изредка — гости Хизинга.

Сильно в последнее время уставшая Сумарокова выбирала и весь свой лимит в Комнате релаксации да еще дорогу домой превращала в некое подобие: брала такси, плюхалась на заднее сиденье, надевала вторые за день наушники — и под электронное мурлыканье непритворно засыпала. «Логистически» устроилась она неплохо: арендованная «однушка на Алтушке» (Алтуфьевское шоссе), хотя и упоминалась в раздраженно-недовольной речи супервайзеру Веденскому, имела удобство: 35 минут в метро и без пересадок до «Цветного бульвара». Утром, всегда упругая и полная планов, она прыгала в метро, экономя на пробках время и деньги. Но вечером она все чаще садилась в такси и задремывала, жалея уходящую молодость, страшая за пока державшуюся красоту. Надеясь, что если ей не придумается, то хотя бы придремлет, приснится блестящий и наконец победный ход в ее партии. Но единственное, что придремывалось, это понимание: У тебя, Лизушка, не партия — а сеанс одновременной игры... и она в полудреме пересчитывала «доски». Веденский, Измайлов, Серафима, Кудрявцева, Анна, Илья Евсеевич Лейх. Союзников не было по определению, просто некоторые партии и «соперники» были очень просты, а то и вовсе норовили перейти на «поддавки». Это воздыхатели: Аркаша, Гера Ламин, теперь еще и Вашенин... Беззлобный, но ужасно неопределенный Хизинг явно не прочь пошалить в периоды возвращения семьи в Бостон, но все никак не досочинит подходящую «ролевую игру»: предложить мне всех трех сестер или только Ирину? Нину Заречную? Запас нерешительной неспешности таков, что, кажется, можно спокойно ждать, когда впору будут Аркадина или Раневская...

С момента героического материнского десанта в Москву Лизе везло. Колл-центр, при всех нараставших моральных тяготах «консультирования», интриганства, был в числе наиболее высокооплачиваемых мест.

Везением был и случай двухмесячной давности, когда ее, полуспящую, сговорившись с двумя подельниками, чертов частник завез в глухой закуток промзоны за Алтуфьевской эстакадой. Неизвестно, какой именно реакции ожидали насильники (и грабители?), но она, вскинувшись и выхватив слезоточивый баллончик, заорала так громко, таким благим матом, такой пожарной сиреной, что *эти* дали ей убежать.

После того случая Лиза разрешает Аркадию сопровождать: он торчит на переднем сиденье гордым Рэксом, не развлекаемый даже беседой, провожает до дверей... и все.

11. Учет и контроль

— Как к вам обращаться? Петр Степанович? Очень хорошо, а меня зовут Сергей. Итак, Петр Степанович, вы считаете проблемой свое коммунистическое воспитание — или материализм в целом как таковой? Понимаете, Петр Степанович, упомянутая вами фраза, как вы выразились, манифест материализма: «Человек есть то, что он ест», в действительности не может отягощать ваше партийное прошлое. Вы говорите, что давнее ваше членство в КПСС, отголоски материалистического мировоззрения смущают вас лично, провоцируют споры с супругой. Ваша супруга посещает православный храм, я правильно вас понял? Хочет приобщить вас, но вы...

Пауза. Миссионер Сергей Метрохин слушал или просто давал выговориться человеку сложной судьбы (самоаттестация Петра Степановича). Ловкий казуистический финт в голове Метрохина уже вполне сложился, и под бормотание клиента он вытаскивал Яндексом довершающие справки. Итак.

— Въевшаяся, как вы говорите, фраза «Человек есть то, что он ест» не должна вас смущать, ибо не имеет отношения к научному коммунизму, на котором вы были

воспитаны. В действительности «Человек есть то, что он ест» — фрагмент рецензии немецкого философа Людвиг Андреаса Фейербаха (1804—1872) на книгу немецкого «вульгарного материалиста» Якоба Молешотта (1822—1893)... Припоминаете, Петр Степанович? У них — вульгарный, у вас научный! Две, как говорится, большие разницы. И если хорошенько вспомните, ваш «диамат», диалектический материализм беспощадно критиковал ошибки вульгарных. Так что будьте спокойны, дорогой Петр Степанович, вы же состояли в КПСС, а не в партии Молешотта и Бюхнера... Уф-ф, долдон.

Последние два слова были произнесены после опускания трубки беспокойным экс-коммунистом.

— Да. Ловко распасовал, — вздохнул Измайлов, — Вот только чаще все же Человек есть то, что он ел часов пять назад.

Присевшие на соседний диван миссионеры Незванов и Сумарокова дружно прыснули, затряслись, расплескивая кипяток в кружках.

Стопроцентно компьютеризированный характер работы миссионеров доводил идею «учета и контроля» до предела, немыслимого для большинства других профессий. Пара «кликов» — и статистика по каждому вытягивалась на экран или в распечатку: количество принятых вызовов, время (до секунд!) проведенных бесед. И не только посещение Зала Релаксации (11 минут, раз в день) — простое арифметическое вычитание из времени «он-лайн» (непосредственная деятельность, наушники-микрофон включены, взгляд на мониторе), из 8-часового рабочего дня позволяло так же досекундно высчитать время всех по-старорежимному — «перекуров», то есть отлучек, туалетов, выходов в коридор. Достижение этой суммы уровня 22 минут/день отправляло сотрудника в «красную зону».

— Конвейер Форда, потогонная система Тэйлора, — ворчал, проходя в туалет, миссионер Георгий Петрович Гальцин, из тех, кто постарше и помнил что-то из курса политэкономии.

— Мочегонная, — то ли сочувственно соглашался, то ли уточнял Измайлов. Он понимал, что на тысячах других рабочих мест «пашут» больше и дольше и получают меньше, чем в Колл-центре, но этот посекундный тотальный учет да и вся утешительно-просветительная служба, моральная сторона этих полурелигиозных консультаций весьма тяжелы для национального характера.

Большинство миссионеров, а Аркадий Незванов и Лиза Сумарокова особенно, любили эти минуты (подсчитываемые) выходов в холл, плюханье на диванчики... и реплики каменнолицего шефа-секьюрити. Между собой называли их снисходительно-насмешливо, порой восхищенно: «Измайлики». Спасительную отдушину чувствовали в общении с бывшим солдафоном и бывшим зэком в одном флаконе. Хорошая порция казарменного юмора и лагерной философии — вот что требовалось после тягостного листания и зачитывания догматов и постулатов.

— ...Но ваше предложение, Гурий Абрамович, о включении в современный религиозный контекст сочинений философа Ницше встретит обоснованные возражения на всех уровнях, от онтологического до даже примитивно-бытового.

Это Светлана Кудрявцева отработывала по «рацпредложению» некоего Гурия Абрамовича, жителя города Серпухова, представившегося потенциальным адептом ЦРС. Контингент, понятно, руководством особо ценимый. Однако этот *потенциальный* неверно истолковывал линию интеллектуального синкретизма ЦРС, позволившую причислить к сонму «учителей мудрости» не только философа Канта, но даже и Вольтера с Гельвецием. Требовал причем в качестве предварительного (наглец!) условия своего присоединения к ЦРС подобного же отношения и к Фридриху Ницше.

— ...Вы говорите, Гурий Абрамович, о важности нищенского Культа сверхчеловека? Я правильно вас поняла? Что именно сегодня подлинный, нелицемерный гуманизм — его лозунг «Падающего — толкни!»? Но знаете, Гурий Абрамович, некоторые обстоятельства жизни предлагаемого вами «учителя мудрости» могут серьезно подорвать облик всего Сонма учителей мудрости, всей ЦРС, да, наверно, и любой деноминации, что рискнула бы принять Ницше в ряды авторитетов. Особенно последние его годы, вы, наверно, в курсе... помрачение ума, клиника... принимал медбрата за канцлера Бисмарка, ругался, пил из сапога собственную мочу! Предлагаемый вами учитель истинного гуманизма вызовет, возможно...

Измайлов, кивнув Аркадию на ноутбук, транслировавший духовно-интеллектуальный поединок миссионера Кудрявцевой с серпуховским нищенцем, вопросительно поднял бровь. Аркадий из-за соседнего столика энергично и утвердительно кивал, мол, правда насчет клиники, медбрата, сапога... и всего прочего.

— О-о! — протянул Измайлов, — А то я все слышал: Ницше, Ницше, да не знал толком. Объяснили, вишь. Ну супермена-то видно сразу, по полету... Пьющего — подтолкни. Чтоб расплескал из сапога... Все четко, *чиста по-человечески*. Гуманизм конкретный.

Полухохот Незванова с Сумароковой, вышедшего на оживление в холле Гальцины, притормозившего со щеткой Гены Кортеса. Оказалось, «тупой», но формально правильный перевод всем порядком надоевшего нищевского «сверхчеловека» — в *супермена*, зримо встававшего в своем голубом трико, маске, черном плаще... спасал изнемогавших миссионеров!

— У меня вчера тоже упертая была, — Незванов отодвинул чайную кружку, пытаясь, кроме Сумароковой, привлечь внимание и шефа-секьюрити — Пишет свой собственный энциклопедический словарь. Альтернативный, что ли? Дошла до буквы «Е» и остановилась на десять месяцев. Требуется от меня, чтоб я объяснил ей причину задержки... Семьдесят два года, писать его начала, говорит, в сорок четыре. И прикинь... опасается, что не успеет дойти до своего любимого «Экзистенциализма»! Именно, говорит, из-за него она вообще взялась за это дело. А десяток буковок перескочить, это я ей по-простому предлагал, тоже *чиста по-человечески*, сочувствуя — она, представь, не может! Интеллектуальная ответственность, весь кодекс ее правил не позволяют перескакивать, это будет, дескать, уже не энциклопедический словарь. Якобы и французские энциклопедисты с нашими цээрэсными Гельвецием, Дидро не перескакивали, шли подряд. Этого я не нашел где проверить, а, Лиз? Ты не в курсах?

— Нет. Спроси Геру.

— О'кей... А так, по всем остальным разговорам — абсолютно адекватная бабулька, умные вещи задвигает. Завещает свой словарь нашей московской ЦРС с пожеланием, если не успеет — нам продолжить. Грозится на днях прийти принести копию. Она-де продолжит штурмовать эту, букву «Е», а копия чтоб лежала на всякий случай у нас... Ужас.

Рассказывал Незванов, обращаясь к Сумароковой, но так, чтоб слышал и Измайлов. С расчетом на выдачу очередного «измайлика», а к стати, может, и вполне дельного совета. Авторы различных проектов: единых всеконтинентальных Церквей, проектов мировых гармонических укладов, общепланетных Кодексов, в общем, всяких социальных перпетуум-мобиле, нередко навевались в ЦРС лично. Предлагали купить, но чаще дарили раскопанные или таинственно унаследованные реликвии. Электронное кадило (сработано одним воронежцем по технологии электронных сигарет). И для бесед с *этими* всегда выделяли тех миссионеров, кто «вел» их в режиме он-лайн, то бишь консультировал телефонно, интернетно — и не сумел отговорить от идеи заявиться сюда лично. Два стеллажа Хизинг в своем кабинете отвел под своеобразный музей приносимых ходочами рефератов и артефак-

тов, если те были достаточно интересны и приемлемы по размерам. В принципе, как он объяснял гостям и пасаденскому начальству — это тоже своеобразное свидетельство популярности ЦРС, включенности ее в контекст российской жизни. Стояла там, на третьей полке, и одна скульптура, копия очень известного, даже самого в мире известного шедевра, выполненного из самого неизвестного материала... Так что место для альтернативного Энциклопедического словаря, доведенного до буквы «Е», возможно, нашлось бы...

Но Измайлов на неявный запрос Аркадия не откликнулся — переключился и всматривался в ход очередного сеанса, свалившегося на Геру Ламина. Лимит их «перекурного» времени давно вышел, и Аркадий с Сумароковой, взяв кружки с подостывшим кипятком (чай плохо заварится), пошли к своим кабинетам.

— Аркаш, ты скажи ей, что новые правила орфографии допускают самые старые транскрипции и сейчас можно писать «Екзистенциализм». Пусть шурует.

Аркадий «заценил» юмор:

— Лиз, «измайлика» я сегодня не получил, зато... Назову это — «сумарлик»!

— Оки-доки! — Сумарокова скрылась в своем кабинете, погрустневший Аркадий пошел к своим клиентам-пациентам.

После сеанса, окончания которого ждал Измайлов, в коридор выполз Гера Ламин и через полминуты Серафима Борисовна.

— Нет, у нас, конечно, самый широкий религиозный базис, но ведь не сатанисты мы все ж!

— Че, Гер, досталось? Я смотрел. Но ты молодец, хорошо держался.

— Да, Павел Иванович? — ободрился скайп-миссионер, главный по Теодицее.

— И о причинах войн хорошо сказал, от сердца, — подключилась Серафима.

— Нет, но начало-то было самое обычное. Почему убийства, почему от голода умирают, когда по божией воле родились. А потом как они пошли, хором...

Видеоконференция была у Геры — из сложнейших. Коллективное обращение, целый старший класс московской гимназии. Веб-камера захватывала человек 8–9, но по голосам, возмущенному ору похоже — весь класс. Инструкция ЦРС обязывает на коллективные обращения отвечать предельно тщательно, да и так понятно: целый клин ломится во врата церкви.

— ...И потом от убийств — на всю убогость, мировую скверну. Вот зачем, например, мирозданию комары, слепни, моль, глисты?! Что, без них у Всемогущего картинка не получалась?

— Чего-чего, Гер? Ты извини, меня в тот момент пара весельчаков отвлекла со своим Ницше, мочой из сапога... Чего, говоришь, эти гимназисты насчет слепней?

Но у вымотанного Ламина не было сил повторить всю канву покушения гимназистов на его теодицею. Он склонился к измайловскому компьютеру, нашел файл записи видеочата, чуть промотал и повернул экран.

Серафима хоть и участвовала по мере сил в этом духовном ристалище, но не удержалась, опять начала всматриваться в лица гимназических богоборцев.

Плечи их соприкасались, головы тоже были рядом — иначе экран не фокусировал. Выслушали список претензий, ответы Геры, еще претензии... Что за мир им вручают?! Зло смеялись над Герой. Но и смеясь, Геру они не отпускали. И он ни в коем случае не имел права прервать затянувшийся сеанс... Уфф.

— Контрольную за четверть они, что ли, провалили?... — вставил Измайлов. — Паскудники! Корытники избалованные!

В странной для абсолютно сдержанного Измайлова вспышке виноваты, возможно, были не только лоботрясы-гимназисты, а и вся его тяжкая работа последних не-

дель... Серафима, отстранившись, самую чуточку отклонив голову, смотрела уже не на «хор паскудных корытников», а только на дышащего усталым гневом Измайлова и словно пробовала послать ему знак.

Сработало, нет — неизвестно, но на очередном наборе воздуха он вдруг сменил гнев... нет, не на милость, на крайнее удивление, какое-то изумление. Беспомощно посмотрел на Серафиму, даже на Геру, словно ища и у него (Он! — у Него!) защиты, теодицеи.

— Видать, мне уже не понять. Это что ж? Весь мир... но если с комарами не принимают!? Это как это? — Удивленный взгляд на Серафиму. — Планету, звезды, там... солнышко... травку, дельфинов и вообще все... — ладно, да. Но если еще комары, моль и слепни — то уже и не надо?!

Именно этой внезапной беспомощностью Измайлов, сам того не зная, но тронул колесико, нечаянно задел какой-то анкер, маятник Серафиминого внутридушевного механизма, и... «невозможное стало неизбежным». Жалость и нежность к этому растерянному громиле вдруг переполнили Серафиму, и, желая как-то отвлечь его от обнажившейся жестокой дилеммы, она потянула, выдернула самую первую попавшуюся ленту:

— Моль? А у нас... девчонкой помню, тоже однажды моль завелась. Отец злит-ся: «Это пани теща со своим старьем привезла!» Тогда только нафталин был, пересыпали все. Шкаф одежный у нас один, проверить легко. Вещей немного, все целы. А они порхают себе. Что ни вечер, у нас, как на съезде партии, бурные, продолжительные аплодисменты. Отец жидкость какую-то достал, поядовитей нафталина, да куда ее прыскать? Одежка вся цела, койки железные — тоже не спрячешься и не разъешься. Наконец взялись, отодвинули шкаф, а она — там, в клубках пыли сидит. Фырх — и полетела, в страхе, что гнездо ее нашли. Как объяснили, она, оказывается, той пылью, одежной, тополиной — за милую душу и питается. Вымели все, отец еще жидкостью побрызгал. Правда сильная, они от нее уже не вспархивали, только ползали по кругу, как помешанные. А я тогда... ну все ж девчонки на котятках, лягушках, птенцах помешаны... я им, отцу с матерью, возмущенно, как твои, Гера, гимнастики сейчас, эдак с претензией кричу: «Что вам, даже пыли жалко?!»

Нехитрый рассказ, и совсем не по теме так возмущившей Измайлова (одно только и совпадение: имя насекомого), но помог ему, правда, непонятно, каким образом. Может, просто тем, что отвлекся, ярко представив свою Серафиму долговзрой нескладной девчонкой, возмущенно стоящей посреди убогой комнаты: «Вам что, даже пыли жалко?!»

Когда на диванчике, посту визуального контакта с миссионерами, «выявления ментальных тенденций», Измайлова сменял супервайзер Веденский, было не приколно. Трудовые пчелы предпочитали не покидать стеклянный улей или пролетали без задержки к туалетам или кулеру. Разве что пчелы-подхалимы, Кудрявцева и Метрохин, присаживались ненадолго.

— Сумарокова, э-э, я чего тебя сейчас вызвал, — Веденский устало обвел взглядом свой кабинет, — не догадываешься?

— Не знаю, Лев Фомич, вопросов у нас много, вы лучше сами.

Что-то Лиза невесела. «Я-то ладно, — смотрел и думал Веденский, — мне почти пятьдесят, и это все на меня легло! Ее, разве касается, откуда, как, почему поступают нам... те же денежки, металл презренный. Ей-то лишь мои 38 тысяч, еженедельную сэлэри — вынь да положи! А все время и мысли — на интриги да развлечения. И где там у них с этой Анной Лейх кончается одно и начинается другое — дьявол их

разберет. Так? Да... Но почему ж тогда и она, муха-развлекуха, тоже какая-то невеселая, усталая. С чего бы? Может, догадывается, что я ее с Анной встречу в Москва-Сити проследил, и что она сейчас под увольнением ходит... Вроде не такая азартная. А когда затевала эту штуку — о-го-го! Когда Илья Лейх к нам уже ехал, а она торжествующая — всех переиграла! — через стол книгу протянула и чуть задержала: „Да вы должны ручки целовать своей ми-ми-ми-миссионерке!“»

— Так что с этой... Анной Лейх, ее книгой, м-м, помнится «Кузина моя жизнь» называлась? Ты говорила, что Илья Евсеевич ее прямо в один месяц напечатает, и на презентацию мы с тобой уже приглашены? Полтора прошло уже.

— Месяц, я говорила метафорически — показать, что сделает он так и в такие сроки, что нам не снилось. Вы же, Лев Фомич, тоже когда-то писали книжку, наверно, издать хотели? — «Ну это ей Хизинг болтанул. Она ж и с ним конфиденцирует, растинька. Вряд ли, что Измайлов. Хизинг», — прикидывал Веденский. — Месяц — метафора невозможного, но... — протянула цирковую паузу, разве что сеть барабанной дроби не повесила, — но в два месяца все-таки выйдет! Подарочное издание, золотой обрез, суперобложка. Верстку и цветопробы я уже видела. Умри все живое!

О, разошлась понемногу, дурочка. Даже не заметила, как подставилась, как я ей сейчас могу мат в два хода объявить. Проверить записи всех сеансов, и если ей там Лейх ничего не показывала, а цветопробы как по скайпу разглядишь — то, значит, был внеслужебный, несанкционированный контакт, нарушение должностной инструкции, трудового договора, и привет, пташка, лети без выходного пособия... Но вопросов у них, как она заметила, действительно много, и супервайзер начал с другого.

— И что, Сумарокова, в этой книжке так и оставят то, что ты мне здесь показывала, — про *говно не тонет. Даже в фарисействе...* Там это будет, под подарочным золотым обрезом? Говоришь, верстку видела?

— Понимаю, Лев Фомич, иронию. Отвечаю: будет. Непременно. Дело в том, что Анна Петровна это наговорила... — спохватясь, уточнила, — по внушению того колдуна с тихоокеанского атолла, с которым и попросила меня побороться. В лицо бизнес-друзьям Ильи Евсеевича, их женам и много вещей похуже. А теперь явилась прекрасная версия, объяснение: не шизофреничка — поэтесса! Не хамство — эксцентричность. Вон актуальные модернисты говно едят, на площади под объективами, интервью потом раздают, а у Анны Петровны то — метафора. Центонная поэзия, Пастернак.

— Все равно дарить друзьям такое... Не обрушит ли это его связи, положение?

Поднятым большим пальцем, как показывают «Во!», Веденский огладил усики цвета прошлогодней травки. Жест, раздражавший Сумарокову до тошноты, до желанья ударить.

— За Ханты-Мансийск опасаетесь? Новое отделение ЦРС? — хлестнула нахалка. — Она же, повторяю, поэтический всплеск выдает! А не разоблачительную документалистику с именами, нон-фикшн фамилиями. Те мерзавцы только рады будут такой щекотке, они... Вы Дмитрия Гарина знаете? В смысле слышали?

— Ну что-то... В новостях бизнеса.

— Компаньон Ильи. Начинали в одной лодке с ним, сейчас по русскому Форбсу на 37 пунктов отстает, но влияние огромное, может, даже специально там во второй сотне запрятался, скрытно дирижирует. Моральный тон задает. Так он недавно почку себе вставил. Третью. При том, что две своих не беспокоили. Так, инвестиция. В себя, в будущее. Если безработные, молдаване, чтоб семью прокормить, почку продают, значит, кто-то, имея два миллиарда, может и прикупить, вставить. Каково?

— Диковато, да. Это Анна Петровна тебе рассказала?

— В их бизнес-котле книга будет эмоушенал рескью. Клапан предохранительный, подарочный, издательства «Похорони всю классику».

— Еще что-то выдумала? Вы специальную фирму под эту книжку учредили?

— Нет, правда, есть такое издательство. Сейчас за деньги, тем более за такие — только свистнуть, а уже под окном офиса три тысячи таких... только выбирай. «Давайте у нас. Мы лучшие». Да, Лев Фомич, издательство выбирала я! «Похорони всю классику»!

Гордо вскинулась басенной, только черно-бурой лисой, опять безудержно хвастаясь и подставляясь. Ну вот, хоть привычная Сумарокова вернулась, и то слава богу.

— Значит, кроме того, что *не тонет в фарисействе*, еще и значок издательства будет — «Похорони...». Набор подарочный, что и говорить. Наверно, это я виноват, надо было раньше вмешаться, отстранить тебя...

— Опять, Лев Фомич? Говорю же, обычное издательство, это мы их английское название так прочли. Рип олл классик! — и, опять спохватившись, уточнила: — Никаких личных коммерческих интересов там не имею. Знать не знаю, спать не спала! Просто повесть прочтала: про одну погибшую рок-певицу книгу воспоминаний издадут, заказчик богатый, тоже с причудами. И по радио случайно он слышит рекламу издательства «Рип олл классик», вспоминает, как он вместе с покойной когда-то играл «Рип зис джойнт» Роллинг стоунзов. Так он и выбрал, чисто по созвучию. Я и решила, вот настоящий подход поэта! Ане... Петровне тоже понравилось. Проверили: есть такое! Заказали. Не торговались. Они на дачу нам еще мальчика одного сорокалетнего прислали: организовать подсветку, статьи всякие, рецензии. Так что через три недели, 12-го в четверг, в 19-00, презентация «Кузины...». Я — вас — приглашаю! Я (перехватила вопросительный взгляд) — именно сегодня и собиралась вам это сказать. Дату, время только утром определили. Ах, я же место не сказала! Клуб «Барон Рохас».

С этим «Ах забыла сказать место!» был бы эффект, если б старый пенек ориентировался в карте московских клубов. Очень дорогой, престижный. Бейонсе в прошлом году пела для 65 человек, презентация книги там вообще вперые.

Предположение мысленно в этот момент оскорбляемого Веденского тоже было не очень лестным: «Да, выйдет у вас книжечка... Разве что для Хизингова музея».

— И еще, Елизавета, — протянул супервайзер. Можно было б написать «Сумарокова насторожилась», но настороже она была и весь разговор, все разговоры с Веденским, — тут зарегистрирован звонок из твоего поселка, — заглянул в распечатку: — Правильно, Торфобрикет Кологривовский район Костромская область. Это не твоя ли мать звонила? Записи разговора почему-то нет, так бывает, или сбой по напряжению, или миссионер, если очень знающий, может успеть суметь удалить.

— Не знаю, у матери и телефона нет, ходит звонить к соседям, Кульневым. В поселке четыре тысячи населения. Мне этот вызов не приходил. — «Ни при чем, — убедился Веденский, — если только не какая-то сверхактриса». — А кому, Лев Фомич, был распределен-то? Это ж удалить нельзя.

— Ламину, потом переадресован на Серафиму Борисовну.

— Так и начинайте с них, — с неподдельным раздражением Сумарокова встала с безмерно надоевшего стула.

— Ладно, иди, — супервайзер сказал уже в спину уходящей миссионерки. Так, для сохранения авторитета.

«Ну, Серафима! Вес собой заполняет. Прямо не человек, а субстанция какая-то», — злилась Сумарокова.

12. Музей Хизинга

К упоминавшимся стеллажам с наиболее занятными принесенными в ЦРС документами прожектами, книгами, рефератами, артефактами хозяин подводил новых посетителей, вдалбливая: «Это все свидетельства популярности ЦРС, нашей включен-

ности в духовную жизнь Москвы, России». Проекты, книги требовали вчитывания, но один экспонат был явным хитом.

— Сейчас я покажу вам копию самой известной в мире скульптуры, выполненную из самого неизвестного в мире — но не в России — материала. Итак.

Известную скульптуру угадывали легко: Венера Милосская, а далее Хизинг, подняв пластиковый футляр полуметровой высоты, ликовал.

— Прошу не трогать руками! Узнав судьбу этого шедевра, уверен, вы сами проникнетесь уважением. Прошу желающих делать ставки. Из чего, по-вашему, выполнена копия? Одна треть натуральной величины! Ставка 10 тысяч рублей, у законопослушной ЦРС все на рубли! Угадавший забирает банк! Мистер Атеманс, вас прошу молчать, — рыжий пресвитер Канады, когда-то первым обративший внимание Аркадия Незванова на «Посольство России в Москве», был частым гостем.

Гости присматривались, принимались. Собрав все подкрепленные купюрами версии, Хизинг объявлял: «Итак, Венера Милосская, одна треть величины луврского оригинала. Автор... Георгий Венедиктович Дубинин, зэк. — Первое из русских слов в его речи, произносимых, кроме родного английского, порой на французском, немецком, испанском. Прелат был полиглот). — Зэк, обитатель лагерного учреждения, город Воркута. Материал... хлебный *мякиш*, — произнесенное как *мякиши*. — С небольшой примесью школьного мела. О, джентльмены! За этим материалом — великая история, целая русская эпоха! В „Архипелаге ГУЛАГ“ зэки делали из мякиш чудеса, шахматы, фигуры Мадонн... Скульптор Дубинин? История тоже интересная, но не такая долгая: три года общего режима, пригласили в дом умершего композитора Рыкунова, сделать маску, слепок лица, а он сделал еще и слепки всех ключей...»

Собранные на музейном тотализаторе деньги Стелл Хизинг отдавал скульптору Дубинину. Немеркантильному Георгию Венедиктовичу (слепки композиторских ключей делал по просьбе друзей) хватало, но в этом году ЦРС учредил и специальную благотворительную программу. Бурные восторги гостей, делегаций прелат-директора разбредили художническую гордость. Осознав, что «в этом материале» он — ведущий скульптор мира, бедный Георгий Венедиктович вступил со своим мякишем в творческий поединок с самим Зурабом Церетели...

— Мне-то что, — повторял горящий взглядом скульптор, — в день и нужна-то булка черного, для себя. И пятьдесят для работы.

День начала благотворительной кампании в пользу скульптора Дубинина зафиксировался в памяти и файлах из-за быстрого, через минуты после вывешивания объявления, отклика — скайп-обращения цыганки и столь же мгновенного ответа миссионера Сумароковой, стоившего ей 4 красных балла, проставленных программой и супервайзером, но не утвержденных прелат-директором Хизингом.

Дотошные гости спрашивали, как вообще в поле зрения ЦРС возник и задержался этот скульптор Дубинин с его Венерой Милосской-Воркутинской? Оказывается, он становится таким известным в Москве, героем телепередач, работая и на общий авторитет Церкви религиозного сознания.

Правда, пафос одной из телепередач безнадежно загубил, получив за это 48 красных баллов, миссионер Аркадий Незванов. Телегруппа специально приезжала в Колл-центр, снимала Дубинина, Хизинга, симпатичных миссионеров. И Незванов выхватил припасенный хлеб, завыл: «Я Микеланджело! Я просто беру булку черного и отгрызаю все лишнее!» — и впился зубами. К тому ж режиссер передачи оказался со схожим странным чувством юмора и оставил этот вой в сюжете. Казус. Но Хизингу еще оставалось немало простора для гордости.

— Это еще одно подтверждение важности прогрессивного мировоззрения ЦРС. Господин Дубинин пришел к нам из-за конфликта с *батьюшкой*, священником высшего градуса доверенности: ду-хов-ник, ударение на «ник». Который не только от-

казался освящать принесенные распятия, фигуры Мадонн, вылепленные из мякиша, но объявил греховными, грозил разломать. Они сильно заспорили... Вы, господа, представляете эти русские, Достоевские споры! Хотя я не очень их ценитель. Считаю, русским полезнее чеховские споры.

Батьюшка ему говорит: делать распятие, Спасителя из такого материала — грех! Сказано: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»

Дубинин: на зонах, еще в ГУЛАГе из хлеба делали, молились. А Солженицын, Шаламов потом писали, как на пайках хлеба экономили, ради святого...

Батьюшка: именно потому и грех! Там ради нужды, ради молитвы, а ты — чтоб в телепередачу попасть!

Дубинин: что же мне, опять небо в клетку надо?!

И на таком градусе этот спор попал нам, нашему специалисту по Теодице...

— А при чем тут Теодицея? — поражаются зарубежные гости.

— Но я же говорю, господа: чисто Достоевские споры, сразу наверх, к небесам! Дубинин кричит на батьюшку: Значит, делать газовые камеры, ГУЛАГи — Бог позволял, а мне лепить распятие из мякиша — запрещает?! А батьюшка...

Горячечный скульптор еще не раз в интервью поминал ретроградство священников и мягкие, как мякиш, широкие взгляды Церкви религиозного сознания.

Давшие себе труд вникнуть в статистику и суть работы Колл-центра замечали, что количество посторонних обращений (как к бесплатным психоаналитикам, консультантам) так и держится на уровне 45—50 %, а вот подлинно религиозные запросы постепенно от всяких частностей дрейфуют к тому Глобальному, что находился в ведении несчастного Геры Ламина. Все больше и больше. Похоже, в пределе так и останутся лишь они: Халява и Теодицея.

— Вызывали, господин прелат-директор?

— Да, Елизавета Михайловна. Чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

— К нам едет...

— Едет-едет. А мы сейчас с вами проедем вниз и еще чуть далее, ввиду одного разговора.

— О'кей, Стелл! Зубную щетку брать?

Супервайзер Веденский ухмыльнулся, но совершенно напрасно. То был пример установившегося стиля общения прелат-директора и миссионера Сумароковой. Юмор, игра. Зубная щетка символизировала выезд куда-либо с ночевкой: театральная деталь, реквизит роли девицы, легкой на подъем, легкого поведения и т. д. Хизинг в таких случаях мог ответить: «Без нажима, Сумарокова! Без нажима!» Или вообще: «Не верю!»

Канал № 4, прослушка кабинета Хизинга, удобно и просто выводилась через микроблок и чип, прямо на телефон Веденского, так что послушать он мог даже в присутствии посторонних: извините, мне звоночек.

«Что-то серьезное, если наш „Чехославский“ решил оторвать задницу. Погуляют, наверно, по Цветному бульвару, может, выберут кафе. Вряд ли заберутся далеко, у Хизинга через полтора часа совещание», — и супервайзер выключил бесполезный канал № 4.

Хизин выбрал «Гнездо глухаря», сто метров от их «Аделины».

— Елизавета Михайловна, извините, просьба к вам на этот раз будет совсем пустяшная... конечно, важная, я хотел сказать, не потребует много времени, только два часа. Завтра, с четырех до шести вечера, проехать со мной на Большую Ордынку, в офис Федерации российского барстепана и технофанка.

— О! Что-то по спортивным танцам?

— Да, они отделились от акробатического рок-н-рола девять лет назад. Развод был конфликтный, и теперь к олимпийской программе их ни за что, ни на выстрел не подпустят. Рок-н-рольщики и еще пять федераций и все спортивные танцы против... А завтра в Российскую федерацию барстепа и технофанка на Ордынку приезжает из Атлантик-Сити президент Международной Невилл Хатчинсон... Чизкейк?

— Нет, мне только капучино. Слушаю вас, чиф.

— Понимаете, Елизавета, мне самому эти новации смешны. Скоро рэп-почитание сделают Олимпийским видом спорта. Бр-р! Думаю, греков античных уже от программы Игр 1992 года стошнило бы, а с тех пор еще сколько набилось! Видно, есть во мне от классицизма, да, Елизавета? Я как увижу этих, со швабрами на льду... на Зимних...

— Кёрлинг?

— Сразу выключаю... Главное, я точно знаю, что и преподобный Сайрус Меддок столь же... не любит эти дурацкие новинки. Но мы, ЦРС, считаемся самой передовой, всеобъемлющей деноминацией, с самыми широкими взглядами, и потому должны помогать всему новому. Как-то так, наверно, решил преподобный... Кошмар?

— Ужас, — улыбнулась. — Барстеп — это что? Чететка по-нашему? Ну-н-не мог-гу.

Сумарокова рассмеялась, на Хизингов взгляд-просьбу поделиться причиной ответила: «Представила, что теперь у спорт-четечочников тоже будут допинги, тесты, пробирки...» И возвращаясь к теме делового свидания: «Так куда их хотят? К Летним, Зимним?»

— О, Лизавет, не угадала!

На *ты* и редуцированные формы ее имени он переходил неспешно, аккуратно. Словно заново оглядывал, вежливо обводя ее контур, поблескивая своими темно-кариыми кельтскими глазами. Сумароковой это ужасно нравилось, предугадывать момент первого перехода. Можно было простить и весь его последующий боязливый эгоизм, фиксацию на разговорах, устных фантазиях.

— Но и никто бы пока не угадал. Еще три дня это будет — гранд-гранд-сикрет.

Русский Хизинга почти безупречен, английские словечки он добавлял специально, причем ровно в тех дозах, что и средний москвич, особенно в молодежной компании, подсыпает всяких «о'кеев, гудбаев». Американизмы для полного слияния с русским разговорным. Собеседники из тех, что на одной волне с Хизингом, держали эту же пропорцию.

— Сикрет... Но тебе, Лизавет, перед боевым заданием... так и быть. Давай ухо.

Сумарокова отвела рукой агатовые пряди, приблизилась.

— Будут еще одни Олимпийские игры, Осенние. Пятнадцать видов, федераций, которых сейчас не пускают ни на Летние, ни на Зимние и — как это? — мордой возят, теперь объединятся. Во главе Оргкомитета будет Пхук Ван, президент федерации какой-то национальной бирманской драки, вольного стиля. К ним сейчас в Европе перетекают все, кому в карате, тэквондо, кунфу стало безмедально. Название не помню, там можно бить всем и абсолютно по всему, по всем частям тела, запрещены только подножки. Бирманцам Олимпийский реестр тоже «не светит», вот и объединились.

— А почему игры осенние?

— Маркетинг. Исследования показали. Из свободных сизэнов — лучше осень. И ин-формационный повод: война-то закончилась в ноябре. В память. Время глобальных новаций. Потом, наверно, кто-то займет и весну. Цикл четырехлетний и времен года четыре. Сейчас лето-зима, а будет... Доделят... Но это мы, Лизавета, отвлеклись. Наша задача — поддержать прогрессивную инициативу только Невилла Хатчинсона, президента барстепа.

— И моя частная задача? Отбить им чечетку? На столе? В одних только ботинках и синем галстуке ЦРС?

— О, Лизавет! Бешеная, бешеная фэнтэзи, джаст крэйзи. Надо будет подумать и об этом. А пока у нас задача проще. Как я понял преподобного Сайруса, нам надо — изобразить, обозначить поддержку. Кроме спортсменов, я сведу их с Комитетом по делам молодежи и советником Григория Арсеновича. Все.

— А в это время я...

— ... просто побудешь со мной. В их офисе. Подчеркиваю, в офисе, в переговорной. Будешь тоже кивать, иногда записывать. Это и будет нашей мощной поддержкой. Блокнот возьми. Только не розовый с кошечками.

— Обижаешь, Стелл.

— Видишь ли, Лиза. Тебя Хатчинсону представили как персону растущего влияния, показали кадры, где ты с президентом США. Обрисовали, как за эти два года преуспели твои лоббистские возможности... Единственно неприятно... Почему-то эту банальную миссию преподобный сопроводил требованием полной конфиденциальности до конца недели. Не знаю, может, правда, конкуренция? Конфликт в их спортивных танцах. Чувствую себя, Лиза, просто смешным.

— О, бедный Стелл! — шутливо-заговорщицкий зачин. — Ты недооцениваешь тайное тысячелетнее могущество ордена акробатического рок-н-рола! Расспроси нашего уборщика, Гену Кортеса. Обоих Джонов, Леннона и Кеннеди, Линкольна они застрелили ради...

—...И у нас не лучше. Прослушка, записи. Веденский, Измайлов. И я точно знаю, что они знают, что я знаю, что они мой кабинет поставили на запись. Это все подразумевалось, еще когда нас только пускали в Россию. Считалось обычной издержкой, как и в работе посольств... И я получаю такие деньги, живу в Москве, спокойно дописываю книгу о Чехове и Станиславском. Но сейчас... вынужден тащиться сюда, как какой-нибудь резидент, и подставлять тебя! Да-да, подставлять, Лиз, потому, что Fomich сейчас приписывает тебе заговор на миллион долларов, принимает свои меры, а я прекрасно знаю, что ты — честный сотрудник, и ничего не могу сделать. И эти идиотские переговоры ни о чем будут с четырех до шести вечера, получится: ты уехала со мной после обеда и не вернулась. Еще тема домыслов.

Шуточный тон Хизинга улетел далеко, он раздраженно оглядывал стены неприличного клуба: «Нет, что-то точно идет не так»

— У нас или вообще?

— Еще задолго до Двенадцатидневной войны. Тотальное недоверие, все вслепую, на ощупь, жестами. Слово уже убиты последний русский, знавший английский язык, и последний американец, знавший русский. И мы тут, — горько усмехнулся. — Краткий курс по минированию культурных мостов... Пошли, Лиза.

«Мякишева феерия» особенно злила Веденского из-за задвинутого в безнадёжный долгий ящик его проекта «Исцеление». ЦРС развернулась достаточно мощно: пора было думать о долговременных общественных и пиар-программах. Он предложил раскручивать тему Исцелений, использовать потенциал Серафимы Калугиной. Снять, показать в прайм-тайм документальный фильм. Ну и что с того, что первым исцеленным оказался сам Лев Фомич?! Он же не просил, даже не сообщал о своем недуге. И все знают, а Измайлов лично с полутора метров видел, как это было, каким сюрпризом обрушилось. Да, исцеление постороннего, тем более знаменитости было бы лучше, но Серафиме-то не прикажешь. Ей, «как сердцу девы, нет закона».

Отложили. И вот теперь социально-рекламные бюджеты, что могли пойти на фильмы об Исцелениях, брошены, смешно сказать... на хлебный мякиш. Сам маньяк-скульптор обходится, может, и недорого, готов лепить хоть за так, но все сопутствующее... Подписан договор с Хлебокомбинатом № 7, пять лотков в день — это, в об-

щем, терпимо. А площади под мастерскую и, главное, эту безумную галерею?! Сейчас — 160 метров, и это в центре Москвы, бизнес-центр «Аделина», Трубная площадь.

Наши миссионеры в сравнении с этим — просто как китайцы в Чайна-тауне теснятся. А когда галерея откроется (вход бесплатный, разумеется) — Веденский видел проект: 340 квадратных метров! Уже сейчас толкотня, корреспонденты, постоянное отвлекание миссионеров. Кто-то приходит со стороны (еще надо поручить Измайлову разобраться: что за люди?). Но главная часть галереи будет: миссионеры, руководство ЦРС в образах знаменитых мировых скульптур. Во-первых, не оригинально, какой-то гляцевый журнал уже сто лет ведет такую серию: нынешние артисты, политики — в костюмах или без костюмов всяких королей и Данай со знаменитых портретов. Вся разница: там фотографии, тут скульптуры.

Во-вторых, этот Дубинин при потакании Хизинга уже полностью вошел в роль безумного гения: расхаживает, зыркает, единолично решает, кому кем быть. «Я так вижу!» Господь-Творец прямо. Позировать миссионерам — в рабочее время. Значит, работа побоку. А еще же — выбор «шедевров»! Большинство знаменитых скульптур — античные, отсюда «обнаженка», фривольные разговоры. Каково! — особенно если «натурщицам» потом идти в свои кабинки, сеять разумное, доброе, вечное... И все под каким-то покровом. Тайна не тайна, но внятного ответа у Хизинга не добьешься. Измайлов вчера предположил (голова!), что если заказали и привезли арматуру, то, может, скульптуры будут транспортабельными. Хлебные передвижки? Абсурд, Боже, какой абсурд!

Извиняя злоречие Веденского (собственный его пиар-проект отвергнут), отметим последовательность прелат-директора Хизинга: наравне со всеми он покорно принял от ваятеля *свой* образ: «Я вас так вижу».

Надеялся он, как позже проговорился, на «Мыслителя», даже вымученно намекал Дубинину, что он-де давний поклонник Родена... но получил назначение очень странное (оказавшееся пророческим, позже вознесшее авторитет скульптора): «Жрец Лаокоон с сыновьями».

— Нет, всмотритесь! — Скульптор тыкал смущенному Хизингу на картинку. — Что видите?

Прелат-директор послушно глядел. Буйные власа, борода — совсем не Хизингов вариант. Лаокоон больше был похож на Карла Маркса — если бы не такое страдание на лице. Хизинг загрузил программу «Виртуальный музей», позволявшую на экране крутить скульптуры, смотреть под любым углом.

— И еще, Георги. Это же группа, с сыновьями.

— Сын будет один... И это будет... Ну-ка промотайте мне своих кадров.

Хизинг пролистывал картотеку сотрудников, пока Дубинин не ткнул уверенно: «Вот он!»

— Ламин?

— Главное ведь — не бороды и прочее. Главное на их лицах — страдание! А на ваших... — Гений и деликатность — вещи столь же несовместные, но Дубинин все-таки запнулся. — А на ваших — готовность к страданию!

Так первый раз за все четыре года своей московской синекуры (галереи, презентации, светская жизнь, окружение красивых женщин, спокойное завершение книги о Чехове и Станиславском, вся деловая текучка — на Веденском, Измайлове), первый раз у Хизинга что-то «екнуло». И нехорошее предчувствие скользнуло, как змея по ноге.

Выбор в «сыновья-напарники» именно Ламина усиливал это предчувствие, подтверждал тайную зрячьсть художника. Ведь сколь ни дистанцировался Хизинг от текущих дел Колл-центра, но ситуация с Теодицеей, перегруженностью, мучением миссионера Ламина были ему известны.

«А Дубинин! Ведь с первого раза, мельком, на экране, — распознал!»

— А почему сын будет один?

— А приглядитесь!

Хизинг снова вертел на экране знаменитый антик-шедевр. Раньше казалось: положение Лаокоона и сыновей одинаково безнадежно, вся троица обвита, переплетена анакондами, словно трассами американских горок. Но проследив по тыканьям художника змеиные петли, выражения лиц, Хизинг согласился. Похоже, тот сын, что справа, спасется. Стаскивающий, как трусики, змеиный виток с ноги, с досадливым сожалением смотрит он на отца и брата, «погрязших в клубке противоречий»...

— Георги, когда назначать Ламина?

А «Мыслитель» Родена, объективно говоря, лучшая аллегория мудрого, задумавшегося начальника, не достался и супервайзеру Веденскому. Возможно, привлеченный физической мощью, Дубинин назначил в «мыслители» — Измайлова...

— А Веденского можно и вовсе не лепить! Так, оставить на постаменте полбуханки засохшего черного. Чтоб в нашей галерее и абстракционизм наличествовал! — Сумарокова, кто же еще! В вечном своем тоне.

Забавно, но самая мощная (считая по числу обрабатываемых вызовов), передовая компьютерно-телекоммуникационная сеть со своим сервером, веб-камерами по всем углам, возможностью мгновенного образования видеоконференций, многосторонних чатов, нарезающих экраны на квадратики и строки оповещений, — вся эта машинерия делала передовейший в Москве Колл-центр похожим на патриархальную деревню. Все про всех все знают...

Девушки бегут из деревень, поселков и малых городков, твердя давний лозунг-инвективу: «Тут шагу нельзя ступить! Все доложат, обсудят!»

И те, бежавшие в поисках свободы, анонимности, дерзкой любви в Москву, и те призеры успешно добежавшие аж до Колл-центра, где-то через год говорили: «Ну, приехали». Или «приплыли»...

А Кудрявцева всю жизнь прожила в Москве, если и видела что-то кроме, то разве что Рим, Майами, Лондон, Генерифе да Барселону проездом.

Для нее школьный выпускной, потом университетский не были таинственными рубежами, волнующими вратами в новые страны. Карта ее иллюзий, надежд и разочарований не была географической. Но была... Были нервные надежды, пришли подвздошные разочарования, впереди ждали...

В том, что Сумарокова наговорила Аркадию про неудачные сватовства, растущий психоз Кудрявцевой и ее предков, про теннисного тренера, якобы по контракту нанятого на роль «гигиенической прелюдии к браку», много было неточностей. Но была и простая суровая правда: Светлане уже 29 лет (исполнилось месяц назад), с мужчинами — неудачи, внешне — привлекательна, значит, дело — в характере, душе. Ко всем провалам в довесок, Кудрявцева еще и не была глупышкой, простушкой. «Красный диплом» МГУ, так что еще и самоедство, рефлексия, постоянный «разбор (неудачных) полетов».

После той сетевой пикировки («А Елизавет отводят в публичные дома и не спрашивая») была, кажется, и ответка-обратка. Через неделю Кудрявцевой пришлось гадать, не была ли подстроена переадресация к ней вопроса: «Признает ли церковь наличие „венца безбрачия“, и не является ли грехом обряд его снятия». Около часа она тогда сидела с горящими ушами, постеснялась идти со всеми на обед...

Зеркальность судеб двух выпускниц МГУ очевидна. Богатые родители-москвичи — костромская учительница, двухкомнатная квартира на проспекте Мира, подарок к окончанию еще четвертого курса — съемная однушка на Алтуфьевской. Ось странной симметрии проходила и далее. Когда мать пристроила Сумарокову в ре-

формируемый Колл-центр, важным допсвидетельством, что это Чудо, Удача, престижное место, было обнаружение среди коллег Светланы Кудрявцевой, *из таковой семьи!* И... симметрия! — тот же факт, нахождение рядом этой Сумароковой столь же объективно понижал акции Колл-центра в глазах Кудрявцевой. Но после-университетские годы в банке отца, потом в холдинге его друзей были и вовсе беспросветны, да и Хизинг не обманул: коллектив складывался молодежный, и еще... Аркадий Незванов.

Но чертова зеркальность судеб проникла и сюда — хоть переводы буквы фамилий на цифры, проникая в каббалистические шифры (совпадение числа букв в «Сумарокова» и «Кудрявцева» уже как-то настораживало).

Питерский остроумец с ласковым, спаниельским взглядом, красавец почти сразу прилип к этой костромской лягушке. Схоже было и в прошлой жизни на филфаке МГУ — точнее, в жизни, которая должна бы стать прошлой, но никак не становится.

Сегодня, сразу после обеда за *ней* пришел Стелл Хизинг, и они, только что не под ручку, прошли к лифтовому холлу. Представительский лимузин ЦРС водитель подал к подъезду, выходящему на Цветной бульвар, так что весь Колл-центр, весь стеклянный ковчег «Аделины» мог наблюдать, как галантно распахнул дверцу прелат-директор, и, нагнувшись, жеманно отставив руку с болтающейся сумочкой, на заднее сиденье взошла скайп-миссионер Сумарокова.

Вторая половина дня была отмечена видеоконференцией о женских правах. Феминистка Диана Шахова звонила второй или третий раз за этот квартал, нападала в основном на католиков и православных. Аркадий Незванов вежливо напоминал ей: «А в чем ваш вопрос?» Диана бойко оперировала цитатами из патристики, указывала, что во времена отцов церкви — были диаконисы, женщины занимали любые церковные должности. Аркадий не собирался ее спихивать — Серафима Борисовна подключилась сама, в своей манере, ничего толком не разъясняя, но вдохновенно. Некто Седов из Пскова, поклонник ее программы, недавно выдал определение: «Серафима — собеседник всех, разговаривающих сами с собой!»

А вырвавшаяся на простор Интернет-ТВ Диана Шахова тоже зачитала свои манифесты. Женщина не должна отказываться от себя, своей личности и прав, а все-все остальные (мужчины, получается) должны... В общем — манифестомания. Но выход в свет, в люди всегда сопряжен... и феминистка «огребла»... Молниеносные разоблачители, «анонимусы», выложили фото, сканы документов, подтверждавших, что Диану «в реале» зовут Зинаида Курицына, то есть, выходит, она сама отказалась от своей личности...

Аркадий следил за перепалкой, уже не надеясь вставить хоть слово. Странно дрейфует запущенный когда-то проект ЦРС универсальной религиозно-философской справочной. Все меньше вопросов, все больше заявлений. Месяца два назад он формулировал, красуясь перед Сумароковой: «В пределе в Колл-центре останутся только Халява и Теодицея!» Нет, похоже, все сведется к трем «китам»: Халява, Теодицея и Манифестомания...

А Мякиш-Микеланджело, подтащив поближе хлебные лотки, сверяясь с фотографиями скульптурной группы «Лаокоон...», выгибал руки-ноги, наклонял, передвигал раздетых до трусов Хизинга и Ламина. На секунду задумался о «реквизите», змеях-душителях и тотчас (гений же!), подскочив к застекленному красному шкафику, рванул дверку и начал сбрасывать могучие кольца толстого брезентового пожарного рукава: «Надевайте!»

«Абсурд» — как твердил отодвигаемый супервайзер? Но как пиар-проект хлебномякишевая галерея работала превосходно. Журналисты, телегруппы городских новостей и новостей культуры охотно и безо всяких «проплат» приезжали на Трубную площадь, включали телекамеры, микрофоны.

— Я чувствую, что понимаю. Что это поможет мне с моей новой книгой о Чехове и Станиславском, — давал очередное интервью прелат-директор, душимый мощными пожарными рукавами, — Чехов поехал на Сахалин, с туберкулезом спал на станциях в мокрых валенках! Россия — это страдание, это любовь, стремление к страданию.

Мощными пятернями разминавший буханку Дубинин вдруг встрепенулся.

— Кто, кто тебе это сказал?! — От возмущения он перешел на «ты» и так потом на этой ступени и остался. С тех пор в Колл-центре, Москве, вообще в России «тыкали» Хизингу два человека: Серафима и Дубинин.

— Любовь к страданию? От-ить мазохист выискался! Не знаю, чего вы в своем Колл-центре вещаете, все недосуг послушать. Я ж тебе, Лаокоон недодушенный, когда эту, — кивнул на скульптурную группу, — предлагал, говорил... *готовность* к страданию! А любовь, стремление, это к... — но, увидев оборотившихся корреспондентов, вдруг смутился, перевел всю энергию на пластичный мякиш...

А когда последняя телегруппа подхватив камеры, кабели, покинула мастерскую, вернулся к теме, но извиняющимся тоном, уже как-то неуверенно, словно ранее, в порыве у него были более точные слова, да сейчас забыл:

— А стремление, Хизинг... оно к гармонии, красоте. Чтоб наконец оправдать и все страдания, чего мы сейчас с тобой и лепим. И Бога оправдать, и мир его.

— Чего-чего? — всполошился Ламин, сдвигая на груди мощный брезентовый виток. — Как-как? Оправдать кого?

— Всех. Если оправдывать, то только всех. — И скульптор опять потерял интерес к разговорам, давя и вытягивая хлебный поток.

А ведь еще не назначенной, «не увиденной» Художником-Пророком оставалась...

— Пал Иваныч! Вы вчера вот здесь, возле кабинета Серафимы Борисовны скульптору нашему полукруг какой-то очерчивали, — Аркадий с Сумароковой на два голоса вопрошали шефа-секьюрити, предвкушая очередной прикол, «измайлик»... Законные ожидания обмануты не были.

— Вчера? Артисту этому? Полукруг? А, ну да... — Измайлов еще раз стал возле двери с золоченой табличкой «*Серафима Борисовна Калугина*» и повторил мощное циркульное движение. — Просто предупредил. Чтоб он, галерею свою собирая, обходил вот эту дверь за полтора метра.

— Гениально. — только и выдохнул Аркадий.

Но от Измайлова («*О его морду можно ножи точить*» — Е. Сумарокова) горохом отскакивали и самые комплименты. Сейчас он снова вперился в экран, где изнемогавшего Геру Ламина добивал какой-то рыжеватый прохиндей средних лет.

— ... И я тогда сказал: Господи, если Ты хочешь, что бы я в Тебя поверил — подай же мне Знак! А еще лучше — Знаки!

— А еще лучше — дензнаки! — мрачно резюмировал Измайлов, физиогномике наученный в местах самых разных.

В холл на их «духовный перекур» или на «кипяток-брейк» с кружкой-предложением высочила и Светлана Кудрявцева, присела рядом.

— А я сейчас с таким серьезным старшекласником говорила. Звать Евгений. И красивый такой, — цепляя взглядом Аркадия Незванова, — и мысль интересную выложил. Он школу заканчивает, как раз советовался по выбору вуза. А придумал он хитрое, очень мощное опровержение Чарльзу Дарвину, теории отбора, так что может ему даже в Духовную академию надо идти! По теории Дарвина полезные для выживания признаки закрепляются, а бесполезные сходят на нет, вместе с носителями. — Пару секунд она подождала вопросов и продолжила: — Тогда получается, в Европе не должно было бы остаться черных кошек. Ведь инквизиция сжигала их вместе с хозяевами. Борьба с сатанизмом и колдовством. А главное, их же держать боялись: путь на костер, улика в тайном сатанизме! И так все средние века. Так что признак объективно смертельный и что черных кошек много, доказывает, что теория

Дарвина не вер-на! — открыл мой Евгений. Правда, зачем-то добавил еще вариант — или что много тайных сатанистов.

Успеха кудрявцевская история не имела...

— Подбрасывают казуистики, — равнодушно заметил Аркадий. — Мне сегодня бабулька из Воронежской области тоже выдала. Подруга ее собиралась к машине за молоком, банку трехлитровую ополоснула. А в банке перед тем была святая вода. Моя возмущается: ЧЕМ, получается, более чистым можно ополоснуть святую воду!

Видно, послеобеденный отъезд Сумароковой с Хизингом располагал к грустно-стоической задумчивости. Аркадий медленно шел к лифтовому холлу, услышав сзади знакомую командную рубку коротких слов, легкий смех, спрятался за угол, там где когда-то был проход к «курилке». Ожидал подслушать, получить очередной «измайлик», поделиться потом с Лизой? (Они их просто смаковали.) Или просто не хотел попасться на глаза, делить лифт со счастливою парой.

— Серафима Борисовна! Зря вы сегодня так горячо вступились. Феминизм, женские церковные должности — тема Незванова. Поберегите себя!

— Слово они случайно произнесли, сразу детство вспомнилось: диакониса. Мне всегда оно так нравилось, бабочку напоминало, я потом даже в справочниках смотрела, нет ли такой. Бабушка Витольда Казимировна возила меня в Курган к ссыльному Юлиушу Константиновичу, помнишь, который еще меня рисовать научил. Они мне много чего рассказывали, про Лурд, Жанну д'Арк, мать Терезу, папу Иоанна XXIII, блаженную Марию Кандиду... И в каком-то рассказе про времена апостольские мелькнуло: диакониса! И так мне понравилось слово, говорю: вырасту, буду диаконисой! Юлиуш Константинович отвечает: нет, то было только в древней церкви, после Лаодикейского собора уже тысячу лет диаконис нет. Вообще в католической, православной церкви у женщин карьер нет. Епископов, кардиналов, митрополитов, даже диаконис нет!

И я тогда тайком от них задумала... Ой, Паш, ты же кнопку забыл нажать!

Измайлов пробормотал неразборчиво, слышны были только шаг и мелодичный сигнал вызова лифта.

— А что задумали, Серафима Борисовна?

— Насчет церковной карьеры — свое опровержение. Если нельзя диаконисой, епископом, папой, патриархом, то ведь можно стать... Святой! Женщины-святые есть, они выше папы. Патриархи им молятся... Понимаешь ты, мой громила, ведь у Юлиуша Константиновича в одном ряду на стенке висели портреты, фотокарточки: папа Иоанн XXIII, святая Мария Кандида из ордена босых кармелиток, Блаженный мученик Николаус Грос... А икона у него сохранилась только одна — Казанская Божья Матерь! Православная, представляешь! Ты хоть знаешь, чем Владимирская от Казанской отличается? Запомни, если младенец щекой к Матери прильнет, вот так, громила, — Аркадий не видел, но, возможно, Серафима показала, прислонясь щекой к щеке Измайлова), — то это — Владимирская. А если ровно сидит, смотрит — то Казанская.

— Так, что вы задумали, Серафима Борисовна, про диаконису, святую?

— Так это и задумала, — передразнила тугодума, — если диаконисой нельзя — вырасту и стану святой! Несколько лет таила этот план. Бабушке Витольде и Юлиушу Константиновичу, конечно, не сказала, уже ведь чувствовала себя виноватой, что так их напугала, нарисовав Краков довоенный, а тут еще...

Подошедший лифт просигналил окончание странного рассказа. Аркадий вышел из-за угла еще более задумчивый, чуть даже пришибленный. Выждал минуту — не был готов встретить их внизу, ему казалось, подслушанный разговор гуляет по лицу его, глазам — и чуткий Измайлов легко разоблачит его. Нажал кнопку.

— Аркадий! Подожди-подожди!

В лифт залетели закрывшие смену Гальцин и Кудрявцева.

— Наши Ромео-Джульетта уже уехали?

— Да, минутой раньше.

На первом этаже Светлана так подчеркнуто пропустила вперед Гальцина, что Аркадий машинально взял ее под руку.

— Ты же где-то рядом живешь, проспект Мира?

— Улица Щепкина, параллельная, в одном квартале от проспекта. Мечта москвича, Аркадий, ходить на работу пешком. Я потому так за Колл-центр и держусь. Где сейчас найдешь работу, чтоб пятнадцать минут пешком!

Более внимательный собеседник разглядел бы за этой подчеркнутой деловитостью другое. Родительских сил, а потом — их наследства хватит еще лет на сто безбедной жизни. Но...

Кудрявцева истолковала молчаливую отрешенность Аркадия отчасти верно: «Лизка укутила с шефом» — но все же упрощенно. Сейчас его зацепила арифметика: Измайлову 64, Серафиме 63. Их роман, «укрощение громилы» уже месяцев 10 длится. «Наши Ромео-Джульетта уехали?» Это — самая большая вольность в обсуждениях при свидетелях, причем произносимая с полным почтением: тут надо видеть и знать Измайлова. Но невероятно другое: 10 месяцев! Сумарокова уверена, что они еще — *не*. Другие знатоки соглашаются, как и с тем, что Серафима зажглась ответной симпатией, месяцев 5 назад. А Измайлов до сих пор: «Вы, Серафима Борисовна...» Она ему: «Ты, громила!», но это стиль такой, «вы» не произнесла еще ни разу, ни Хизингу, никому.

Вот же что! Обоим за 60, и скоро год знакомства. А они не спешат! Словно им вечность еще... Кудрявцевой вон 29 — и в полной панике, а им... Интересно, задумывался еще кто-то над такой интригой? Спросить бы Лизку.

Возможно, эта *арифметика* зацепила Аркадия из-за подслушанного в лифтовом холле разговора: «Бабочка-диакониса — или святая!»

Кудрявцева, реально умная девушка, понимала: впрямую размазывать костромскую лягушку — глупо и просто не ко времени. Достаточно, что сейчас Аркадий идет с ней под руку по Трубной улице, в направлении ее квартиры. Максимум, упомянула экскорт-девиц вообще как профессию, но это ж сегодня все видели: Хизинг... лимузин.

Судя по фотогалерее на страничке, Аркадий в Питере симпатизировал или, может, даже состоял в НОД и Нацболах. Это была куда лучшая стезя разговора, тем более, что в американской политической системе Кудрявцева разочаровалась еще со дня выбора кабинки Сумароковой для разговора президента США.

Второй верный ход Светланы: «не строить девочку». Если уж ему нравятся такие, как Сумарокова, глупо повязывать бантики. «О, я тоже в теме, просто жаль, что раньше мы все как-то не пересекались... Аркан!» — как-то так. Колоритное прозвище она слышала в транскрипции Сумароковой, но, может, это его еще питерское, а не «Мэйд ин Торфобрикет»?

— Аркан, а ты знаешь, какую скульптуру подобрал для меня Дубинин? Венера, но не Милосская, а Таврическая, которая совершенно обнаженная. Вчера я ему почти час позировала. Он лепит меня из белого хлеба... Такие мы, выпускницы МГУ! Вон у Сумароковой, — все ж не удержалась, — даже самая простая фраза «Я уложились в срок» звучит как-то неприлично. Сегодня случайно услышала, когда они с Хизингом уезжали.

Третий рок «Джек Дэниельса» со льдом наконец отвлек Аркадия от измайловской арифметики.

— Свет, а теннисная ракетка у тебя далеко?

— Н-на балконе... может. А зачем тебе?

— Отшлепать тебя хочу немножко, чисто по-тренерски...

— Побежала искать!

13. Слежка слежек

Увлеченность Измайлова приглашенной Серафимой Калугиной, если б это Веденский планировал заранее, получила бы еще сто очков в копилку своего признанного иезуитства. Но и такой случайный поворот «небесного ключа» может быть приобщен к делу. Тем более Измайлов и сам видит: Серафиму всеми силами сплавляет Сумарокова, может, уже и Хизинга натравила, в этих конфиденциальных разъездах.

— Не знаю, чего она на нее взъелась. Но главное, наблюдал? Лейхов на себя, как одеяло, танком тянет. А как дотянет — представляешь, Иваныч?

Иллюстрируя, сколь успешно и далеко зашла Сумарокова в деле «перетягивания на себя Лейха через его супругу», Веденский показал и краткий фрагмент записи их видеосеанса.

Тот самый, где на 43-й минуте Анна Петровна, сбросив с мраморных плеч ночную сорочку, глядя на скайп-миссионера Сумарокову, трогая соски... и так далее.

— Видишь, Иваныч. Откроет он, Илья Евсеевич, отделение ЦРС в своем Ханты-Мансийске — тогда все! Для Пасадены Хизинг с Сумароковой станут альфа и омега. И нас с тобой, Серафимой отсюда сдует! — так уверенно и убедительно комментировал Веденский, словно между Анной Лейх и прорывом ЦРС в нефтегазовую Западную Сибирь выстраивалась прямая, очевидная причинно-следственная связь...

— Ты, Иваныч, помнишь, кто Серафиму Борисовну сюда пригласил?! Если хочешь, чтоб она, в общем, если желаешь ей добра, должен теперь сработать на меня — как на себя... А Хизинг — он-то сегодня здесь, а там, глядишь, книжку дописал и уже где-нибудь в Бостоне... В общем, завтра Сумарокова с Лейх опять встречаются. Операцию сам продумай, тут я пред тобой пас...

Измайлов молчал, прижав тяжелый, иссеченный шрамами кулак к губам, медленно дыша в него, словно изображая трубача или горниста.

— Риск есть, — признавал Веденский, — прикрыть тебя могу только должностной инструкцией. Меры по безопасности миссионеров, клиентов, то да се... Подписываешься?

И после долгих блужданий по стенам кабинета взгляд супервайзера вперился в Измайлова, зрачок в зрачок.

«От, езуитушка. Метит... Насчет Серафимы-то он все правильно...» — Измайлов поразмышлял еще сколько-то секунд, ответил: «Подписываюсь».

— Прекрасно, Иваныч, — Веденский не скрывал облегчения, — столько лет вместе. И дальше об руку. Кому бы мог доверить! Взваливаю на тебя, конечно, но здесь, ты сам видишь, исповеди, конфиденции, можно сказать, интим! Тут ведь без единого магнитного силового, «силовиковского», — подмигнул, — поля — хаос, каждый начнет шантажировать каждого. Что доверяю тебе, Иваныч, собирать данные, следить за нашими миссионерами, — надавил интонацией Веденский, как бы очерчивая круг риска, мол, лишнего не нагружаю.

— Только миссионеров? А как же эти... Марк Эльчин, галерист и Герард Брунин, эксперты по картинам? Когда Серафима Борисовна у нас еще не работала? — встал поперечину Измайлов, чтобы прервать поток радостной суетливой болтовни.

— А? Ну... тоже для дела. Ведь как хорошо и правильно обернулось. И Серафима Борисовна к нам пришла, и вы...

Измайлов смотрел вникательно, напряжение подрастало, но вдруг словно вспомнил: «О, Фомич! Говоришь, завтра! Мне ж надо еще людей, машины готовить! Пошел я».

Аккуратно ведя Сумарокову до самой ее встречи с подопечной олигархиней, на этот раз возле мебельного гранд-салона за МКАД, слежка Измайлова обнаружила

неподалеку слежку Лейха. Законный вопрос: а наоборот? Тут шеф-секьюрити мог поручиться: нет. У него — профи высокого разряда, а лейховский был «заточен» не на это. В сущности, тот парень был не совсем и слежка — охранник. Просто поручено было оберегать Анну Петровну, не стесняя ее, не попадаться под руку и на глаза.

Это, конечно, плюс Илье Евсеевичу, пекшемся о безопасности супруги, но ми- нус по другим задачам: контроль, анализ ситуации, и в результате Илья Лейх не имел ни малейшего понятия: с чего это вдруг его жена увлеклась мебельными сало- нами, причем самой демократичной ценовой категории? Раньше без особого энту- зиазма встречала фуры из Италии, Лондона, привозившие в их поместье на Новой Риге коллекционные гарнитуры, рассеянно переспрашивая: «Чипендэйл стайл? Ну что ж, пускай...», а ныне уже четвертый раз за полтора месяца выезжает в эти око- ломкадные салоны, снует там незнамо среди кого и привозит оттуда какие-то дива- ны, которые, не уронив общий уровень, и приткнуть-то в их доме некуда. Хобби... Ну что ж, пускай (одна из фраз, снятых Ильей Лейхом с губ супруги). Значит, пускай и это. Стихи, Борис Пастернак, «Кухня моя жизнь»... диваны из общенародных ме- бельных салонов. Правда, вставляя свои приобретения в интерьер какой-либо из комнат она и не пробовала (давний художественный вкус) и, словно осознав стиле- вую промашку, вскоре бросалась за новой покупкой. Три предыдущих дивана пока громоздились в просторном гараже у северных ворот.

Простые, эффективные действия Измайлова отыграли и в этот раз. Сидя в «ре- но логане», припаркованном напротив длинной шеренги дверей мебельного сало- на, из коей действовали только две, он принимал доклады двух своих сотрудников. В салоне «Гарант», громоздившемся у впадения Каширки в МКАД, в это время бы- ло достаточнолюдно. Измайлов не только вычислил наплавившую парик блондин- ки и куртку сотрудника салона «Гарант» Сумарокову, но почти на 100 % определил и то, что «лейховские» маскарада этого не раскусили. И не заметили, что юркий «мебельный менеджер» остался в фургоне, куда загрузили большой красный диван. Потому и совершенно непонятными остались для них причуды жены босса: махнуть в окно своего «кайена»: «Поезжай домой» — и полезть вдруг в кабину к водителю фу- ргона. Дичь. Будто сегодня еще кому-то надо показывать дорогу — у всех навигаторы.

Однако кавалькада тронулась, путь дальний: предстояло обогнуть Москву с са- мого юго-востока на северо-запад, шестьдесят километров пробочного МКАДа («И чем ей глянулся этот салон на Каширке? Другой конец да еще час пик!») и по- том еще тридцать по Новой Риге.

«Оригинальнейший комплект!» — подивился бы всякий, кто сумел бы вычле- нить из плотного машинопотока именно эту четверку, разделяемую порой двумя, тремя случайными автомобилями. Впереди неспешный «форд» — среднее между грузовым фургоном и беззаконным автобусом. Далее, через две-три машины — «лек- сус» с негласным лейховским охранником (своему «кайену» Анна Петровна дала команду ехать домой, и он давно обогнал их караван). Потом, также с интерва- лом: измайловский «рено логан» и такой же не первой свежести «шевроле», в кото- рый запрыгнули его «бойцы», ведущие Анну Лейх и Сумарокову по оживленному про- спектам и перекресткам мебельного салона.

Предыдущий раз Измайлова везла неброская «дэу», предпредыдущий — «лада гранта». Сегодня, в отличие от простых прошлых слежек, в программе были слож- ные, даже опасные маневры. Где-то через битый час с четвертью, примерно на восьмом-девятом километре Новой Риги, «шевроле» измайловских бойцов вдруг пошел на обгон и повизгивая тормозами подрезал и подставился под удар «лексуса». Едва взглянув на аварию, Измайлов дал команду пристроиться к фургону. Через па- ру километров он не спеша натянул жилет дэпээсника, водрузил на крышу «рено» «мигалку» на магните, взял полосатый жезл и кивнул водителю. Обгон и подрез,

в этом случае, конечно, без аварии, но с энергичной жестикуляцией прошли гладко. Водитель фуры остановился и начал собирать по кабине документы. Но вместо ожидаемого появления мента подле левой дверцы тот быстро, в пять шагов подошел к правой, рванул ручку и через мгновения сидел рядом.

Взяв предложенные накладные на груз, он совершенно не по-служебному обмахнулся ими, как веером, забрал мобильник водили и энергично обернулся назад, где за узким проходиком виднелась дверца в фургон.

— Сейчас проверим твои диваны, — пробормотал громила-дэпээсник, едва-едва протискиваясь к дверце. Но и на ограбление это было не похоже. Водитель «рено» тоже вылез, подошел вплотную к окошку коллеги, вежливо улыбаясь. А Измайлов толкнул дверцу и протиснулся в грузовой отсек.

— Ба, знакомые все лица!

На Измайлова ненавистно взглянула Сумарокова. Столь вызывающе приветствовать парочку Измайлов, наверно, имел право. Затягивать «немую сцену» он не собирался: Лейхов охранник, хоть и не высшего, похоже, класса, но вряд ли, потеряв из виду фургон с хозяйкой, будет долго торчать возле подставившегося «шевроле». А своим сообщил уж точно — так что на завершение «операции» у Измайлова были минуты.

— Собирайся. Мигом.

Определив по тону команды, сколько ей отпущено секунд, Сумарокова полетела к проходу.

Обернувшись, Измайлов столь же кратко, но вежливо сказал:

— Анна Петровна, оденьтесь. У вас минута-две.

То ли от желания сломить, доунизить Сумарокову, то ли правда до появления охранника оставались секунды, но Измайлов протискиваясь следом, не дал ей задержаться на сиденье. Потянувшись через нее, распахнул дверцу, кивнул: «Пошла». Впрочем, большого публичного дефиле не предусматривалось: Рено стоял впереди, почти вплотную к фургону, так что подталкиваемая Сумарокова прошлепала до дверцы и протиснулась на заднее сиденье.

Плюхнувшийся Измайлов скомандовал, «рено» резво стартовал, развернулся через сплошную и покатил в сторону Москвы. Примерно через километр навстречу им пролетел «лексус» охранника с разбитой левой фарой, чуть помятым передком. Еще полминуты, и они миновали, не останавливаясь, сработавший, подставившийся «шевроле».

Кресло под громилой Измайловым было отведено назад до упора, и Сумароковой пришлось тесниться на узеньком пятачке.

— Куда мы едем? — первые ее слова.

— Куда-куда, на работу, конечно. Время-то служебное, сейчас будешь старушкам про Ветхие Заветы заливать.

— У меня с полудня — отгул. Мне Веденский заявление подписал.

— Это? — Измайлов удостоив ее менее чем полуоборотом корпуса, вытащил из грудного кармана листок и, подержав пару секунд, порвал, бросил в ее сторону. — Прогульщица! Вылетишь из Колл-центра.

Опыт эмвэдэшный, лагерный подсказывали: обрабатывать кобру сразу, пока головка ее прижата к земле, а хвост бессильно хлещет по воздуху.

— Куда с Хизингом вчера ездила?.. Ты, Сумарокова, на денежки Анну Петровну особо не выставляла? Презентики, текущие карманные, да?

— Да-с, — лякнула Сумарокова.

— Тоже небось долгосрочные проекты загадывала... Нет, ты даже молодец! Штирлиц в чулках! Вот смотрю на тебя, — Измайлов и вправду мощно обернулся и посмотрел. — Смотрю и понимаю присказку, что новичкам везет. Вязалась в та-

кое дело, а ведь... прокати-иило! — восхищенно протянул Измайлов. — Или вы это вдвоем сообразили? Что поездки ко всяким подругам, отели эти почасовые — отслеживаются на раз. Нет, додуматься же — мебельные магазины! Это в каком-нибудь дамском детективе вычитала? Или сама?

— Не читаю, — с акцентом гордости. — Сама.

— Но это еще сколько бы? Раза два? А дальше?

— Придумала бы.

— Теперь не сомневаюсь. А водитель фургона, сколько вы ему там «заряжали»? Не боялась, что сдаст Лейху? — Заметил мимолетную гримаску Сумароковой. — Да, Сумарокова, тут ты без равных. Природа не поскупилась.

Даже эти три-пять тактов измайловского восхищения, ну, или чего-то помимо ломания об колено, мордопоземлевозительства, диктовки жестких инструкций помогли Сумароковой прийти в себя.

— И еще, дуреха. Насчет Серафимы Борисовны, — Измайлов и не оборачиваясь видел вжавшиеся уши Сумароковой, — даже пугать тебя не хочется. И так знаешь, что я с тобой за нее сделаю, но сейчас ты просто мне поверь, — Измайлов еще раз обернулся, продолжив не как раньше, а доверительно, почти просительно (хотя он-то мог напугать и просьбой). — Поверь, Лизанька, Серафима и не думает оттирать тебя. Ее к Анне Лейх подключить — исключительно Веденского была идея. А она, может, и отказалась бы. Ты же вроде вычисляешь всех, неужели не видно — Серафима тебя жалеет. Ты сейчас дергай плечиками — не дергай, а именно так. После того, помнишь, разговорчика в скайп-кабинете, когда я тебе сопельки, а она еще и слезки вытерла — уж поверь, как она потом просила тебя не обижать, беречь.

— Но видать, не упростила! — Сумарокова «с выражением» повела взглядом по салону авто.

— А-а? Сегодня... — Измайлов повторил жест миссионерки, — еще на пользу тебе обернется. Тут Серафима Борисовна не в курсах. А ты скоро сама зачтешь это как «бережение». Стратегически. Убедишься.

«Скоро, да не сейчас», — мелькнуло у Сумароковой, когда они заехали в подземный паркинг бизнес-центра а Измайлов резко распахнул ее дверцу.

Лифт нежно прозвонил. Измайлов скомандовал: «К Веденскому», и она так и пошла, как сквозь строй стеклянных кабинок, в фирменной куртке мебельного салона с бирочкой «Менеджер Рената».

Обещанное в дороге «стратегическое бережение» началось, однако, для Сумароковой с весьма тяжелых служебных моментов. Завершая операцию, Измайлов привез пойманную птичку прямо в кабинет супервайзеру, «сдал по описи» и более всего хотел уйти. Но Веденский его остановил, и для Сумароковой пытка пошла на второй круг.

— Садитесь, Елизавета Михайловна.

— У меня отгул за вторник, за ночную смену. Он порвал мое заявление.

Веденский затянул свою иезуитскую вольнку.

— Знаете, Елизавета Михайловна, есть еще немало документов, которые бы и вы, и, может, я, и Павел Иванович с большим удовольствием порвали бы, уничтожили, размагнитили бы, обнулили, стерли — но, увы, это уже не в наших силах. Документы ныне копируются, саморазмножаются, как гомункулы. Вы слышали средневековую теорию гомункулоса?

Эти елейные лирические отступления ненавидел весь Колл-центр. Сумарокова вдруг сообразила, что подробностей сегодняшней «операции» (где? как? при каких обстоятельствах?) супервайзер пока еще не знает. Да, ведь от вламывания в фургон и до самых дверей кабинета Измайлов был рядом и по телефону говорил только два раза. Один: краткая инструкция своим сотрудникам. Второй — еще

более краткий доклад: «Все в порядке. Взяли. Еду с ней». Значит, все выяснения, детали... сейчас предстоят. Сумарокову едва не стошнило.

— И первый в очереди документов, которые вы наверняка хотели бы уничтожить, вот эта запись вашего видеосеанса с Анной Петровной Лейх.

И Веденский промотал кадры до *той самой* сорок третьей минуты. Если бы носителем информации был не супермодерновый компьютерный диск, а что-то вроде старой виниловой пластинки — на этом месте она была бы затерта до дыры.

— Сразу скажу, что в самом, э-э-э... поведении Анны Петровны еще не было никакой вашей Сумарокова вины. Если бы... если б вы выполнили 17-й пункт вашей должностной инструкции и сообщили мне. Но вы, зная, что мой круг обязанностей оставляет мне возможность лишь крайне выборочного просмотра записей сеансов, решили этот факт пока, временно, скрыть, — говорил Веденский с интонацией дореволюционных адвокатов, так, что тошнотные позывы ощущали не только миссионерка, но и каменный Измайлов. — К тому же, вероятно, полагали вы: аж 43-я минута! Однако, видите, я нашел время проверить запись до этих минут. И как же я истолковал ваше умолчание? Ведь вы точно знали, что по сообщении о фактах девиантного поведения клиента и подтверждении правильной реакции миссионера его ждет материальное вознаграждение, то, что наш шутник Незванов называет «молоко за вредность». Вы же, рассчитывая на более крупный выигрыш, решили сначала выждать. Именно так я объясняю двухмесячную паузу до первого вашего свидания с Анной Лейх в Афимоле Москва-Сити. Вы помните наши с вами совещания по развитию ситуации с Лейхами. В ходе их я и сумел рядом косвенных шагов убедить вас, что записи я не проверял. Заметьте, мы не следили за ней, мы следили за вами. По специфике нашей работы и подписанному вами трудовому контракту вы приняли условия некоторого ограничения тайны вашей частной жизни и некоторых наших действий, предпринимаемых в случае серьезных оснований, и такие основания у нас появились. Контакты с клиентами вне Колл-центра запрещены, мы просто должны действовать в интересах их безопасности... Сегодня, как мне сообщили, вы встречались с Анной Лейх в мебельном салоне? Да, а что это на вас? Куртка того салона? Бирка «Менеджер Рената»?

Возможно, Веденский и не играл, возможно, в своем самоупоении, адвокатском самолюбовании он и вправду только что обратил внимание на одежду Сумароковой. Пригляделся.

— А я так и знал, что дойдет до этого! — протянул тоном завуча из тех старосоветских фильмов, где занудам отводилась роль скептиков, кляузников, не верящих в перевоспитание хулигана, победу добра в отдельно взятом пионере. Казалось, следующей фразой Веденского будет: «Я завтра же вынесу *это* на педсовет! На партком!»

Но нет, он вернулся к прежней форме занудства, повторил и заставил Сумарокову подтвердить пункты, на которые она уже согласилась с Измайловым, по дороге. Дополнительное отягощающее условие она услышала одно: перевод вместо Ламина на Теодицею.

Сумарокова оборотилась на Измайлова и, как только могла (а могла!), презрительно хмыкнула.

И пробила-таки каменную грудину. Первый раз за этот день шеф-секьюрити можно сказать, что испугался. И это при том, что сегодняшний придорожный трюк прямо ставил его под две или три статьи Уголовного кодекса. Слежка — еще так-сяк, но команду на автоподставу отдавал он. Выставлял мигалку, надевал форму дэпээсника (пускай лишь жилет и фуражку), врвался в фургон он уже самолично. Вытащил Сумарокову, вез ее через всю Москву. Повернись все по-другому, для ранее судимого — комплект полный! Это огорошенная Сумарокова да лунатичка Лейх не представляют, кто сегодня по-настоящему был в опасности.

Но сейчас Измайлов дернулся из-за этого презрительного взгляда. Все цели сегодняшней сложнейшей «операции», виртуозной вербовки отошли в сторону, остались лишь его дорожные заверения, что Серафима не интриганка, а добрая и вообще другая, что она Сумарокову, наоборот, всячески защищает. И вдруг такой ход Веденского! Хоть бы предупредил, иезуитушка!

— Все миссионеры, и вы, Елизавета Михайловна, прекрасно знаете, что самый психологически тяжелый участок работы — Теодицея. И видите, что миссионер Ламин последние месяцы едва выдерживает это напряжение. Мы не можем рисковать, в любом случае я собирался его перевести. А тут и ваш случай. Ваши-то направления вон сколько оставляют вам моральных сил! На все хватает... Так что Сумарокова будет это вам некий временный...

— Штрафбат, — резанула миссионерка и опять посмотрела на шефа-секьюрити. Измайлову вспомнился первый день на зоне...

Разное говорили и думали в Колл-центре про Серафиму Калугину, ее «паранормальный дар», но через несколько секунд после того, как в кабинете Веденского прозвучало и повисло где-то между абажуром и столом слово «штрафбат», у троих коллег появилась возможность кое-что уточнить в своих частных мнениях: в кабинет обычным своим летящим шагом вошла Серафима. Измайлов — будто добить его сегодня захотели — вслед за презрительным взглядом Сумароковой уловил и крайне тревожный Серафимин. Первой его мыслью было: что-то случилось в Колл-центре! Может, даже нападение. Но за защитой она бы обратилась только к нему, а Серафима устремляла свои янтарные, чуть слезящиеся глаза и на Веденского, и Сумарокову.

Так и стояла в центре их треугольника, приложив к щеке правую и под локоток подхватив ее левой, молчала-молчала да и объявила:

— Лев Фомич, скамандуй завтра, чтобы Герины звонки, которые... теодицейные — чтоб на меня переводили. — Измайлов схватился за голову). А ту, м-м... — и опять все трое в тревожном ожидании, пока Серафима или вспомнит, или подберет слово, — богачку, которая стихи написала, помнишь?

— Ну да, — неуверенно протянул Веденский.

— Так ты ее — за Лизанькой оставь. Непременно. Я не возьмусь.

Треугольник заговорщиков замер еще в одной паузе. Молча переглядывались, не двигались, словно весь кабинет супервайзера залила тягучая оранжевая смола и они сейчас в «режиме реального времени» обращались в янтарных мушек.

Серафима оглянулась на Измайлова, словно спросив: «Я что-то не так сказала?» — и неуверенно сделала шаг к Веденскому. Тут одна Сумарокова и спохватилась, перегнулась через стол начальника, схватила верхний в стопе том (опять Александр Мень), привычным движением разломила книгу пополам, но в этот раз не для прятанья своей ухмылки. И зачастила: «Да, Лев Фомич, там у Меня есть один интересный аргумент, я вам говорила. Наверно, его можно использовать в беседе с Анной Лейх?»

Веденский наконец сообразил, положил руки на книгу: «Да-да, Елизавета Михайловна! Я непременно прочитаю и сообщу вам».

Серафима еще по разу заглянула в глаза каждого, покачала головой:

— Ну я пойду. Совещайтесь, совещайтесь.

И в дверях обернулась, погрозила Веденскому: «Но ты там Лизаньку-то не обижай!» И вышла. И все разом выдохнули, как разведчики в кинофильмах.

— Вот, а ты не верила, Лизанька! — Измайлов более всех чувствовал облегчение, радостно разминал ручищи после «немой сцены». — Только все равно, Фомич, нельзя Серафиму на теодицею эту. Она и так на надрыве.

— Да-да, сам понимаю. Кудрявцеву тогда? Или Незванова? — покачал головой еще более сомнительно. — Ладно, подумаем. Ну а теперь по сегодняшнему случаю.

Постараюсь тебя, Сумарокова, как просила Серафима Борисовна, не обижать. Хотя ты сама кого угодно... Так что же там, в мебельном магазине, приключилось, — добрался наконец Веденский.

Сумарокова уткнула пальцы в виски. Измайлов доложил очень сдержанно, без фактуры.

— Ты, значит, решила добраться до Ильи Евсеевича через его жену? Устроить, как это, лямур дэ труа? А я-то, признаться, очень надеялся на твое здоровое провинциальное воспитание!

— Ну прям позор всей Костромской области, — злобно процедила Сумарокова, не разжимая висков. Сообразила, что под Серафиминым знаком «Лизáньку не обижать!» большую выволочку они сейчас разменяют на несколько охов-ахов.

— Как вообще можно столь развращенную девицу оставлять в Колл-центре, ведь мы же образец для всей Москвы!

— Ах, Москвы! — хмыкнула Сумарокова, — Я-то, между прочим, в Москву приехала девушкой-девственницей. — Измайлов прикрыл глаза, словно читал листки ее досье. Прочитав, кивнул: «Да, может быть». — Вы знаете неудачу моей матери, с чем она вернулась в наш Торфобрикет. Так она мне настрого велела: «Лизка, с твоей красотой, чтоб в Москве не пропасть, сразу же ищи себе достойную пару! Прямо как хочешь, а только оглядись и на первом же курсе подыщи. И смотри, не на дискотеках этих! Пройдох всяких чтоб за версту! Выдам тебя за достойного москвича и помру спокойно. Так я строго по материнской инструкции никуда не бросаюсь, после первой же сессии даю на сайт знакомств объявление. Короткое, лишних денег у меня нет: «Студентка, 18 лет, ищет достойную пару». И!.. И!.. — повторила, ожидая догадки, но старпер был «не в теме».

— Что, неужели никто не откликнулся? — Под такое драматическое «И!..» Веденский подобрал развязку, как мог.

Сумарокова презрительно хмыкнула.

— Семьдесят два ответа. Потом я и заходить на тот сайт перестала. И все ответы... — еще раз повела взгляд на супервайзера: — «Интеллигентная пара 35 и 31 год...», «Супружеская пара 47 и 42 года...», «Москвичи 38 и 35 лет...». Это я только по две цифры зачитываю, в большинстве писем, кроме возрастов, целые таблицы. Цифры, тактико-технические данные. Так что, Лев Фомич, можете Москвой мне не тыкать.

И Сумарокова решительно поднялась. Увольнения не будет, «штрафбата» не будет, Анна Лейх — за ней. Лимит нотаций закрыт.

— Правильно, Лизáнька, — восхищенно откликнулся Измайлов, — Вот и всегда так ври: чтоб 95 процентов правды было, не меньше!

Сумарокова только хмыкнула и направилась к двери.

— Постойте... — Веденский перевел взгляд на свой стол, на раскрытый том Александра Меня...

Сумарокова в тот момент шла к двери и обернулась: усталый взгляд, скользнула вон, и недвижим остался он. Лязг двери. Занавес!

Филологи в Колл-центре собраны были действительно высокого уровня. Равно и Сумарокова, несмотря на все ее эскапады. Отточенная за годы телеконсультаций, проворная память ей сейчас подсказала самую точную цитату.

«Что меня не убивает, то делает сильнее. То делает сильнее», — бормотала она, направляясь к лифту. Мелькнул в памяти и недавний момент, когда они с Измайловым и Аркадием сидели в этом холле, а на экране шел сеанс, где Светка Кудрявцева так бездарно отвечала на предложение какого-то Ницше-фана... Что не убивает... Сегодняшнее приключение, эта слежка слежек, захват и бросание ее в машину, допрос с пристрастием у супервайзера и... И!.. Она только теперь осознала свою неустойчивость: все их козыри уже биты, весь «компромат» из их поганных файлов

предъявлен. И — она остается здесь. А через неделю — презентация книги Анны Лейх. Заменить ее в Лейх-проекте могла только Серафима, тут Веденский рыл, копал. Других миссионеров отверг бы и Илья Евсеевич. И тетка, правда, молодец окзалась... «Надо ж! Лизáнька, Лизáнька. Лизáньку не обижай! Это кто ж меня так еще называл?» — вспоминала она, подняв руку на Цветном бульваре. И садясь в такси, все прокручивала краткие «файлы» детства.

— Так, мама: «Лизок, Лизунчик...» Нет. Может, баба Галя? «Лизочек. Мой Лизочек так уж мал, так уж мал». Нет. Дядя Гриша? «Лизка — моя черно-бурая лиска!». Охотник, запах псины, кислый порошок, папиросы, самогон. Тетя Дуся? Нет...

Больше вспоминать было некого: отец и теоретически возможная вторая половина родни — знак пробела.

Странно, очень странно сошлись ощущения сумасшедшего дня и вечера: вдруг обретенная полная неуязвимость, колпак никем-ничем не пробиваемого стекла, конец долгих лет расчетов и маневров. Победа и... эта привязавшаяся задачка: «Лизáнька, Лизáнька». Как язык неудержимо трется о свежий зубной скол, и отлаженный всесильный мозг не в силах его остановить. Странное противоречие: победа, неуязвимый колпак — и этот царапающий скол: «Лизáнька». Какое-то время она думала даже о Серафиминим гипнозе, хотя никогда в ее «дар» особо не верила. Но странно: и сегодняшний простертый купол неуязвимости, и этот неожиданный царапающий скол — все связано с Серафимой... Измайлов тоже подхватил «Лизáньку», два — нет, три раза назвал ее так.

И дома, сбросив надоевшую мебель-салонную куртку и не вспомнив задернуть шторы, она все сновала из комнаты в кухню и обратно, открывала-закрывала дверцу бара, так ничего и не тронув, клацала холодильником, повторяя: «Лизáнька, Лизáнька».

Наконец все напряжение дня: прерванное свидание с Анной Лейх, «как бы арест», «как бы допрос», потом минуты торжества и эта прицепившаяся неотвязка — подкосило, и, как была, она плюхнулась лицом в подушку...

Разгадка ей пришла, как Менделееву одноименная таблица, во сне.

Или в момент Пробуждения. Настоящая тайна и магия Пробуждения — в том, что совершенно неизвестно, откуда приходит в мозг *самая* первая мысль! Вторую, любую последующую можно как-то объяснить: вытекает из предыдущих плюс реакция на сигналы окружающего мира: от звонка до выстрела. Но самая-то, самая первая? Кто-то ведь ее послал, забросил?

Такой первой мыслью проснувшейся Лизы Сумароковой и была разгадка: отчето вчера в синхрон с ее колл-центровским торжеством вдруг прицепилась эта «Лизáнька»? Только глянув на мокрую, черную подушку (косметика вчерашнего свидания с Анной Лейх) она и поняла, что «Лизáнька» — это же ее жалкое, уполовиненное детство. Так бы мог ее называть отец. Родители же перебирают варианты, чтоб не повторяться, внести собственный оттенок нежности. И если одна — «Лизочек», то другой — «Лизáнька». Вот и Измайлов вчера это произнес.

Вторая часть теории решалась проще. Почему эта детская ущербина возникла именно в момент выигранного сражения и только что обретенной безопасности?

Да потому что она всегда была! Только раньше заслонялась опасениями за свое место, зарплату, без которой — только домой в Торфобрикет. Страхами за успех своих планов (для конкурентов — интриг), в общем — за продолжавшуюся жизнь, даже сказать: «выживание». И как только этот постоянный, фоновый гул стих, сразу пробился мотивчик: «Ущербное детство-отрочество-юность». В этом решенном кроссворде нашлось место даже и Измайлову. Дурак, дурак Аркашка запускал ревнивые попреки. И сама она полная дура, когда раньше мгновениями, но все же думала об Измайлове — любовнике, восхищенном помощнике в ее планах. Отец же! Строгий, но снисходительный. Даже вчера, когда сказал: «Правильно, Лизáнька!

Всегда так ври, чтоб 95 процентов правды было!» Да! Он же вчера еще шлепнул ее, там, в фургоне. Точно...

Бездомная собачонка заглядывает в глаза прохожим, ищет хозяина. Вот так и достигай побед, высших уровней безопасности! Сразу всплывет... И самое ужасное (еще ожог), Боже, самое главное — так же будет всегда!.. Жалость, жалость, обида, жалость, быстро переходящие в ненависть к себе.

Ночное это открытие порадовало Сумарокову куда меньше, чем таблица — Менделеева. По правде говоря, и вовсе не порадовало, а совершенно даже подорвало ее силы. На сегодняшний новый день приход в Колл-центр, на грядущую презентацию книги Анны Лейх она теперь смотрела так отстраненно, словно все это должен будет проверить какой-то другой человек, а ей, Сумароковой, просто в офисе дали поручение дозвониться до этого человека и передать: сегодня в 10-00 его смена в Колл-центре, а в следующий четверг в клубе «Барон рохас» в 19-00 начало презентации.

Но даже и это малое офисное задание ее страшно тяготит: не хочется дозваниваться, слать эсмэски и электронные письма *этому* человеку, и черт вообще с *ним*, с *его* сменами и презентациями!

Психоаналитики (коим Колл-центр сильно сократил рынок) называют ночную мысль Сумароковой надутым важным фрейдовским словом: сублимация. Часто слово это произносит и козлиная Веденский. Выдай кто ему все подробности и последствия Лизанькиной ущербной «победы», он бы и сейчас сказал: «Миссионер Сумарокова, это сублимация». И она, честное слово, со всех сил врезала бы по его одутловатой морде... Как в этот миг врезала по мокрой черной подушке.

Она посмотрела на часы: 10-54 — и с прежним безразличием, механически считала: *тому* человеку, даже если сейчас же за 2 минуты одеться (а накраситься? — *он*, наверно, и не красится!), выскочить, добежать до метро «Алтуфьевская», доехать до «Цветного бульвара», добежать до бизнес-центра, подняться на 11-й этаж — *он* все равно опоздает на... час и 45 минут... Приподнялась на кровати, поглядела по сторонам, подняла мобильник. Батарея пуста, вчера было не до подзарядок. Вот почему *ей* нет звонков. Ведь кто-то уже мог *о ней* и побеспокоиться — час как началась смена.

Она поискала еще, у двери на тумбочке стоял забытый-брошенный городской телефон, дисковый! Хозяйке было все равно, ей — тем более. Поморщившись и протерев углом простыни пыль, она приложила трубку к уху и, удивляясь самой себе, начала крутить колесико с дырочками и цифрами, собирая номер... с которого и начиналось это повествование.

— Вас приветствует единый Колл-центр Церкви религиозного сознания. Звонок бесплатный. Если вы уже являетесь членом ЦРС, наберите в тональном режиме цифру 1. Если вы хотели бы присоединиться к ЦРС — цифру 2. Если вы хотите получить консультацию по вопросам религиозно-философских доктрин, богослужебной литературы других деноминаций — цифру 3. Ваш звонок очень важен для нас...

Тонального режима на этом драндулете не было, но через двадцать секунд (молодцы, работают!) ее соединили. Секретарь, техническая функция, не из их миссионерского полка, просто замена электронного коммутатора для таких дремучих абонентов. Сменяются они часто. Девушка, кажется Клава, в прошлом месяце пришла.

Странный эксперимент, впервые Сумарокова — *с той* стороны. Словно бактерия на стеклышке вдруг подняла глазки, заглянула в микроскоп, увидела напряженно расширенный зрачок биолога.

Проямлив чужими негнушимися губами про свою христианскую ориентацию, она совершенно сбилась на сути своего вопроса. Секретарь неумело допытывалась, а у Сумароковой пред глазами стояла схема работы, структура, новые оптимизации разветвлений Колл-центра, стрелки, рисуемые фломастерами на доске в грифти-ча-

сы. Подсознательный счетчик отмечал, что сейчас ее вызов забивает только один канал, секретарский, а звонки в тональном режиме продолжают обрабатываться. Она была одновременно и бактерией, и биологом.

— А! Вы, наверно, считаете, что если рядом ходят и здоровые, счастливые, и ка- леки, невинно пострадавшие, лишенные родителей— значит, весь мир создан не-справедливо?! И устроивший это Бог или не добр, или не всемогущ?! Тогда вам надо теодицею! Сейчас соединю...

Бактерия еще что-то бормотала, всхлипывая, а биолог уже перещелкнул линзы. Услышав голос Серафимы, она попыталась, сколько возможно, изменить свой, но не выдержала, разрыдалась уже в полный рыд.

— Лизáнька! Ты где? Мы тебя ждем, волнуемся. Что... нет только скажи, ты сей-час дома? Я пришлю Измайлова. Где ты живешь? А, у него ж есть адрес, у него все есть. Подожди немного, он скоро приедет. А я с тобой поговорю, только сейчас по-дожди минуточку, мне ж надо этого громилу позвать...

Шорохи, стуки: Серафима ищет свой телефон. Нашла.

— Измаайлав!

14. «Кузина моя жизнь»

Как всегда нескладно, не вовремя (надо было уезжать на презентацию книги Анны Лейх) супервайзера подловил Гера Ламин. Отказывается, не в состоянии ор-ганизовать ток-шоу «Есть ли Бог?», встроенное в передачу Серафимы Борисовны. Считает, что невозможно найти «*арбитров из числа незаинтересованных лиц*», и еще какая-то чушь. А ведь Веденский уже пообещал: Никиту Вескова пригласят высту-пить. Ладно, подумаем... «*незаинтересованных лиц*»... До завтра, Ламин.

— И еще, Лев Фомич. Еще новость, но уже хорошая, — улыбнулся наивный пле-мянник всемогущей тетки. — Вы же всегда говорили про важность коллективных звонков, обращений. В том месяце звонили две сестры-сиделки из «Евпраксы», это дом ребенка, то есть малютки, — продолжал Ламин, «не замечая выразительного взгляда на часы». Или у меня все-таки взгляд невыразительный? — вздохнул опазды-вающий супервайзер.

— Грудных детей, от которых отказались, передают. Сестры Наталья и Анна Лео-нидовна, и еще две — они уже несколько раз в Колл-центр звонили. Надрывно у них, конечно, каждый день детей брошенных видеть. Многие дети с физическими откло-нениями. Ну а поскольку сестры не только спрашивали, но и возмущались, почему Бог такое допускает, их на меня и переводили. Я, как мог, рассказывал, а они подно-сили, показывали по скайпу грудничков этих. Тяжело...

— Ну так в чем дело-то Ламин? И хорошая новость?

— А, — встрепенулся. — Я с ними уже раз три говорил, а сегодня позвонили, ска-зали: одну девочку назовут в честь меня. То есть в благодарность мне, Колл-центру. Им же надо имена давать. Они назвали ее... Теодицея! Девочку выбрали, они сказа-ли, потому что очень красивая, даже странно, что от такой отказались. У них ведь — и даунята, так они их называют. А эта красивая, они говорят: все оправдывает. Ра-боту их, мою. Мне показывали, по скайпу не очень разберешь, я в грудных не очень разбираюсь. Но, получается, крестным отцом стал. А мне ведь, честное слово, и рань-ше иногда казалось, что «Теодицея» звучит как женское имя. Гликерия, Федосья, Гортензия... Теодицея.

— Ты знаешь, Ламин, идея хорошая.

— К-какая идея?

— Расскажем об этом. И в нашей передаче, и газетам. Девочку наверняка удо-черят. Это же всем хорошо будет, так? Поймут, что мы не только Венер, Лаокоонов

из хлеба лепим, но и живые судьбы устраиваем. Так, я уже опаздываю. Подопечная Сумароковой выпустила книгу, пригласила нас на презентацию. Надо, хотя бы мне, сходить, поддержать. Интересно, клуб «Барон Рохас», ты, случайно, там... может, слышал о таком? Говорят, страшно дорогой, престижный.

Совпадение редчайшее: в эти минуты и прелат-директор собирался в клуб. Редчайшее, понятно, из-за Веденского, выбиравшегося второй раз за полтора года, для Хизинга же то была среда естественного обитания. Работал в России, можно сказать, «вахтовым методом». Семья в Пасадене, навещает редко. Кроме ежегодного отпуска, заезжает к ним, когда вызывает Конгрегационный совет. Жене Барбаре в Москве не нравилось по тем же причинам, по каким нравилось Стеллу Хизингу: вечные презентации всего и вся. Клубы. Валящие, как русский снег, друзья-приятели, подмосковные виллы, дворцы и девицы, девицы, девицы, страшно красивые и наглые. Мобилизуя всю современность и широту взглядов, она еще могла по полгода оставлять в этом чаду мужа, но самой... Увольте — предпочитала не столь лихорадочные уик-энды. К тому же русские, московские уик-энды начинались в четверг или даже в среды. Нет, на работу ее муж выезжал, но она же видела — все крутилось вокруг очередных гала-фуршетов, мегатусовок, телетрансляций из галерей, представительских функций... Это при том, что именно Барбара достала Стеллу такую московскую синекуру: она была давнишней подругой, любимой партнершей в бридж у всесильной Виолы Меддок, жены преподобного.

Хизинг не то чтобы стеснялся... нет, все же стеснялся, избегал подробно высвечивать корни своей карьеры. Просто зачем? — все и так складывалось в достойную, естественную картинку. Он — известный славист, гарвардский выпускник, совершенный русский язык, автор монографии о Чехове, статей, в том числе в московской прессе. Литературные, смешные знакомства. Идеальный представитель для ЦРС — умной, «зрячей» религии, к тому же — на фланг реальной работы, колл-центровской практики подыскал двух достойных помощников.

А в этот совпавший с лейховской презентацией вечер его должны были представить дочери и внучке покойного академика Андрея Книппера. Дело в том, что издатель отверг рукопись его книги о Чехове и Станиславском.

— Очередная... У-фф. У вас будет третья, а в США, наверно, сто тридцать третья. И никаких новых фактов, людей, никакого эксклюзива. Словно вы и не в Москве сейчас, а в Пасадене в библиотеке роетесь! Для своей конгрегации вон нашли же оригинального эка-скульптора с хлебным мякишем, были здесь в газетах упоминания. А в вашей книге все старый набор. Ищите!

И Хизинг, похоже, нашел: издатель идею принял. Ставка на окружение Чехова, расходящиеся волны таланта, открывавшие в «чеховском кругу» людей, целые династии, на которых природа все никак не отдохнет.

Ольга Константиновна Книппер, «дважды племянница» Чехова: 1) Племянница Ольги Леонардовны Книппер, жены Антона Павловича. 2) Жена племянника Антона Павловича, Михаила Чехова.

Последующие мужья в Германии, Бельгии умоляли взять их фамилии, но она оставалась Ольга Чехова.

«Любимая кинозвезда Гитлера», «Государственная актриса Третьего рейха». Но репутация проверена, как говорится, «кем следует»: в 1945 году была в Москве, навещала тетку Ольгу Леонардовну, спокойно вернулась в Германию... Бездарный, но известный британский историк уже накропал книгу, намекающую, что на приемах у Гитлера Ольга выполняла задания Сталина. Но фактов у британца ноль, а между тем в Москве живут Книпперы. В их династии: известный композитор Лев Книппер («Полюшко-поле»). Родной племянник «мистериос» Ольги Чеховой

Андрей Львович Книппер стал главным советско-российским геологом. Директор Института геологии РАН.

Журналистов Книпперы не жалуют, но по типичной московской «протекции»... Хизингу открывался целый пласт.

Рассмотрев дошедшие по почте фотографии дочери и внучки академика («Природа не отдыхает!»), он сегодня долго, мучительно подбирал галстук, но остановился на шейном платке.

В общем, даже неплохо, что презентация книги «Кузина моя жизнь» Анны Петровны Лейх прошла без ее куратора и вдохновителя Елизаветы Сумароковой. Бог знает, чего они там вдвоем наговорили и натворили бы.

Выданный издательством «на сдачу» энергичный литсотрудник Гена заманил 8 репортеров, обозревателей, две телебригады приехали по договоренности собственной Илья Евсеевича пиар-службы.

Приглашений Колл-центру, как обещала Сумарокова было два. Прелат-директора брат Ведынский не хотел, Измайлов отказался сам, так и образовался на супервип-тусовке миссионер Аркадий Незванов. Далее: журналисты-обозреватели, лейховские бизнес-друзья-жены, в том числе преисполненный страшного скрытого влияния, умышленно запрятавшийся во второй сотне русского Форбса Дмитрий Гарин и прочие.

Если предположить такую нелепицу, если бы Илью Лейха как-то интересовал коммерческий успех книги, то отсутствие на презентации Сумароковой, прежней бешеной Сумароковой можно было посчитать за неудачу. Тягучую атмосферу издательский сотрудник Гена рассекал и встряхивал, как мог. Обычно писателей на эстраде усаживают за какой-нибудь столик: и локти можно поставить, и укрыться хотя б наполовину, но где ж тут взять — обычное! Анна Петровна то ли вызывающе, то ли отстраненно сидела ножка на ножку прямо посреди эстрады, где недавно пела Бейонсе, рядом от пола на полтора метра поднимались три колоны книг. Самой яркой деталью была выставленная верхняя из скрещенных ног: золотистый чулок (видно было, что именно — чулок) и полуснятая туфелька, вертевшаяся на самых пальчиках узкой ступни. Черное облегающее, наверняка дорожное платье с разрезами от кутюр и странное немного ожерелье: не разливающееся, как обычно, по «зоне декольте», а короткое, один плотный оборот на шее, прямо бриллиантовый ошейник.

Семь круглых столов, по шесть приборов. Сорок избранных располагались несмешанно-неслиянно, пять столов: бизнес-друзья с женами, два: журналисты и причисленные к ним Ведынский с Незвановым.

У подножия эстрады вполоборота к залу литсотрудник Гена модерировал процесс, шарахаясь от редких взглядов Анны Лейх, бизнес-элиты и неудержимо сползая на тон тамады на бандитской свадьбе. Илья Евсеевич Лейх был привычно напряжен — привычно для любых мероприятий последних двух лет с участием супруги.

Теоретически позиция Ведынского была выигрышна. Он имел самую полную «инсайдерскую информацию», пересмотрел с десятком часов записей их сеансов и теперь наблюдал, как в отсутствие Сумароковой в красивую головку Анны, раздвигая обильные ее золото-платиновые, чуть завитые пряди, влезал под бум-бум своего шаманского тамтама тот колдун с тихоокеанского атолла Бикини. Сейчас начнется его диктант, держитесь...

Илье Евсеевичу можно будет сказать... что? Что метод психоаналитиков Колл-центра все же действен, вышедшая книга в любом случае — высокоинтеллектуальный продукт, каковой просто невозможно было бы создать в том состоянии, с которым Анна Петровна к нам обратилась. Сейчас ввиду временного отсутствия курирующего миссионера Сумароковой еще возможны некоторые рецидивы, ре-

миссия, но общий тренд... Только бы обошлось без падучей, кликушества, стриптиза, рукопашной. Только...

Тамада-модератор о подобных угрозах и представления не имел. Для него, издательства, неудачей считалась бы скука и если равнодушные бизнес-элиты не удасться скрыть от приглашенных журналистов.

— Анна Петровна, вы, конечно, представляли всю меру ответственности, обыгрывая в названии своей книги столь значимые слова Пастернака. И, однако, пошли на эту рискованную игру. «Кухня моя жизнь»! Почему?

— Просто я стала двоюродной самой себе.

Напрягшегося супервайзера чуть отпустило. Вполне обычный ответ, в этом... в литературном вкусе. Вон критики закивали. И все же беспорядки не исключаются. Чем она может швырнуть? Только получается, книжками со стопок. Увесистые. Эх, для любой «нештатной» — хорошо бы сюда Измайлова. А он, принялся вспоминать Веденский, отказался сегодня, как-то грубовато. Тут поневоле станешь мнительным: весь расклад сил как-то накренился в сторону шефа-секьюрити. С работы они уже семь раз уезжали вместе с Серафимой Борисовной. А операция «Мебельный фургон»? Ведь столько риска он взвалил на Измайлова, все исполнено, и что в сухом осадке имеем? Временно нетрудоспособную Сумарокову? Как-то уж больно резко Серафима встала на ее защиту, странно, даже подозрительно. Что ей? И лейховский проект остановился.

— *...И рвется приводной ремень. И дольше века длится день.*

На этом энергичном финале стихотворения вертевшаяся на мыске левой ноги черная туфелька (действительно похоже на ремень и шкив) слетела, открыв полноту совершенства. Теперь по высоте подъема, красоте изгиба узкая ступня Анны Лейх вызвала ассоциации с каким-то фужером, бокалом. Поднимать туфельку поэтесса не стала, лишь переменяла ногу и теперь на мыске закружилась правая лодочка.

— И все-таки, Анна Петровна, почему именно Пастернак? Почему век спустя, в наше кризисное время вы обращаете российскую публику к... этому небожителю, как называл его Иосиф Виссарионович Сталин?!

— Кто-кто его так называл?

«Ну началось, — подумал Веденский. — И что у них там, на атоллах тихоокеанских, про генералиссимуса нашего не слышали?»

— Ну как же? Иоси... товарищ Сталин так сказал. Когда...

Но ничего не началось. Обозреватели только поставили жирный минус тамаде и его издательству за намерение политизировать презентацию, раздуть рекламу книги за счет «сталинского дискурса». Автору ж наоборот: респект за полный игнор, служение чистому искусству.

Напрягаться скорее следовало бизнес-друзьям-женам, когда, «вырвавшись на оперативный простор», привстав и нанизывая звонкие децибелы, Анна оборотилась к их столам:

Утопить вас — лучшее из действий.

Я кричу: «Считаю до пяти!»

Но говно — не тонет.

Даже в фарисействе.

Жизнь прожить — не поле перейти...

Но... аплодисменты же! Дмитрий Гарин осторожно, даром что с третьей инвестиционной почкой, цедил «Редерер».

В поэтическом потоке, любуемся со сцены, Веденский (поймал себя на мысли) ждал единственно каких-нибудь строк, слов о Колл-центре. Тщеславие? Нет, он со-

глашался со своей «теневой» (пока) ролью, но ее вдохновителя, «литературного тренера» Сумарокову, можно же как-то было упомянуть.

Единственную, весьма скупую, реакцию на все с ними приключившееся Веденский уловил в том стихотворении, что начиналось благородно пастернаковски «На меня уставлен сумрак ночи», а заканчивалось, простите, *говном* и *фарисейством*. Анна Лейх прочитала его с новой строфой, прямым упоминанием имени подруги. В презентуемой книге такого не было — Веденский через стол попросил у какого-то важного бородача, наверно критика, экземпляр, убедился. Добавление, похоже, и стало единственным «поэтическим отражением» их прерванного сумасшедшего свидания.

— Гамлет, быть или не быть?
— Все равно тебе водить...
Лиза, счастья не проси. Бей бинокли на оси!

А на самой последней страничке книги мелким шрифтом (как приписка «*Не давите гадину*» на цээрэсовских бумагах) стояло: «*Автор благодарит: Е. С. — за советы и понимание; И. Л. — за непонимание и финансовую поддержку*».

Да, трудно быть олигархом!

Почти синхронно с десертом началась кампания дарения, подписания книг. Чинно, неспешно гости поднимались на сцену, брали со стопок черные с золотым обрезами томики — только теперь и разгадали изящный отсыл к черному платью, золоченым чулкам и черным же туфелькам автора. Становились в очередь, стараясь, чтоб не более пяти-шести человек.

Принимая на колено книгу, она вскидывала из-под злато-платиновых прядей неожиданно внимательный взгляд — два изумрудных блика, одариваемый называл себя, и она неспешно вышивала мужниным «Паркером» кому две, кому три строки.

Две, это если: «*Такому-то...*»

С уважением, от автора»,

Если три — значит, еще и краткое пожелание.

Единственным унижением для бизнес-друзей-жен, а может, и просто оригинальным финалом было то, что и на самых давнишних друзей мужа, их притершихся жен она точно так же вскидывала взгляд, и те покорно диктовали имена-отчества-фамилии. И всем (различно было и с нескольких шагов): только две или три строки...

«Вот так. А если бы сегодня здесь был Сурков?!» — интонация мысленной фразы Веденского отсылала к первому визиту Ильи Лейха в Колл-центр, а еще к старому армейскому анекдоту: «А если бы он вез патроны?!» Не насилюя свои минус два (речь о диоптриях) и навык чтения вверх ногами, Веденский только различил, что ему были уделены три строки, с достоинством принял свой томик, неспешно вернулся к десерту, отхлебнул кофе, открыл:

Льву Фомичу Веденскому.
Хрен тебе, а не Ханты-Мансийск.
С уважением, Анна Лейх.

И ведь все, все три строчки выписаны абсолютно одинаковыми, ровными буквами. Почерк отличницы из какого-нибудь пятого «а» класса, ни нажима, ни подрагиваний, ни нервических вытягиваний ножек букв «х», «к», «р»...

Ну просто смерть, психушка, дисквалификация любому графологу.

Вот Барбаре Хизинг, получившей анонимный файл из Москвы, графолог был не нужен, потому что «анонимным письмом» в старом, XIX века значении его и назвать

было нельзя. О почерке анонимки, бросившей Пушкина на пистолет Дантеса, написаны тома (говорят, все же — Долгорукий), а тут при том, что смысл очень схож — только несколько электронных букв, байтов. Нет, смерть и безработица — графологам! «Чи байты»? Главное в «прицепленных», репейниковых приложениях, видеофайлах. Муж со своими «представительскими функциями» заигрался. К чести миссионера Сумароковой, кадры с ней и Хизингом были *самые приличные*, обычная эскорт-девица, лимузины, переговорные... Зайти с нею дальше — был главный страх Хизинга: потеряешь не только жену, вхожую в дом преподобного Меддока, абсолютно незаменимую партнершу в бридж его жены... Жалко было бы и годами выработанного пикировочного легкого, очень веселого блаженно-необязательно-го тона («Завтра надо будет... — Зубную щетку брать?»). По идее это стиль общения студенческих времен — видно, в Гарварде Стелл Хизинг был этим обделен. Сложность ли предметов, загруженность семестров, знаменитые слависты, Роман ли Якобсон, Баяра Арутюнова и их дух тому виной, уже неважно, обделен, и все. И компенсация — лишь эта недавняя студентка МГУ. Да, зато другие клубные, загородные фото Хизинга были уже в полном смысле слова: ком-про-мат. Ангельское терпение Барбары кончилось.

15. Анонимки и московский рэйв

Гамлет, быть или не быть? — Все равно тебе водить.

Анна Лейх

— Серафима Борисовна, вы, пожалуйста, завтра на службу не приходите. Оставьте своих страждущих... постраждовать денек без вас. У нас тут будет заварушка большая. Гритти-час выльется, наверно, в гритти-день.

— Да что там, Паша, такое?

— Сливают Хизинга. Может, и нас... Версию вашенинскую так удачно вписали. Аккуратно. По всем документам: технический работник, просто уборщица, язвы его. Думал, все, бито... И вот настучала же какая-то... Следователь предупредил. Анонимка современенькая такая... электронная, с файлами прицепленными: записи бесед миссионера Вашенина. И служебное расследование: кому, что, как мог напроповедовать? И много ли у нас таких еще?

Незванов набрав номер Сумароковой, сказал об этом гораздо короче: «Завтра у нас будет рэйв».

И Елизавета, вторую неделю лежавшая дома, выходявшая только за молоком и хлебом, решила поехать в Колл-центр. Прервать бултыхание в волнах ущербного детства, воспоминаниях двадцатилетней и недельной давности... Измайлов, кто его знает как, долетел тогда меньше чем за двадцать пять минут, пока выстрелившая им Серафима баюкала Лизáнку по телефону. Тонко почувствовала: Сумарокову сейчас потихоньку переполняет тихая благодарность, но и подгрызает один вопрос: источник? Почему?!

Почему вчера защитила, мановением своей смуглой легкой руки воздвигла неуязвимый купол? И сейчас утешает, отваживает от страшных планов ту, что злилась на нее, злословила, ревновала к ней Измайлова. И если она, Серафима, творит это по своей вселенской доброте, солнечными лучами льющей на всех и вся, этого мало. Ужасно мало, как того же Солнца — планете Плутон.

Сумароковой была нужна хоть сотая доля, промилле градуса, но персональной в ее адрес доброты. Посланной только ей, за что-то. За что? — так это и бу-

дет ее последний шанс понять свою личность. Нет, не «Глобальное потепление», и не всеобщая Божественная Любовь, пусть даже Бог, наконец, и получит за это свою долгожданную Теодицею, выход по УДО, «реабилитацию по эпизодам с Нероном, Торквемадой и Гитлером», «амнистию вчистую»!

Даже у Золушки была своя личная крестная, фея! Лизанька ждала любой зацепки, согласная даже, наверно, на какой-нибудь индийский, латиноамериканский телесериальный виток с подменами, потерями младенцев, по которому Серафима или Измайлов кем-то ей доводились, разыскали и ждут момента рассказать ей... что-то еще серий на пять.

А это, оказывается... Гера! Пока пущенный стрелой *Измайлав* летел к ней на Алтуфьевку, покупал молоко, Серафима не отпуская Лизу от трубки рассказала...

Полузабытый Гера еще в прошлом году съездил в поселок Торфобрикет Костромской области, к Вере Михайловне, ее матери. Познакомиться. Не просить в старорежимном формате «руки дочери», но так, на всякий случай... если вдруг когда-то каким-то чудом Елизавета согласится выйти за него, то вот он, позвольте отрекомендоваться: Гера Петрович Ламин, коллега по работе, скайп-миссионер, специалист по Теодицее.

Ведь у матери, живущей далеко... как ни радостно было бы известие, что дочь выходит замуж, всегда примешается страх неизвестности. Кто там? Что за человек?.. Вот именно на этот случай он сейчас и представляется. Хотя вероятность такой для себя удачи он трезво оценил в одну десятую процента, 0,001, по-научному — промилле, но тем не менее...

Вере Михайловне он понравился ужасно. Именно и только его она признала «достойной парой» для своей сумасбродной дочки. Но Гера Петрович, вручая ей «оборудование для связи», взял с нее самое серьезное слово ни в коем случае не *молвить за него* и полсловечка. Сильнее самых страшных клятв подействовал простой, трезвый довод:

— Вы же, Вера Михайловна, знаете свою дочь. Любое ваше слово, полнамека погубят меня в ее глазах окончательно, лишат и того промилле. Я и так для нее «тетушкин петушок».

Серафима словно раскручивала перед изумленной Сумароковой свиток какой-то сказки. Оборудование для связи? Ноутбук со специальной флешкой-модемом, позволявшей выходить в космос безлимитного Интернета. Еще новость. Мать так не любила технические новинки, обрубая на половине и само слово «гаджет». В редкие приезды Лизы, когда та раскрывала «шарманку», заглядывала через плечо, мрачно калькулируя украденные у нее минуты общения с дочерью.

А Гера — звездный его час — не только преодолел барьер неприятия, научил Веру Михайловну пользоваться даже скайпом. Для примера он и набрал мой (рассказывала Серафима Борисовна) домашний номер, подключился, познакомил нас. Заставил Веру Михайловну для закрепления навыка подключаться самой.

И еще же один, не меньший барьер Гера Ламин преодолел тогда буквально с ленту. Лиза знала строжайшую щепетильность матери, в денежных да и всех прочих вопросах, строгость, что когда-то вернула выпускницу МГУ в поселок Торфобрикет. И чтобы мать согласилась принять такой подарок! Пункт помесечной оплаты Интернета Гера столь же ловко утопил в технических лжеподробностях: «Вот эта флешка-модем обеспечит вам выход...»

Диковинно было Вере Михаловне через неделю увидеть своего «промилле-зятя» уже на другом крыле скайп-сеанса, дома у своей тетки, под иконой Казанской Божьей Матери. Ради удачи великого плана она даже удержалась, не призналась дочери, так и ходила звонить ей на почту или к соседям Кульневым. Те зафиксиро-

ванные в файлах Веденского два звонка из поселка Торфобриккет Костромской области — это Вера Михайловна обращалась к Серафиме. Приспичило.

— Так мы с твоей матерью и подружились. Обе сидим под Казанской, я ей все про себя да про Геру, а она нам про тебя, — завершала успокоительный, терапевтический рассказ Серафима Борисовна, когда посланный ее стрелой Измайлов уже пролетал к Алтуфьевской эстакаде, сверяя указатели с навигатором, рассчитывая через четыре минуты быть на месте.

— Ты, Лизáнька, спрашивала, за что это я тебя защищаю? Что такого выглядела? Видишь, какая я визионерша липовая. И все-все-то мне твоя мама рассказала. И что ты, как ни жалеешь себя — а срываешься и так начинаешь себя винить и ненавидеть, что ей за тебя страшно. А ты, Лизáнька, значит, у нее, м-м, вспомню: страшно пылкая, азартная, гордая, но в душе добрая — это она тебя отмолила.

— Ой, я вас умоляю!

В общем, мамочке удался очередной ее фирменный финт. И ведь под самым носом у дочки. И подумать было нельзя.

— А про отца... что-нибудь... вам говорила?

— Немножко говорила... Ой, это у тебя там в дверь звонок? Измайлов. Молодец, стрелой домчался. Ну иди открывай.

Доисторическим гудком допотопный хозяйкин телефон просигналил, что там, в Колл-центре, Серафима положила трубку. А Сумарокова, чуть отведя от уха из-за мощного дикого гудка, все держала свою, непривычно тяжелую, из той кондовой старосоветской коричневой пластмассы, что, кажется, шла еще только на выпуск старушечьих гребенок для пучков на затылке...

Потом поцеловала мембрану и, положив трубку, пошла на ватных ногах открывать дверь.

Отступая перед ним, как перед поршнем — пушинка, что в каком-то старом школьном опыте должна была исхитриться упасть вровень со свинцовой дробью, Сумарокова так и пропятилась перед ним весь коридор, полкомнаты и, упершись, присела на кровать.

Громила присел рядом, отложил кирпичи молочных пакетов, посмотрел внимательно, потянулся было к ее... «Ухо? Оттаскает?» Но он только погладил ее по разметанным смоляным прядям и протянул ей угол одеяла.

Она быстро закрутилась, соображая, что еще ведь и холодно. Измайлов, подхватив пакеты, пошел на кухню: «Но ты молочка-то все равно выпей. Успокаивает».

Громыхание посуды. Сумарокова, вдруг пробитая такой крупной дрожью, словно в нее стреляли не дробью а картечью, подскочила, отбросив одеяло, подошла к гардеробу, отыскала шерстяной свитер, натянула. Дрожь не то что не проходила — грозила перейти в судороги. Обхватив себя руками, она постояла так минуты три и все же двинулась на кухню.

Горячее молоко да плюс сильный, уверенный мужской голос и правда помогают... ну абсолютно от всего. Молоко выполняло роль противосудорожного, антилихорадочного снадобья. На третьей кружке зубы Сумароковой перестали клцать...

— Ну вот и порядок. Поеду я уже...

— А вы на Серафиме женитесь?

— Женюсь, — спокойно ответил Измайлов. — А ты чего улыбаешься?

— Да так, представила. В шутку. Что если вы женитесь на Серафиме, а я выйду замуж за Геру Ламина, чего тут все ждут, то, получается, буду вам племянницей... А у меня уже был дядя. Дядя Гриша. Он мне кричал: «Лизка — моя черно-бурая лиска!», потому что был охотником. Помню запах псины, кислого пороха...

— И где ж он?

— Умер. Давно. Я во второй класс ходила.

Так неделю и хлебала молоко. Пополняя запас, не могла заставить себя дойти до супермаркета, покупала его, хлеб, сосиски и шоколад в ларьке, что в двадцати шагах от подъезда.

Звонил Веденский. Елейным тоном сообщал, что все понимает. Что, может, слишком сурово было направлять Измайлова на перехват их с Анной Лейх свидания, но контроль и безопасность клиентов — непреложное правило Колл-центра, а она, Сумарокова, может хоть... еще десять дней не выходить на работу с сохранением полного объема зарплаты и квартальных бонусов. Жаловался немного на Анну Петровну, грубовато обошедшуюся с ним на презентации книги. Но Елизавета, разумеется, помнит их договоренность, непреложное условие продолжения ее работы в Колл-центре, слово, данное в присутствии Измайлова, принятый план, по которому Веденский становился прелат-директором, а супервайзером — она...

— Да-да, конечно, помню. Ханты-Мансийск, и ни сантиметром меньше.

Даже в телефонной передаче тон Сумароковой весьма напоминал реплики ее подруги Анны Лейх на презентации. Та же отстраненность, легкое удивление: «Кто все эти люди?» Но вроде Анна Петровна ей звонила, благодарила за книгу, обещала решить дело по созданию Западно-Сибирского отделения ЦРС, а надпись на подаренной книге... («И правда звонила. Общались», — только теперь поверил Веденский.) Надпись была еще самой мягкой реакцией на давешнее, чисто омовское вторжение в их мебельный фургон. И еще самой снисходительной — это она, Елизавета, уговорила ее, успокоила.

Но у самого Веденского эмоционального высвобождения не наступало, Сумарокова говорила спокойно, совершенно отчетливо, но как-то мимоходом, словно о чем-то совершенно неважном. А ведь еще недавно за проект «Анна Лейх» вскидывалась коброй, раздувала капюшон...

Положив трубку, Елизавета еще минут десять смотрела на стену, отыскивая то место, где «абстракционизм» обойного рисунка неожиданно складывался в силуэт рыцаря, допустим Дон Кихота. Латы, чуть кривое копьё, а глаз и грива лошади очень похожи... И накинув на голое тело плащ, вставив ноги в хозяйкины чуни, она пошла за молоком...

Правильно говорят, у кошки — девять жизней, и потихоньку задавленная было Сумарокова начала отползать от края морального надлома и почти уже перестала жалеть и ненавидеть себя, когда Аркадий Незванов сообщил: «Завтра у нас будет рэйв».

Выходить на работу в ближайшие дни она так и так собиралась — почему не завтра? Только третий раз за эти дни, но впервые основательно она присела к зеркалу. Из хозяйкиной обстановки ей более всего нравился этот старомодный низкий трельяж с пуфиком. Играя поворотом зеркал, можно было полюбоваться своим профилем, попытаться заглянуть в бесконечность, скосив глаза к галерее отражений яркой, красивой брюнетки с красной розой в густых прядях или без розы.

Сегодня не игра — смотр после сражения... Круги под глазами — еще не самое тяжелое, но эти складки — превратятся ли в морщины? Или уйдут? Осунувшееся лицо, притухшие глаза, какая-то жилка на шее и, Боже, семь, восемь, девять... седых волос, выданные на обозрение общим смоляным фоном. А сам этот «фон»? Не потускнел ли? Блеск волос, характерный для детей и молодых кошек-собак был важной «ударной силой». Но об их состоянии в вечернем комнатном свете судить было тяжело, тут важны отражения в дневных зеркалах, мужских глазах... А в общем, кажется, немного постарела, и коэффициент Мэлори сейчас... если честно... хорошо, если 82—85.

Первый выход *после* — о! тут и нужны резервы характера, «гордость и азарт» (Мамина оценка в передаче Серафимы — а лично услышать так и не довелось. Эх, мама!) И первый взгляд Кудрявцевой, как выпад, она приняла по-измайловски, не

отводя глаз. Еще пара ремизов. На долю мига потупившийся Аркадий, виноватый спаниель... и, кажется, можно было предположить... продолжить... *считать раны, товарищей считать.*

Впрочем, «гордая, азартная», она и секунды не сомневалась в возможности своего сокрушительного реванша, размазывания Кудрявцевой, раскаяния Аркадия... Как только, когда только и если только она захочет.

16. И грянул рэйв, московский рэйв

Под портретом преподобного Сайруса Меддока за сдвинутыми столами восседала привычная тройца, но, похоже, расколотая на новом витке интриги. Вроде как Хизинг — против двух других. Измайлов опять принес свой графин, такой старорежимный, за ним, наверно, охотились бы реквизитчики «Мосфильма». Водружал его посередине стола, часто даже (как и в этот раз) не обеспечив комплектного стакана — только чтобы отзванивать по горлышку или стеклянной пробке, требуя тишины и внимания.

Скайп-миссионеры традиционно в первом ряду, почет, но и морока, не укрыться, когда григги-часы затягиваются. А уж сегодня... Аркадий привычно сел одесную Сумароковой, далее Кудрявцева, Ламин, Гальцин.

«Стелл из Гарвардских» или «Стелл Бостонский» (это у них рядом)... прервал... нет, не тишину, а мушиное зудение зала:

— Дорогие собратья-миссионеры! Сегодняшнее собрание я начну с перечня переводов и истолкований имен врага рода человеческого. Хотя по своей работе, многие вы наверняка знаете, все же напомним. *Сатана* на хебру, иврите, означает: противник, враг, обвинитель *на суде*, — добавил Хизинг легким интонационным нажимом. — Далее. Вельзевул, Баал Зебул, Господин мух... ну это сейчас менее актуально. А, вот... Дьявол — от древнегреческого диаволос, клеветник!

В этих перечисленных смыслах, кроме вельзевула, и проявил себя один из наших сотрудников, собратьев, сообщив, что Вашенин был миссионером и прихожанином, практикующим членом ЦРС. С Иудой его сравнивать не буду, я же не Спаситель, но назову его — Сатана, то есть судебный обвинитель, и Дьявол — клеветник! Нанес нашей организации он вред, не меньший, чем Вашенин! И теперь я хочу донести до вас свою позицию и просьбу руководства ЦРС и Колл-центра подписать совместную опровергающую хартию..

Подъяз над столом лист, как многие библейские персонажи поднимали над толпой свои свитки, а Моисей — каменные скрижали, правой рукой он, полуобернувшись к экрану, щелкал пультом, сдвигая вверх пункты солидарного заявления работников Колл-центра.

Смешки, и, как показалось Хизингу, довольно злобные, сбили его с любимого полубиблейского тона. Вопросительно, потом и вовсе растерянно, переводя взгляд с бунтующей паствы на Измайлова, прелат-директор продолжал обращение, повторив некоторые пункты во второй, даже и в третий раз. Ясно сформулированных возражений он так и не услышал, только гул, междометия, смех... все, что в сумме помечается театральной ремаркой: «*Глухой ропот народа*». Измайлов, сидевший одесную Хизинга, помочь пока не мог. Вскидываясь на поднимавших голос чуть выше, он гасил их сфокусированным грозным взглядом, но растущий общий гул — вне компетенции. Так садовник, отпустив зелень в рост, состригает лишь слишком вырвавшиеся ветки.

И второй чрезвычайный план был его авторства, Веденский и Хизинг понимали: сами ничего лучше не придумают. Первая измайловская версия теперь выворачи-

валась змеей: 1) Вашенин по-прежнему — НЕ прихожанин ЦРС; 2) но получается, Вашенин подсаживался в свободные миссионерские кабинки и вещал, отставив свои щетки, пылесосы, самочинно и незаконно. Виновный персонально: Измайлов. Косвенно: Хизинг, Веденский. Все.

Совместную хартию для ЦРС прямо сейчас подпишут все сотрудники. Они же невиновны в допуске посторонних, уборщиц — к кабинкам, микрофонам...

Хитрость Измайлова в том, что теперь этот «вельзевул»-анонимщик не сможет держать ситуацию подвешенной. Вскроется сейчас, на подписании. Или (более вероятно) побоится, но тогда ему придется не позже дня-двух опять таки вскрываться. Отказываться от подписи, плакаться, что его заставили... И что в остатке? Одно показание против 42-х. И в любом случае — дело выясняется в течении дня-двух.

Конечно, ничего, кроме ухмылок и шиканья, новый змеиный изгиб версии вызвать не мог. «Повязать хотят такой чушью!» Опять «Гул, глухой ропот народа».

Измайлов, который объективно принимал 99 % вины на себя (посторонний выходил в эфир), встал, вскинулся грубо, в стиле гоголевского городничего «Жаловаться, сукины дети?!». Но инстинкт, выдержка не подвели: «монолог городничего» прошел с выключенным звуком. Стоял, только обводя сообщество грозным взглядом.

А перейдя наконец к озвученной части, сам того не зная, он почти повторил прием знаменитой речи шекспировского Марка Антония, где тот вроде соглашался с убийцами Цезаря («...сказал так Брут, а он достойный человек»), а фактически обрушивал на них гору ненависти римлян...

Если решено отправить ЦРС *такую* версию, значит, ясно: другой там и не ждут, значит, проведена какая-то работа. Далее вопрос. Между любым из вас, проповедовавшим законно, и... кем-то усевшимся в кресло миссионера самозвано, будь он сам Иоанн Златоуст, в чем вообще разница?..

«В чем есть истина?» — прокомментировал неугомонный Аркадий.

—...Будь он... Тем более он и не Златоуст, а всего лишь какой-то...

— Не надо-не надо! Понятно! — пискнул, сбивая грозную паузу Веденский.

— Вся разница — вот только в этих четырех бумагах: «Приказ», «Список», «График», «Контракт»... Подписаны нами тремя. На какой мы машине времени назад, на начало февраля слетали их подписать — наше дело. Все. Другой реальности просто нет, приходя сюда работать, вы принимаете это. И если кто-то взялся писать по воздуху что-то от себя... Пытаясь развалить Колл-центр... Что с такими работниками надо делать?

— Увольнять! Увольнять, как бешеных собак!

На этом змеином выраже колл-центровских «американских горок», между прочим, если и сдувалась чья-то харизма то Хизинга. Измайлов вполне адекватен, даже на высоте, выкладывая им в лицо. «Вы прекрасно понимаете. И я понимаю, что вы понимаете, но...»

А вот Хизинг — не экс-зэк, а гарвардец, тонкий литератор, знаток Чехова, Станиславского и сидит сейчас под портретом своего преподобного и, ласково улыбаясь, кивает этому апофеозу цинизма... Нет, Измайлов-то сам по себе хорош, но где же базовые ценности, различия? Принципы, на которых воспитывались поколения? Он-то ведь не в ГУЛАГе парился, а жил в США, и даже там, не в Алькатрасе каком-нибудь, а в Бостоне! В гарвардских аудиториях, помнивших еще Романа Якобсона, Баяру Арутюнову! Не парашу таскал — конспекты, книги... И теперь — в полный унисон с экс-зэком выдал такой цинизм в промышленных масштабах...

И тут Веденский определил: «Да, момент!» Ленинское ли «послезавтра — поздно» он вспоминал или все же нашел учителя поближе, за столиком справа. Вскрывать так вскрывать, Пасадена теперь тоже не сможет держать ситуацию подвешенной.

— ...И поскольку мы, собратья-миссионеры, прекрасно понимаем, что ответственность ляжет преимущественно на шефа-секьюрити, более справедливым да и более устойчивым положение станет, когда мы выразим и свое отношение. Или хотя бы просто дадим знать Конгрегационному совету, как мы дошли до такого кризиса. Я тоже заготовил проект письма, где объективно отразил известную всем вам ситуацию. Полтора года господин прелат-директор фактически устранился от руководства Колл-центром. Пишет свою книгу о Чехове и Станиславском, прекрасно. Мы все и я первый с удовольствием ее читаем. И... на сегодня должность прелат-директора превратилась... правильно — в синекуру. Но дело не только в сэлэри, бонусах, огромных командировочных и представительских расходах! Если помните, Церковь религиозного сознания при всей широте взглядов никогда не отказывалась от своего евангелического (протестантского) происхождения, являясь шестым отпочкованием от великой линии Мартина Лютера, если вторым считать отделение в конце XVI века пресвитерианства-кальвинизма. А вам, специалистам, надеюсь, не надо напоминать, с чего Мартин Лютер начал свою борьбу?

— 95 тезисов против продажи индульгенций? — Метрохин. Как всегда правильно, до банальности. И не по существу.

— М-м, да, правильно. Ну а следующий пункт его борьбы, кроме индульгенций? — И Веденский поспешил к резюме исторического экскурса сам. — Мартин Лютер выступил против продажи церковных должностей и... синекур!

— Вот как надо «шить политику»! — восхищенно протянул Гальцин.

В списке самых свежих прегрешений стояло и вмешательство в олимпийское движение, переговоры в Федерации спортивного барстепа, причем... с использованием миссионерок Колл-центра в качестве эскорт-девиц.

«Класс! Это он нашего чеховофила уже чисто папой Александром Шестым Борджиа выводит!» — перешептывались миссионеры. И как же они были близки к попаданию! Буквально на следующей странице обличительной хартии:

— Вложив пока неизвестные работникам Колл-центра, но очевидно очень значительные средства в проект ваятеля Георгия Дубинина, прелат-директор заказал ему целую галерею копий, подражаний знаменитым мировым скульптурам. Эти стилизации, представляя собой в том числе скульптурные портреты руководства и миссионеров, сделали Колл-центр похожим на Ватикан! С его музеями Пия-Климента, Кьярамонти, Ватиканской пинакотекой и «Апартаментами Борджиа» (*Agal!*), где как раз и хранится скульптура Лаокоона, хлебная копия которой ныне «украшает» офис Московской ЦРС. Мартин Лютер и Кальвин перевернулись бы в гробу, узнай...

...и уважаемые миссионеры, я не хотел бы только вырывать ваши подписи, под этой хартией, видите, места достаточно, я специально предусмотрел, чтобы каждый мог выразить свое мнение, может, и несогласное с моим. В двух-трех предложениях, не более пяти строк — это чисто техническое ограничение, никто ведь не запрещает направлять в Пасадену и личные послания, проекты хоть на сто страниц.

«Разноголосица, эпистолярный гвалт, даже баланс фифти-фифти сильнее убедят Пасадену, что в Московской ЦРС бардак», — прикидывал Веденский.

17. И горестный мисандстендинг

«Дело-то все равно будет решать Пасадена, — думал и Стелл Хизинг, вглядываясь в лица миссионеров. — Но симпатии, простые человеческие симпатии, где они?! Неужели все на стороне этого Сатаны-Вельзевула-Клеветника?!»

Смешки в зале он истолковывал как поддержку обвинений Веденского, и это было большой его ошибкой. Жаль-жаль, ведь в трех его книгах столько внимания уделено «чеховскому юмору»! Как там написано, в самой недавней: «Тонкий и печальный юмор Чехова, любого русского человека стал кодом, ключом осмысления окружающей современности».

Так что же с «кодом юмора», в коем Хизинг — признанный эксперт? Или Чехов — не «русский человек», или за 120 лет русское чувство юмора так изменилось?

Нет, зря гарварец считал каждый смешок стрелой в себя, но... его речь с далекими литературными аллюзиями, ассоциациями невольно умножала рой жалящих смешков.

— ...По правде говоря, собратья, русские миссионеры, из вашей троицы Достоевский, Толстой, Чехов — первого я всегда побаивался, терпеть не мог его героев. Понимаю, рискованно анонсировать такое, ведь Достоевский же! Но я был уверен, моей искренней любви к двум другим русским гениям мне всегда хватит. К тому ж я подкреплял свою точку зрения Набоковым, тоже не терпевшим Достоевского, но это... ладно, не важно. Я сейчас другое... Я вас, сотрудников, единомышленников, добрых прихожан, всегда видел — как героев Чехова. Да-да, смотрел на ваши интеллигентные лица, думал: вот же Нина Заречная, барон Тузенбах, сестры Прозоровы... Маша, Ольга, Ирина... — показалось, бросил отдельный взгляд на Сумарокову, — вот Мисюсь, — почти явственный всхлип, но галерею любимых теней он не хотел закончить *так* и, собрав силы, продолжил: — Доктор Дымов... — Схватив вдруг «сигнальный» измайловский графин, он выдернул пробку, сделал пару глотков из горлышка, плеснул себе в ладонь, пошлепал по затылку.

Он вспоминал любимых персонажей с такими долгими укоряющими паузами, что Аркадий успел, опасливо поглядывая на Измайлова, отбить эсэмэску «Сумарокова — Мисюсь! Щас от смеха обосс...!» Но Лиза, всегда бравировавшая грубым юмором, резкостью манер, ответила не ожидаемым смайликом, «зачтено», а комбинацией двух значков «—>», которая у них считалась эквивалентом «фак!», в общем, неодобрения. Похоже, и их единое чувство юмора раскалывалось льдиной...

Теоретически, сидя рядом, они могли, дождавшись перевода грозного измайловского взора на другую цель, обменяться репликами и «вживую», но они были современными молодыми людьми, большая часть формата их общения вне зависимости от расстояния и не предполагала, даже исключала живую передачу. Например, «острота» Незванова требовала бы подбора каких-то соответствующих взгляда, мимики, тона, а каких именно, он определить бы не смог. Роботизированное будущее махало им ручкой на ближайшем изгибе трассы. Да и Колл-центр, бивший все рекорды по числу обслуженных клиентов, предоставленных консультаций благодаря компьютеризированной расписке потока звонков, удобной классификации всех деноминаций одной ногой стоял в этом будущем.

Прекрасный повод задуматься: так ли уж плох будет робот-архиепископ, усовершенствованное программное обеспечение, база данных по всем деноминациям Регистра Свенсона—Гелашвили—Цветанова, производительность 3600 благословений/час, отпевания, венчания в турборежиме, генератор проповедей на 30 языках, возможность адаптации в режиме реального времени к любым изменениям Догматов, Заповедей, Грехов, Таинств.... — примерно таковы были мрачные размышления Геры Ламина. Чуть наклонившись вперед и скосив взгляд, он видел Незванова и Сумарокову, ласкающих, царапающих экраны своих смартфонов, и даже как-то определил, что в это время они переписывались между собой.

А в президиуме продолжалась другая трагедия. Хизинг заканчивал долгую литературоцентричную аналогию:

— ...и я думал, ну какой Достоевский! Мы же тут все... чеховские учителя, земские врачи, у нас даже миссия схожа... А вы! Вы бесы, господа!

До сих пор прорывавшийся смешками и теперь заполыхавший с ряда на ряд хохот добил его. Он крепко прижал ладони к вискам, с удивлением, ужасом глядя на тех, кого считал собратями по вере, коллегами по благородной миссии.

И... на свою беду, повторил упрек, и опять — незадача! — с интонацией киноартистки Елены Соловей: «Вы бесы, господа!»

Глубочайшее разочарование в жизни слависта, носителя благородной Миссии — этот дьявольский хохот прямо в лицо...

Но и после всех речей, инвектив и аллюзий от Мартина Лютера до Антона Чехова надо было переходить к делу...

Хартию в Пасадену (общий смысл: «Вашенин — уборщик, самозванец, Измайлов недоглядел») подписать намеревались все. Второй документ («Хизинг — сибарит и растратчик, бросивший дела Колл-центра, двурушник») вызвал бурные споры.

«Недоглядевший» Измайлов не забыл вчера предупредить: «На грилли-час завтра все с паспортами!» — и пригласить нотариуса. Женщина, вооруженная печатками, папками, за отдельным столиком на линии президиума, но в самом углу сидела, ожидая своего часа, изумленно оглядывая миссионеров, малопонятно кричавших о непонятном.

«Бесы», они же миссионерский офисный планктон, в рядах и широком проходе перед столами президиума образовали мощное общественное движение, становившееся с каждой минутой по своему социальному характеру все более и более броуновским. Крики «Ой, а это же не тот листок! Ой, я ошиблась! Ой, Гальцин напротив моей фамилии уже написал!» Секретарша Клава, та, что дублирует компьютерный коммутатор для клиентов, не имеющих тонального режима, бежала в приемную распечатывать новые копии... Что ж, самая подлинная, *неуправляемая* демократия, она и должна напоминать птичий базар.

Сумарокову очень тяготило собственное присутствие, хотя и не поименованное, но очевидное, в кляузе Веденского: «миссионерка в качестве эскорт-девицы». Но еще более напрягала несуразица. Ей очень жаль было Хизинга, прямо на глазах терявшего веру в людей. Во всяком случае, в ту часть человечества, что окружала его последние годы. Хотелось подняться, объяснить или даже сделать пять-шесть шагов к президиуму, потрепать поникшую голову, объявить, оборотившись к залу: «Стелл! Коллеги хохотали вовсе не над вами, а больше над собой. Правда?.. Просто много чего и очень сильно изменилось с чеховских времен, и чувство юмора тоже!»

По репликам, по вписываемым в хартию разрешенным Веденским пятистрочиям, она видела: большая часть, может половина миссионеров, хотели бы как-то защитить своего «сибарита чехофила», но не знали, как это сделать. И от этого только сильнее шикали, усмехались, переругивались меж собой, а Хизингу казалось: все это против него, что накопившаяся непонятно где и как неприязнь, ненависть вырвались и заливают зал...

«Ага, вот сейчас — нет, а сейчас точно, откроется дверь, — прикидывала Сумарокова, — и легкими шагами войдет Серафима, остановится у стола президиума, там, куда я хотела взойти, обернется, и... как это... распротет тонкие всеильные руки и воцарит здесь мир, справедливость и всякую Теодицею...»

О, это было бы таким самоповтором, уже просто штампом — бедная выручалочка Серафима! Но как я была бы рада, и Хизинг утешен, и все спасены и ликование в вышних... (И отрет всякую слезу, как тогда в моем скайп-кабинете или недавно на допросе у Веденского...) Долгие сеансы зачитывания библейских и околобиблейских текстов отпечатывались в мозгу миссионеров, формировали обороты, ритмизировали речь. Недавно Лиза слышала, как Ламин, поставив на никелированные рельсы поднос, сделал столовским раздатчицам заказ в тоне пророка Иеремии.

Перепортив замечаниями с десятков копий веденской хартии, решили голосованием принять единое заявление. Объединить свои пятистрочия в один лист, что пойдет неотъемлемым приложением к подписываемому письму.

А Серафима с привычной ангельской миссией все не являлась. И приглядевшись получше к гранитной мимике, спокойной жестикуляции Измайлова, Сумарокова поняла, отчего он так великолепен сегодня. Оставил Серафиму дома, взял с нее слово не являться, может, даже запер на ключ... Собрание приняло процедурное решение — странное, громоздкое, но не привыкать. Со своими записками сотрудники подходят к столу президиума. Кладут бумажки на стекло проектора, строки высвечиваются на экране, наверно, это было надежней, чем зачитывание вслух в атмосфере демократии, приближавшейся к своему идеалу — птичьему базару. Голосованием принимают/отвергают это добавление. В случае принятия секретарша Клава сразу вбивает в файл «Письмо в Пасадену».

Абсолютным большинством приняли «поправку Георгия Гальцина: в свете решения экуменических Соборов сотрудники Колл-центра считают абсолютно неправомерным обвинять прелат-директора в „ватиканском двурушничестве“, оставляя это как личное мнение супервайзера». Благодарная, совсем неамериканская улыбка по-новому высветила лицо Хизинга.

Следующей со своей запиской поднялась Сумарокова, и по одному мрачному блеску серых глаз, взмахам агатовой челки над осунувшимся лицом Веденский почти угадал содержание и обернулся к экрану скорее машинально: «Лев Фомич! Хрен тебе, а не Ханты-Мансийск!» М-м, даже почерки чем-то похожи.

После секундного оцепенения Веденский поднялся к Сумароковой угрожающе, но та, все еще стоявшая у проектора, вдруг выбросила вперед руку, как в фехтовальном ремизе. Или, может, по-балетному, во всяком случае ударить его не собиралась, между ее пальцами и шеей супервайзера оставалось сантиметров 30. Но... Веденский вдруг схватился за горло, встречно протянул руку, скорее укоряюще-жалобно, и... зашелся кашлем.

Сумарокова пошла к выходу. Гера Ламин поднялся вслед.

18. После всего

Бунт Колл-центра оказался русским — наполовину. Не беспощадным, но абсолютно бессмысленным. Стелла Хизинга и так отзывали домой разгневанная жена и ее обеспокоенная подруга Виола, жена преподобного Меддока. Веденскому, вновь тяжело закашлявшему, доверили исполнять обязанности прелат-директора, усыхавшие по причинам, уже вовсе ни от кого из действующих лиц не зависевшим, абсолютно глобальным. Финансовые сложности. Как упоминалось, ЦРС традиционно вкладывался в морской транспорт, терминалы, инфраструктуру портов, возможно, из-за стивидорингского прошлого отца-основателя Джекоба Меддока. А на главном мировом маршруте АТЭС («азиатские тигры») — Европа в связи с глобальным потеплением значительная часть объемов перевозок перешла на в два раза более короткий Северный морской путь. В связи с чем несколько больших портфелей акций ЦРС скукожились до размеров барсеток, а то и вовсе дамских театральных сумочек. Плюс на второй срок не сумел переизбраться прихожанин ЦРС, президент США... этот, ну как его... в общем, тот, элегантно засветившийся в новостях CNN на фоне мерцавших серых глаз, остро вздымавшихся грудок миссионера Сумароковой.

Книга Хизинга о расходящихся кругах/лучах чеховского таланта, в основном о династии нынешних московских Книпперов, имела некоторый успех. Его жена Барбара по-прежнему играет в бридж с Виолой, женой преподобного Сайруса Меддока.

Автора «Мякиш»-галереи и сами скульптуры (но не все!) Хизинг вывез в Калифорнию, помогает по мере возможности «параноидальной мегаломании скульптора Дубинина» (из статьи в «CSM»). Специальные покрытия делают его хлебный мякиш настолько устойчивым, что речь заходила даже о городской монументалистике. «Мякиш-анджело» (кличка от Незванова), «но не без церетели», замахнулся на копию статуи Свободы в одну, точно неизвестно — какую натуральной величины. Несколько пиар-ходов Хизинга признаны вполне удачными:

1) Статуя (американской) Свободы из тюремного (русского) материала.

2) Слоган для кампании борьбы с ожирением в США: «Оплати любое хлебобулочное изделие с пометкой: *Свободу (Статую) — Дубинину*. Деньги пойдут ему на мякиш, сбереженные калории — вам на здоровье!»

Так что пока Хизинг собирает деньги, решая, в одну какую натуральной величины лепить Свободу. И заботит его только состояние компаньона — скульптора Георгия Дубинина, ставшего все чаще и тяжелее задумываться — из-за одного случая, маленького приключения в таможенном закутке аэропорта Шереметьево. Когда они наблюдали за погрузкой коллекции в транспортник, а Хизинг с пограничником сверяли пункты описи, вдруг прилетела какая-то очкастая тетка из Министерства культуры и, подняв листок с печатью, объявила, что две работы скульптора Дубинина: «Мыслитель», слепленный с Измайлова, и «Лаокоон с сыном» — в списке культурных ценностей еще с ноября прошлого года. Попытка их вывоза за пределы РФ — нарушение закона от такого такого-то «О вывозе и ввозе культурных ценностей». И возмущенно добавляла от себя: «Безответственность перед соотечественниками».

Дубинин к собственной жизни относился... без торжественности, из-за чего когда-то легко и кивнул друзьям, попросившим сделать, кроме посмертной маски богатого композитора, еще и слепки ключей. К цепочке лет не прикладывал шкалу «карьера», момент включения своих работ в столь важный список тоже не отследил.

Тогда пришлось уступить внезапной тетке с минкультовским списком. Искренность ее возмущения, ее «искусство принадлежит народу»... И то, что, как на Хизинга, она кричала и на Дубинина, вроде же автора! — глубоко кольнуло легкого по жизни ваятеля. Как ушедшие дети, его работы живут где-то своей жизнью, попадают в какие-то списки, оставляя «отца» наедине с... И дело не в двух непропущенных рьяной очкастой защитницей «искусства для народа» скульптурах (все равно через два месяца их в подвале какого-то подмосковного музея крысы съели начисто) — тут вспомнились и разговоры с натурщиками. Замученный миссионер Ламин с этой своей... теодицеей. Дубинину запомнилось только слово и обрывок общего смысла, что-то вроде: необходимость оправдания. Кого-чего? Оправдываться необходимо будет всем. Раньше для Дубинина, что «*Искусство принадлежит...*», что «*На свободу с чистой совестью*», были просто — линиялые транспаранты на зданиях, оградах. А теперь, выходило, есть и еще какая-то ответственность, поверх административной и уголовной. И ему тоже надо будет оправдываться — отсюда и задумчивость Хизингова компаньона.

Аркадий Незванов женился на Кудрявцевой, в этом году ждет ребенка от Светланы и приглашения в банковские компаньоны от ее отца.

При общем пересыхании «финансового подсоса» Колл-центр втрое сократил штаты, сместился в сторону молодежной проповеди и вещания, эдакий Кока-Колл-центр.

Ведь ЦРС и раньше, и, собственно, всегда вел такую линию, что, например, Десять заповедей — просто хорошие, всеприменимые, разумные *советы*.

Вложения в радиостанцию, выкуп частоты в ФМ-диапазоне были сделаны еще при Хизинге, так что оставалось лишь закрепить тенденцию, в связи с чем принятие в штат миссионеров бывшего уборщика Гены Кортеса стало взаимоприятным, взаимопользным событием.

Елизавета Сумарокова и правда чуть было не вышла за Геру Ламина (понятно, какая тогда была волна потрясений, ожиданий), но потом все же ушла в «литературные тренеры» Анны Лейх. Практически все время живет у них во дворце на Новорижском шоссе, куда они когда-то возили купленные диваны. Успех книги «Кузина моя жизнь» был умеренный. Запомнились вещи привходящие: муж-олигарх, экстравагантная Презентация. Конечно, незаурядная внешность авторши и, наконец, сама «центонная» идея: *«рвать (с любовью) Пастернака (стихи) — на клочки и шить из них костюм на маскарад XXI века»* (из рецензии того бородача, что сидел с Веденским). Теперь все ждут: окажется ли шуткой/глумлением, эстетической провокацией заявленное когда-то ее подругой Елизаветой Сумароковой намерение писать роман «Доктор Люмбаго»... Что-ж, в любом случае этим двоим есть в чем заявиться на «маскарад XXI века».

Девочка из приюта, названная в честь великих мучений и усилий Геры Ламина — Теодицея, подросла, и он, «не разбиравшийся в грудничках», и вообще все разглядели: выглядело это «Оправдание Бога» просто очаровательно. Каштановые кудри, большие темно-карие глаза, резко вскинутые, заломленные брови (возможно, полутатарочка).

Веденский был прав: после рассказа в колл-центровской передаче желающих удочерить Теодицею было немало. Но Московское отделение ЦРС на правах опекуна устроило такой строгий отбор, соревнование семей-кандидатов, что все мероприятие стало чем-то смахивать на аукцион, и Теодицея оставалась в приюте. Вообще, странная, немного непонятная не только Веденскому, даже самому Сайрусу Меддоку тенденция: многие вполне духовные инициативы ЦРС почему-то вдруг неумолимо начинали напоминать финансовые транзакции. Вот и с удочерением девочки Теодицеи: ясно же, что хотели как лучше.

А Измайлова и Серафиму я, повествователь, почти случайно увидел в Севастополе, на круизном корабле «Николай Гоголь». Пара мне показалась столь романтической, столь вызывающе красивой, что я сделал несколько осторожных снимков издали. Глянул на экран планшета и первый раз убедился в бессилии фотографии как таковой. В кадре запечатлены, и даже с достаточной резкостью, не размыты: танцующие на баке (нос корабля) высокий, атлетического вида мужчина и женщина, тоже выше среднего роста, но худощавая. Оба немолодые, два оттенка седины, две карты морщинок, как разные полушария школьной карты. Но глаза, янтарные и сероватые, блестят, посылая друг другу лучи, словно морские прожектористы сигналият. Метрах в пяти — какой-то ребенок, неуверенно переставлявший тугие ножки. И все — прочие круизные пассажиры перегнулись через леера, следят за парой дельфинов. Небо без облачка, полированные детали корабля играют в зайчики, вдали военный корабль, крейсер, с оркестром (все в белом) на борту. Фото я пробовал усилить видеозаписью: добавились крики полного восторга пред парой дельфинов, обрывки военного марша с крейсера. Красиво, да. Но насколько это вызывающе красиво, весь богатый смысл картины... выложи фото-видео хоть во все соцсети — буду знать только я. Особый смысл кадра: танцующая немолодая пара на фоне крейсера, дельфинов, оркестра был понятен только мне, знавшему их историю, приключение.

Именно желание дополнить «фон» этой картинки и побудило меня рассказать о прошлых событиях, и вообще: о Московском Колл-центре ЦРС, миссионерах...

Сразу (в эпилоге — ха-ха!) представляю: человек я абсолютно несентиментальный, неромантический. Я вообще — программист, работавший в том Колл-центре. Характер заданий требовал посещения раз в неделю, таких фирм у меня было еще две, на жизнь хватало. И в дни визитов я, как и многие, не отказывал себе в удо-

вольствию пройтись с ними в столовую, словить «измайлики». Любовался издали Сумароковой, дивился Серафиме, общался с Аркадием Незвановым, Геной Кортесом, но больше с Герой Ламиным.

Он-то мне и рассказал, что его тетка с Измайловым будут в Севастополе, а ... июля планируют сесть на круизный теплоход, проехать вдоль Крыма до Сочи. Оказавшись в Севастополе вынужденно свободным, имея в Сочи пару адресов, я и решил проехаться тем же рейсом. Попадусь на глаза Измайлову — передам привет от Геры. Не выкинет же он меня за борт. При всей приобретенной настороженной внимательности сейчас его морда (*«ножи точить можно»* — Е. Сумарокова) просто светилась счастьем. Может, даже угостит... чем-нибудь массандровским, не откажусь.

Так, отчасти случайный попутчик, отчасти шпион, я и наблюдал за ними. Страшно хотелось сбежать в буфет, взять еще бокал, но боялся «потерять момент», недолюбоваться финалом, развязкой истории, мне столь знакомой.

Из Колл-центра они уволились в один день, следующий за тем, когда был долгий кошмарный гритти-час, когда Хизинг: *«Вы бесы, господа»*, а Веденский снова начал кашлять... и т. д.

А вот почему они ушли так сразу? Как, на что дальше планировали дальше жить — тут-то и открылся виток по-своему оригинальной интриги Веденского. Это он, используя втемную Измайлова, сумел надавить на галериста Марка Эльчина, эксперта Герарда Брунина, убедивших Серафиму Калугину, что подарок когда-то исцеленного банкира Манского, картина Айвазовского «Феодосийский залив после бури» (1859) — подделка. Денег у нее почти не оставалось, что и вынудило принять приглашение на работу. А потом и исцелить Веденского, но это уж — по прихоти («как сердцу девы нет закона»).

Измайлов хотел «слегка отрихтовать» морду супервайзера, но Серафима решительно запретила. Во-первых, никакого убытка в ходе этой странной интриги она не понесла: картина так в квартире и висела. Ее они через несколько месяцев и продали. Айвазовский, подлинный подлинник, что-то около 37 миллионов рублей... На эти-то деньги они летом и полетели в свадебное путешествие в Крым, а через день планировали увидеть и Феодосийский залив вживую, «после (московской) бури».

Во-вторых, а для нее — во-первых, она объяснила Измайлову, что не понесла и морального убытка, ибо с того момента, как «эксперты» объявили «подделка», и до финального выяснения она *ни доли секунды* не думала, что ее мог обмануть покойный Манский. Была уверена: просто обманули его.

— И дальше смотри, громила, сколько всего произошло... мы с тобой познакомились. — И Веденский был прощен.

Тогда, фотографируя их на носу корабля и все-таки пока скрываясь, я понимал, что этот вид, снимок — подарок и мне, почти причастному, во всяком случае снабженному «инсайдерской информацией» от Геры Ламина... И все старался разгадать красоту момента. Может, дело в море, кораблях? Изумительный фон? Ведь все корабли, мое глубокое убеждение, всегда очень красивы. И нынешние стальные, и древние. Сколачивая их на земле, отправляя в новую часть Космоса (для жителя суши из трех стихий две, небеса и море, были равно незнакомы) греки старались сделать их красивыми. Может, надеясь, что красота защитит, как-то оправдывает вторжение в чужую стихию — рисовали те громадные глаза с ресницами на носах своих триер...

Да, это единственная претензия вашего повествователя: программист, но любит почитать классических авторов. Я и красивую финальную картинку пытался раскодировать с помощью... Геродота. Потому далее вставляю цитату из начала его «Истории». А если учесть, что он — первый, «отец Истории», цитатка выходит — из начала Истории вообще:

— По словам сведущих людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Когда они прибыли в Аргос, выставив товар на продажу, по знаку набросились на женщин, захватив царскую дочь Ио, отплыли в Египет. Затем эллины похитили в Тире финикийском Европу. Этим они только отплатили финикиянам...

Потом эллины все-таки вновь нанесли обиду варварам: похитили в Колхиде Медею. В следующем поколении Александр Парис, сын Приама, добыл себе женщину из Эллады (*Елену, начало Троянской войны — примечание повествователя*). Он был уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда с Медеей ничем не поплатились... Похищение женщин — дело несправедное, но мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели...

В общем, и мне «громила» Измайлов показался, извините, ну, немножко... из тех героев, увозивший свою Елену, Медею на корабле.

Да... еще же дельфины! Были участниками роскошной сцены: их парочка притянула всех пассажиров к борту, очистив площадку для экспромтного танца, порыва Измайлова и Серафимы. Дельфины ведь тоже... о, тут можно говорить не меньше, чем о кораблях! Игривая пара решила подразнить наш корабль «догонялками», шла параллельно, ныряя и вновь взлетая, напоминая ныряние иголки с белой ниткой на голубой джинсовке севастопольской бухты.

А тут еще на проходящем по другому борту крейсере ударил оркестр (июль, кажется, День флота), тогда-то Измайлов и показал Серафиме, что можно танцевать и под военный марш. Так они кружились, медленно, оставшись на носовой палубе вдвоем. Нет, еще же в десяти шагах был тот ребенок, неуверенно ступавшая темноволосая девочка, но все прочие точно прилипли к левому борту, где пара дельфинов прошивала двойным швом севастопольскую бухту...

Вдруг сойдя с орбиты танцевального кружения, женщина подала какой-то знак мужчине, обернулась и позвала девочку: «Теоди-це-я!»